

ЗАПИСКИ

СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

КНИЖКА VI.

ИЗДАННАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ПРАВИТЕЛЯ ДѢЛА

СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

А. С. СРИБНЕВА.

ИРКУТСКЪ.

Въ типографіи штаба войскъ.

1863.

Печатано съ одобренія цензуры.

БИБЛИОТЕКА

ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

Русскаго Географическаго Общества.

По инвентарю № 4117

Шкафа 5

Полка 3

№ 1.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

страниц.

1. Поѣздка изъ Якутска на Учурскую ярмарку. А. ПАВЛОВСКАГО, члена—сотрудника Отдѣла. 1
2. Историческій очеркъ якутскаго Тамгинскаго желѣзодѣлательнаго завода и Юндыбальскаго серебрянаго рудника въ Верхоянскомъ округѣ. В. РАЙСКАГО, члена—сотрудника 24
3. Объ остякахъ, тунгусахъ и проч. инородцахъ Енисейскаго округа. М. КРИВОШАПКИНА. 39
4. Очеульскіе и тутурскіе тунгусы въ Верхоянскомъ округѣ. П. КЛАРКА, члена—сотрудника Отдѣла 87
5. Нѣсколько словъ объ Аргуни и объ истинномъ истокѣ этой рѣки. Н. КАШИНА, дѣйствительнаго члена Общества. 97
6. Замѣтка на статью: «Нѣсколько словъ объ Аргуни». К. БУДОГОСКАГО, дѣйствительнаго члена Общества 105
7. Кайбалы. Кн. Н. КОСТРОВА, члена—сотрудника. 109
8. Шушенская волость Минусинскаго округа. ЕГО ЖЕ. 118
9. Бирюсы. ЕГО ЖЕ. 126

СМѢСЬ

Страниц.

1. О полярной экспедиции, предпринимаемой докторомъ Гайесомъ. АРГЕНТОВА, члена-сотрудника.	1
2. Глубина Байкала. Д. РОМАНОВА, дѣйствительнаго члена Общества	7
3. Миражъ въ окрестностяхъ г. Селенгинска. П. КЕЛЬБЕРГА.	16
4. Минеральный ключъ на берегу рѣки Хилка. ЕГО ЖЕ	19
5. Мѣсторожденіе мрамора въ Минусинскомъ округѣ	25
6. Замѣтка о переменѣхъ погоды, въ С. Михайловскомъ, на р. Амурѣ. Свящ. ТИТОВА.	29
7. Путевыя замѣтки о Нерчинскомъ округѣ. АНОСОВА.	33
8. Замѣтки изъ дѣлъ якутскаго архива. РАЙСКАГО.	38
9. Извѣстія о дѣйствіяхъ горно-поисковой партіи въ Приморской области Восточной Сибири въ 1857 и 1858 г. АНОСОВА.	40

III.

ЛѢТОПИСЬ СИБИРСКАГО ОТДѢЛА.

1. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 25 января 1858 г.	1
2. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 23 февр. 1858 г.	2
3. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 12 марта 1858 г.	4
4. Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 14 мая 1858 г.	8
5. Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 21 мая 1858 г.	13
6. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 25 октября 1858 г.	17
7. Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 27 октября 1859 г.	28

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

ПОѢЗДКА

ИЗЪ ЯКУТСКА НА УЧУРСКУЮ ЯРМАРКУ.

Весною 1857 года былъ я командированъ на Учурскую ярмарку за сборомъ ясака съ Тунгусовъ тамошняго края и во время этой поѣздки велъ путевой журналъ, которой теперь имѣю честь представить въ Сибир. Отдѣль.

Нанявши заблаговременно выючныхъ и верховыхъ лошадей, 21 апрѣля выѣхалъ я изъ Якутска и 23 прибылъ въ Амгинскую слободу. Не описываю путешествія моего до этой слободы, потому что пространство это всякому болѣе или менѣе извѣстно, и начинаю свой дневникъ прямо отъ сей послѣдней.

25 числа апрѣля выѣхалъ я изъ Амгинской Слободы въ сопровожденіи казака и Якута проводника, которой, къ сожалѣнію оказался не совсѣмъ хорошо знакомымъ съ мѣстностью между слободой и Учуромъ. Дорога шла сначала по долинѣ рѣки Амги, которая въ это время вся покрыта была невысокою водою отъ растаявшаго снѣга и служила пристанищемъ для огромнаго числа дикихъ утокъ, скрывавшихся между мелкимъ тальникомъ и кочками, и съ крикомъ поднимавшихся при нашемъ приближеніи. Верстахъ въ двухъ отъ слободы перешли мы чрезъ небольшую рѣчку Хамняг-а, впадающую въ Амгу съ лѣвой стороны, а прошедши еще около 5 верстъ, перешли и черезъ сію послѣднюю и начали углубляться въ горы, идущія вдоль праваго ея берега. Амга была покрыта еще толстымъ льдомъ и также залита водою; берега ея низменные и землистые; правый берегъ на довольно большое пространство покрытъ лѣсомъ, состоящимъ изъ небольшихъ лиственницъ и березъ.

Верстахъ въ 15 отъ слободы вступили мы въ долину рѣчки Лахарытта, впадающей въ Амгу. Отсюда до самаго Алдана мѣстность гористая или, лучше сказать, холмистая, потому что горы эти весьма незначительной высоты. Направленіе ихъ съ NW на SO. Вдоль этихъ горъ текутъ рѣки, впадающія съ одной стороны въ Амгу, съ другой въ Алданъ. Водораздѣломъ ихъ служитъ не большой отлогій хребетъ, покрытый мелкимъ, но густымъ лѣсомъ. Мы поднялись на этотъ хребетъ пѣшкомъ, потому что снѣгъ на сѣверномъ скатѣ его былъ еще довольно глубокъ, такъ что лошади съ трудомъ могли идти.

Дорога отсюда идетъ большею частію по рѣчкамъ, впадающимъ въ Алданъ, пересѣкая ихъ въ косвенномъ направленіи. Перешедши чрезъ водораздѣлъ Амгинскихъ и Алданскихъ рѣчекъ, вступили мы въ долину рѣки Миль, недалеко отъ ея вершины и пошли по лѣвому берегу этой рѣки. Но такъ какъ теченіе ея представляетъ значительное уклоненіе на западъ, то верстахъ въ 12 отъ вершины оставили мы ее, и, перешедши чрезъ небольшой хребетъ, вышли въ долину рѣчки Суордахъ (*), впадающей въ Миль, а потомъ къ вершинѣ Огонтугень, впадающей также въ Миль, и пошли по этой рѣчкѣ до самаго ея устья. Здѣсь нашли мы двѣ юрты, населенныя Якутами и Тунгусами, приписанными къ Батурускому улусу; урочище это называется Истяхтахъ и находится на ровномъ и довольно возвышенномъ мѣстѣ, покрытомъ превосходнымъ березовымъ лѣсомъ. Отъ устья Огонтугени дорога опять идетъ по лѣвому берегу Мили, который здѣсь на значительное пространство низменъ, травянистъ и покрытъ небольшими озерами, доставля-

(*) Суоръ значитъ воронъ.

ющими тамошнимъ жителямъ карасей и мундушекъ.

Горы, идущія вдоль лѣваго берега Мили, значительно выше идущихъ по правому и состоятъ изъ мелкозернистаго бѣлаго цвѣта песчаника, прикрытаго сверху слоемъ довольно чистой красной глины, которая въ сырыхъ мѣстахъ такъ всосалась въ песчаникъ, что послѣдній принялъ также красный цвѣтъ. Ниже устья Огонтигени глина эта является уже въ окаменѣломъ состояніи и представляетъ шиферное строеніе. Лѣсъ, покрывающій хребетъ лѣваго берега Мили, также переменяетъ здѣсь свое свойство: онъ состоитъ почти исключительно изъ сосны, къ которой лиственница примѣшивается только изрѣдка на мѣстахъ болѣе низкихъ; между тѣмъ какъ до сихъ поръ она была преобладающимъ элементомъ лѣсовъ. Долина Мили представляетъ мѣста удобныя для поселеній: она очень широка, покрыта густою, высокою травою и множествомъ небольшихъ озеръ. Изъ этихъ озеръ замѣчательно (покрайней мѣрѣ по названію) только одно, довольно большое и называемое Блахъ балыктахъ куоль (озеро съ гнилою рыбою). Названіе это, по словамъ живущихъ здѣсь Якутовъ, произошло отъ того, что прежде въ этомъ озерѣ была худая и невкусная рыба, которой нельзя было употреблять въ пищу.

Проѣхавши около 10 верстъ отъ этого озера, перешли мы на правой берегъ Мили, для того, чтобы со всѣмъ оставить ея долину, и нашли здѣсь, при устьѣ рѣки Балаг—аннахъ—уріа, на урочищѣ Басъ куоля (сосновое озеро), юрту и Якутовъ. Это уже послѣднее Якутское жильє по дорогѣ къ Учурѣ, и потому мы постарались накормить здѣсь нашихъ лошадей въ послѣдній разъ сѣномъ. Рѣчка Балаг—аннахъ—уріа при устьѣ своемъ представляетъ (покрайней мѣрѣ въ весеннее время) превосходный водопадъ, довольнозначительной высоты. Самая Миль имѣетъ здѣсь до 5 сажень ширины; берега ея обрывисты; теченіе чрезвычайно быстро и шумно.

Небольшой хребетъ отдѣляетъ здѣсь Миль отъ рѣчки Томоконъ, впадающей уже въ Билірѣ, такъ что мы, оставивши долину Мили, чрезъ полчаса прибыли къ вершинѣ Томоконя и пошли по лѣвому берегу его до самаго устья. Отсюда дорога идетъ по лѣвому берегу Билиря верстъ около 12, здѣсь нашли мы юрту, въ которой жильє прежде Тунгусъ и противъ которой обыкновенно переправляются на противоположный берегъ Билиря. Къ сожалѣнію, подѣхавши къ перевозу, мы увидѣли, что рѣчка сильно разлилась и затопила свои крутые, обрывистые берега, такъ что брода ни гдѣ не представлялось. По этому мы продолжали нашъ путь далѣе внизъ по Билирю, въ надеждѣ найти или бродъ, или спертый ледъ, по которому бы можно было перетащить кладь и перевезть лошадей. Но, проѣхавши еще верстъ около 5 между

кочковникомъ, значительной высоты, (около $1\frac{1}{2}$ арш.), залитымъ водою, мы все таки не нашли ни брода, ни льда, а потому, остановившись на первомъ сухомъ мѣстѣ, построили плотъ, на которомъ и переправились на другой берегъ Билиря.

Долина Билиря, довольно широка, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ $1\frac{1}{2}$ и болѣе версты; весною она совершенно затопляется водою, образуящею въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшія озера, которыя остаются потомъ послѣ убыли воды; съ лѣвой стороны ограничивается не высокимъ, но довольно крутымъ, сплошнымъ хребтомъ, состоящимъ изъ песчаника и глины и покрытымъ сосновымъ лѣсомъ.

Переправившись на другой берегъ Билиря и перешедши чрезъ долину его, поднялись мы на небольшой хребетъ, покрытый довольно глубокимъ снѣгомъ и мелкимъ, но очень частымъ лѣсомъ; тонкія деревца березы и ольхи, переплетенныя старыми стеблями атрагены, представляли намъ на каждомъ шагу преграды, сквозь которыя надобно было пробираться. Спустившись съ хребта, вышли мы въ долину рѣки Долгока, впадающей въ Алданъ, и продолжали нашъ путь по лѣвому берегу ея до самаго устья. Долина эта не представляетъ удобствъ для путешествія, по крайней мѣрѣ въ настоящее время года: она очень кочковата и была вся залита водою, такъ что ѣхать по ней было очень трудно; покати же горъ, ограничивающихъ эту долину, представляли глинистую почву до того размытую дождями и горными потоками, что лошади вязнули въ этой глинѣ до колѣнъ.

Горы, идущія съ правой стороны Долгока, выше и красивѣе идущихъ по лѣвому берегу и состоятъ изъ песчаника и глины. Эти же породы тянутся и по всему лѣвому берегу Алдана; тонкіе пласты глины лежатъ на толстомъ слое песчаника, который впрочемъ отличенъ отъ видѣннаго нами прежде: онъ сѣраго цвѣта, крупнозернистый и очень крѣпокъ, такъ что Тунгусъ, живущій здѣсь, приготовляетъ изъ него себѣ жернова, брусы для точенія ножей, топоровъ и проч. и даже на его кладбищѣ я замѣтилъ нѣсколько памятниковъ, сдѣланныхъ изъ этого же песчаника. Памятники эти очень просты и представляютъ плиту, на которой поставленъ грубо обдѣланный крестъ.

1 Мая прибыли мы на Алданъ и къ большому удовольствію нашли его еще безъ забереговъ, такъ что безъ всякаго затрудненія переѣхали чрезъ него по льду. Онъ имѣетъ здѣсь около $\frac{1}{2}$ версты въ ширину; правый берегъ его значительно ниже лѣваго и покрытъ лиственнымъ лѣсомъ, по преимуществу березовымъ, такъ что представлялъ бы хорошія мѣста для поселеній, если бы множество длинныхъ озеръ, тянувшихся параллельно съ Алданомъ,

не затопляли почти совершенно этой мѣстности. Алдангъ такъ изобилуетъ водою, что во время весеннихъ разливовъ вливается въ рѣчки, впадающія въ него, и затопляетъ ихъ долины, не смотря на то, что эти долины лежатъ довольно высоко надъ обыкновеннымъ его уровнемъ.

Отъ Амгинской Слободы до Алданскаго перевоза Якуты считаютъ 200 верстъ, но это разстояніе значительно меньше и едва ли превышаетъ 150 верстъ; но такъ какъ ѣзда здѣсь сопряжена съ трудностями и частыми остановками, то Якутскіе кѣсы, очень значительные здѣсь по времени. (*)

Все это пространство, какъ мы видѣли уже выше, гористое; но эти горы ни гдѣ не достигаютъ значительной высоты. Горы покрыты большею частію лиственничнымъ лѣсомъ, съ примѣсью въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сосны и еще рѣже березы и ольхи; изрѣдка сосна является главнымъ элементомъ горныхъ лѣсовъ. Въ долинахъ березовый ерникъ, березовый сланецъ и разныя породы тальниковъ заглушаютъ почти всѣ прочія растенія и затрудняютъ проѣздъ по этимъ долинамъ. На хребтѣ, отдѣляющемъ Билиръ отъ Долгока въ первый разъ встрѣтилъ я *Rhododendron dahuricum*, довольно въ большомъ количествѣ; отсюда далѣе онъ составляетъ уже необходимую принадлежность лѣсовъ и наполняетъ ихъ своимъ, не совсѣмъ пріятнымъ запахомъ такъ, что даже я чувствовалъ иногда головокруженіе, если приходилось долго ѣхать горнымъ лѣсомъ.

Населенныхъ мѣстъ на пространствѣ между Амгою и Алданомъ очень немного, по крайней мѣрѣ потому тракту, по которому я ѣхалъ. Жители здѣсь Якуты Батурускаго улуса и частію приписанные къ тому же улусу обьякутѣвшіе Тунгусы. Нѣсколько юртъ, видѣнныхъ мною, свидѣтельствуютъ о бѣдности и неопытности своихъ обитателей, такъ что въ этомъ отношеніи здѣшніе Якуты далеко отстали отъ прочихъ своихъ собратьевъ, болѣе или менѣе ознакомившихся съ комфортомъ. Скотоводство ихъ очень незначительно и потому главный ихъ источникъ содержанія составляютъ рыбный и отчасти звѣриный промыслы. Рыбу ловятъ въ небольшихъ озерахъ, которыхъ здѣсь находится достаточное количество; на звѣриныя же промыслы ходятъ большею частію по рѣчкамъ верстъ за 10 и за 20 отъ своихъ жилищъ. По замѣчаніямъ здѣшнихъ Якутовъ и Тунгусовъ, количество звѣрей годъ отъ году значительно уменьшается, такъ что

(*) По моему счету здѣшній кѣсъ равняется 6 верстамъ, а по времени 2 часамъ.

одинъ промышленникъ въ продолженіи цѣлаго года убиваетъ не болѣе 2—3 лисиць и столько же оленей и сохатыхъ (лосей), которые водятся по сию сторону Алдана. Обыкновенный способъ ловли этихъ звѣрей посредствомъ луковъ, которые ставятся (настораживаются) на звѣриныхъ тропахъ. Но съ этимъ промысломъ, по замѣчанію вообще Якутовъ и Тунгусовъ, сопряжено то неудобство, что мясо звѣрей, пойманныхъ такимъ образомъ, чрезвычайно скоро портится, такъ что рѣдко достается оно промышленнику совершенно свѣжимъ. Впрочемъ къ этому привыкли здѣшніе жители и часто ѣдятъ мясо добытаго звѣря ложками: до того оно раскисаетъ.

Начиная отъ Алдана, мѣстность становится гористою, и эти горы представляютъ большія затрудненія при проѣздѣ, потому что онѣ бывають покрыты глубокимъ снѣгомъ, который весною сходитъ очень поздно. По этому мы на Алданѣ жили цѣлую недѣлю (отъ 1 до 8 мая), ожидая, что бы теплая погода, а еще болѣе весенніе дожди, согнали сколько нибудь этотъ снѣгъ. Къ сожалѣнію, во все время нашего здѣсь пребыванія погода стояла довольно холодная и, хотя дождя выпало достаточно, но онъ часто смѣнялся снѣгомъ и градомъ. Наконецъ 8 мая отправились мы далѣе. Сначала, около 5 верстъ, дорога идетъ вверхъ по Алдану; потомъ сворачиваетъ съ него и идетъ около 9 верстъ по низкой равнинѣ, покрытой частію густымъ лѣсомъ, частію топкими болотами и озерами, изъ которыхъ замѣчательно одно, называемое Торò куòль (поперечное озеро), потому что оно имѣетъ направленіе не параллельно Алдану, какъ мы видѣли прежде, а почти перпендикулярно къ нему. Прошедши съ большимъ трудомъ по этой равнинѣ, начали мы подниматься на Алданскій хребтъ, который здѣсь отступилъ отъ рѣки на значительное разстояніе и тянется болѣе вдоль рѣки Эльга, впадающей въ Алданъ верстъ 10 ниже устья Долгюку. Снѣгъ на этомъ хребтѣ былъ довольно глубокъ ($\frac{3}{4}$ —1 арш.), но къ счастію весьма рыхлъ и мягокъ, такъ что лошади свободно его бороздили. Впрочемъ все таки передовую лошадь часто надобно было перемѣнять и въ этомъ случаѣ между нами соблюдалась очередь: каждый изъ спутниковъ въ свою очередь долженъ былъ давать лошадь подъ передоваго ямщика, прокладывавшаго дорогу.

Горы здѣсь гораздо выше видѣнныхъ прежде и состоятъ изъ известняка и окаменѣлой глины. Песчаникъ попадается здѣсь весьма рѣдко. Преобладающая порода здѣсь есть известнякъ; онъ сѣраго цвѣта и весьма плотенъ; горы почти исключительно состоятъ изъ его обломковъ различной величины (до 2 арш. и болѣе). Оттого здѣсь меньше горныхъ потоковъ; вода течетъ съ горъ

подземными путями и не рѣдко бьетъ къверху небольшими фонтанами. Лѣсъ на горахъ по преимуществу сосновый; лиственница и пихта являются только въ долинахъ.

Около 20 верстъ проѣхали мы этимъ хребтомъ; послѣ того вышли въ долину рѣчки Апшай или Апшатунъ, впадающей въ Эльга. Долина эта при вступленіи въ нее весьма красива и представляетъ длинный корридоръ, ограниченный съ обѣихъ сторонъ высокими снѣжными горами, а вдали на горизонтѣ пересѣченный хребтомъ, кажется, Чабдинскимъ. Но переѣздъ изъ нея къ вершинѣ Эльги очень непріятенъ: небольшой хребетъ этотъ мѣстами покрытъ такимъ частымъ лѣсомъ, что почти не возможно было пробраться сквозь него и надобно было совершенно пожертвовать и руками и лицомъ вѣтвямъ и сучьямъ, которые то царапали, то хлестали насъ и лошадей, то останавливали весь поѣздъ.

Выбравшись къ вершинѣ рѣчки Эльга, послали мы на хребетъ Дыгды—хая, черезъ который идетъ дорога, рабочихъ людей для того, что бы протоптать слѣдъ; но посланные, вернувшись объявили, что они нашли слѣдъ уже готовый, по этому отправились мы далѣе, въ надеждѣ безъ труда перейти чрезъ этотъ хребетъ. Подъемъ на него съ сѣверной стороны почти не замѣтенъ: сначала пробирались мы по чащѣ березъ, ольхи и осины, и снѣгъ былъ хотя глубокъ, но рыхлъ; когда же поднялись мы на самую площадь этого хребта, покрытую сосновымъ лѣсомъ, то снѣгъ достигъ 5 четвертей глубины и лошади не могли доставать до земли; при томъ первоначальный слѣдъ былъ проложенъ торговцами, ѣхавшими на оленяхъ, и снѣгъ былъ умятъ не во всю глубину его; это было причиною того, что наши лошади постоянно проваливались и падали. Переправа черезъ этотъ хребетъ (около 7 верстъ) продолжалась три часа и я долженъ сознаться, что опасенія проводниковъ, заставившія насъ жить цѣлую недѣлю на Алданѣ, не были ни сколько преувеличены. Спускъ съ Дыгды—хая крутъ и обрывистъ.

Сшедши съ хребта, вышли мы къ вершинѣ рѣчки Сыэнъ, впадающей въ Янду. Такъ какъ вся долина, по которой течетъ Сыэнъ, имѣетъ сильную покатость на SW, то теченіе этой рѣчки здѣсь очень быстро; при томъ она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуетъ ямы, въ другихъ едва замѣтна. Горы и вся долина Сыэна состоятъ изъ огромныхъ известковыхъ массъ, грудями наваленныхъ одна на другую. По этому въ руслѣ Сыэна образовалось множество воронокъ (такъ называются ямы въ которыхъ вода уходитъ подъ землю, и теченіе рѣки прерывается). Около 12 верстъ Сыэнъ течетъ по направленію почти прямо на S; но

потомъ круто поворачиваетъ на W; по этому мы, оставивши его, и прошедши версты три по маленькой рѣчкѣ, впадающей въ него, начали подниматься на второй хребетъ, называемый Олаг-у-ытабытъ. Этотъ подъемъ сначала едва замѣтенъ и тянется около 10 верстъ; но онъ былъ покрытъ глубокимъ снѣгомъ, представлявшимъ не малое затрудненіе лошадямъ; затрудненіе это еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что весь этотъ хребетъ покрытъ множествомъ кедроваго сланца, который, стелясь подъ снѣгомъ, бываетъ часто незамѣтенъ, такъ что лошади запутываются въ немъ ногами. Проѣхавши этотъ отлогій подъемъ, подошли мы наконецъ къ самому гребню хребта; здѣсь должны мы были спѣшиться и вести, или лучше сказать, тащить лошадей въ поводу; глубокой снѣгъ, крутой подъемъ и густота лѣса замучили и насъ, не говоря уже о лошадяхъ. Переправа чрезъ этотъ хребетъ продолжалась $4\frac{1}{2}$ часа и показалась мнѣ гораздо труднѣе, нежели переправа чрезъ Дыдыхай. Название Олаг-у-ытабытъ (Олаг-у-плакалъ) произошло отъ того, что нѣкогда ѣхалъ изъ Удскаго края Якутъ, по имени Олаг-у, съ большимъ отцемъ, перевоза котораго черезъ этотъ хребетъ, онъ встрѣтилъ такія затрудненія и такъ измучился, что заплакалъ съ отчаянія.

Спустившись съ хребта, вышли мы къ вершинѣ рѣчки Эилъ (Шла), впадающей также въ Янду, около 5 верстъ выше устья Сыэнь. Проѣхавши по этой рѣчкѣ около 4-хъ верстъ, оставили ее въ правой сторонѣ и вскорѣ подошли къ третьему хребту, называемому Кабаликанъ. Этотъ хребетъ замѣчательнѣе тѣмъ, что при началѣ своемъ представляетъ узкій проходъ, похожій на ворота, образуемый двумя высокими и довольно крутыми горами, которыя сошлись здѣсь своими подошвами. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ горы эти сходятся, образовалась огромная воронка, сажень въ 15 глубины. Вступивши въ ворота, за которыми горы опять расходятся, начали мы подниматься на хребетъ. Этотъ подъемъ не былъ труденъ и весь переѣздъ продолжался не болѣе одного часа; послѣ чего вышли мы къ вершинѣ рѣки Кабаликанъ, впадающей въ Малый Анмъ, и пошли внизъ по этой рѣчкѣ.

Горы, ограничивающія съ обѣихъ сторонъ долину Кабаликана, представляютъ во многихъ мѣстахъ столбы, имѣющіе видъ домовъ, башенъ, памятниковъ и проч., и состоятъ болѣею частью изъ глины желтаго и краснаго цвѣта и шимѣрнаго строенія.

Рѣка Кабаликанъ не большая, но долина ея довольно широка и весною вся затопляется водою, образующею въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшія озера.

Прошедши по Кабаликану около 8 верстъ, оставили мы его и начали подниматься на хребетъ, влущій по правой его сторо-

нѣ. Хребетъ этотъ хотя не высокъ, но мы встрѣтили на немъ такой глубокой снѣгъ, что надобно было послать пѣшихъ людей впередъ для того, что бы протоптать дорогу; это заняло довольно много времени. Переправившись черезъ хребетъ, вышли мы къ вершинѣ едва замѣтной рѣчки, называемой Артыкъ, и впадающей въ малый Аимъ, по которой и достигли сего послѣдняго. Горы здѣсь достигаютъ уже значительной высоты и мѣстоположеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно красиво. Рѣка Малый Аимъ была покрыта еще толстымъ льдомъ, прорѣзаннымъ во многихъ мѣстахъ потоками воды съ очень быстрымъ теченіемъ. Около береговъ ея лежали толстыя наледы, которыя, по словамъ проводниковъ, никогда совершенно не растаяваютъ и лежатъ тутъ круглый годъ. Рассказываютъ впрочемъ, что не смотря на толстоту льда, здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ переправлялся одинъ Якутъ и, провалившись сквозь ледъ вмѣстѣ съ лошадыю, утонулъ въ этой рѣкѣ. Горы состоятъ здѣсь также изъ известняка и красной глины; лѣсъ, покрывающій ихъ, состоитъ изъ сосны и отчасти лиственницы, между которыми много кедроваго сланца; на скатахъ горъ главное мѣсто занимаютъ лиственница, пихта, и въ особенности кедровникъ.

Переправившись черезъ Аимъ по льду по колѣна въ водѣ, вступили мы въ долину рѣчки Абаг—ы—уряхъ (Чортова рѣчка). Долина эта представляетъ узкую падь, лежащую между высокими и крутыми горами; теченіе рѣчки быстро, если можно такъ выразиться, до неистовства. Прошедши около 15 верстъ по крутымъ скатамъ горъ, идущимъ вдоль лѣваго ея берега, и переправившись на правый берегъ, начали мы подниматься на хребетъ Курумъ. Здѣсь встрѣтили такой глубокой снѣгъ, какого еще ни гдѣ по дорогѣ не видали; лошади, въ полномъ смыслѣ слова, тонули въ этомъ снѣгу; при томъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ снѣгомъ находилась довольно глубокая вода, такъ что мы порядочно вымокли во время этой переправы, продолжавшейся около 3 часовъ. Сѣверный подъемъ Курума гораздо круче южнаго спуска, который почти незамѣтенъ, и который даетъ здѣсь начало рѣкѣ Курумъ, впадающей въ Большой Аимъ. По всей долинѣ этой рѣчки лежалъ еще довольно глубокой снѣгъ, а по берегамъ самой рѣчки крѣпкія наледы, такъ что мы не могли отыскать здѣсь даже порядочнаго кормовища для лошадей. Впрочемъ, по словамъ проводниковъ, здѣсь и лѣтомъ не бываетъ корма для лошадей, отчего и все это мѣсто получило названіе—Ытт ортуг—à (сабачья отравка). Далѣе дорога наша должна была идти внизъ по рѣкѣ Курумъ до самаго устья и потомъ вверхъ по большому Аиму до перевоза, но мы пользуясь тѣмъ, что покати горъ,

обращенныя къ солнцу, уже обнажились отъ снѣга, оставили Курумъ и поднялись на хребетъ, идущій вдоль праваго берега этой рѣчки и представлявшій во многихъ мѣстахъ обрывы почти вертикальные. Черезъ этотъ подъемъ мы избѣжали угла и вышли къ вершинѣ маленькой рѣчки, называемой также Артыкъ (*), проѣхавши по которой около 8 верстъ, прибыли на большой Аимъ, гдѣ нашли нѣсколько семействъ Тунгусовъ учурскаго вѣдомства и готовую лодку для переправы на другой берегъ. Дорога по Артыку впрочемъ дурна до чрезвычайности: она идетъ по скатамъ горъ праваго его берега, на которыхъ выгорѣвшій лѣсъ, вымытый горными потоками, наваленъ грудами; при томъ глинистая почва этихъ горъ весьма размыта и ямиста, такъ что лошади съ трудомъ шли (**).

Рѣка большой Аимъ во время моего проѣзда имѣла до 40 сажень ширины и теченіе очень быстрое. Лѣвымъ своимъ берегомъ она подходитъ здѣсь къ подошвѣ горъ, ограничивающихъ съ этой стороны ея долину; правый же, низкій и плоскій, представляетъ широкую (около $2\frac{1}{2}$ верстъ) тундру, покрытую мохомъ и ерникомъ, между которыми находится чрезвычайно много клюквы. Эту тундру пересѣкаетъ здѣсь небольшая рѣчка, называемая тоже Артыкъ, которая соединившись съ другою рѣчкою, называемою Сартика и вытекающею изъ поперечной длины горъ праваго берега Аима, впадаетъ въ Аимъ прямо противъ устья Артыка. При устьѣ этой рѣчки берега были покрыты на значительное пространство толстыми и крѣпкими наледями.

Тунгусы, здѣсь живущіе, кочуютъ большею частію по обоимъ Аймамъ и по Учурѣ отъ рѣчки Эина до устья. (***)

Весною они обыкновенно живутъ тутъ для содержанія пе-

(*) Вообще рѣчекъ этого имени много въ здѣшнихъ мѣстахъ, точно также, какъ Эльга и Курумъ. Артыкъ называются обыкновенно маленькія рѣчки, текущія въ горныхъ падахъ, по которымъ идетъ дорога; эти пади называются также Артыкъ. Эльга называются рѣчки глубокія съ высокими и крутыми берегами. Курумъ, или правильнѣе Курунь,—рѣчки текущія между горами, на которыхъ лѣсъ былъ выжженъ. Мѣста съ выжженнымъ лѣсомъ называются также Курунь.

(**) Вообще пространство между малымъ и большимъ Аймами (около 40 верстъ) представляетъ большія неудобства для проѣзда, которыя увеличиваются еще недостаткомъ корма для лошадей.

(***) Путь ихъ съ большого Айма на Учуръ идетъ по рѣкѣ Ампардахъ, впадающей въ большой Аимъ съ правой стороны, потомъ чрезъ небольшой хребетъ, служащій водораздѣломъ Аимскихъ и Учурскихъ рѣчекъ, къ вершинѣ Чульбу, впадающей въ Учуръ, по которой и достигаютъ сего поселенія.

ревоза чрезъ большой Аимъ, который необходимъ во время весенняго поноводія и потомъ отправляются на рыбныя промыслы. Рыбу ловятъ они сѣтями, связанными изъ конопли, которую покупаютъ обыкновенно отъ торгующихъ Якутовъ по 2 р. 50 коп. асс. за фунтъ. Они всѣ хорошіе промышленники, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на уменьшеніе количества звѣрей въ здѣшнихъ лѣсахъ, убиваютъ въ зиму до 100 оленей. Обыкновенное оружіе есть винтовка и лукъ; кулешъ и пастей здѣсь не употребляютъ и даже отзываются объ нихъ съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ, предоставляя этотъ способъ промысла Якутамъ. Кромѣ оленей промышленаютъ бѣлокъ, выдръ, которыхъ много въ Аимѣ, и медвѣдей, которыхъ особенно много по Учурѣ. Выдръ ловятъ луками, которые ставятъ зимою около полыней; медвѣдей же бьютъ изъ винтовокъ, также пальмами и луками. Лѣтъ семь тому назадъ здѣсь были даже соболы; но нынѣ ихъ нѣтъ ближе вершины рѣки Конамъ, впадающей въ Алгаму. Лосей также нѣтъ съ одной стороны до Адана, съ другой до Удскаго острога. Тунгусы очень рано приучаются къ промышленнической жизни. Я видѣлъ одного 12-ти лѣтнаго мальчика, который съ 9-ти лѣтъ началъ промышленать бѣлокъ и убиваетъ ихъ въ зиму штукъ до 100 и болѣе. Въ прошедшемъ году ему удалось убить даже оленя. Эта добыча была вдвойнѣ дорога: во первыхъ, какъ признакъ ловкости и искусства будущаго промышленника, и во вторыхъ, потому, что это случилось въ такое время, когда все семейство ихъ голодало, что между Тунгусами, въ зимнее время, случается не рѣдко.

Здѣшнія Тунгуски не отличаются ни красотою, ни опрятностію; одежда ихъ обыкновенная якутская, только на головѣ сверхъ платка носятъ онѣ шапки въ родѣ казацкихъ, съ мѣховою, обыкновенно медвѣжьею, опушкою.

Оставивши долину большаго Аима, поднялись мы на хребетъ Бахайлай, который даетъ здѣсь начало небольшой рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Бахооръ. Переходъ чрезъ этотъ хребетъ не былъ затруднителенъ, потому что хотя на сѣверномъ склонѣ его лежало еще довольно снѣгу, но этотъ снѣгъ былъ рыхлъ и мягокъ. Прошедши по рѣчкѣ Бахайлай около 6 верстъ, спустились мы съ хребта и вышли на долину Бахара. Долина эта значительной ширины, но къ вершинѣ болѣе и болѣе суживается; во время весеннихъ разливовъ Бахара вся затопляется водою; во время же моего проѣзда была покрыта еще толстыми наледями, подъ которыми бѣжало множество ручьевъ и маленькихъ рѣчекъ. Хребетъ, съ котораго Бахоръ беретъ свое начало довольно высокъ и былъ покрытъ почти совершенно снѣгомъ; горы его

составляющія, имѣютъ большею частію пирамидальныя оконечности и издали довольно красивы. Теченіе Бахора весьма быстро; берега его завалены горами намывнаго лѣса и известковыми камнями.

Пересѣкли долину Бахора въ косвенномъ направленіи съ N на S, прибыли мы къ устью рѣки Джарманъ—ханчана, впадающей въ Бахоръ съ правой стороны. Направленіе этой рѣчки почти прямо съ S на N; долина ея имѣетъ значительную наклонность, по тому теченіе ея очень быстро, что много затрудняло нашъ путь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надобно было идти по самой рѣкѣ. Горы, идущія вдоль обоихъ береговъ этой рѣки, состоятъ изъ известняка сѣраго цвѣта и представляются громадными горами камней, потому что известнякъ этотъ сильно разбитъ и обломки его различной величины покрываютъ покати горъ. По большей части горы эти, покрыты лѣсомъ только при своихъ подошвахъ; вершины же и бока ихъ совершенно голые. Самою большою изъ всѣхъ здѣшнихъ горъ считается гора Кохъ—ханъ (синій ханъ), находящаяся съ правой стороны при устьѣ рѣчки Джарманъ ханчана. Названіе это дано ей потому, что она далеко видна какъ съ той, такъ и съ другой стороны дороги и при томъ подошва ея тянется на нѣсколько верстъ вдоль Бахора и вдоль Джарманъ ханчана. Издали эта гора представляется совершенно гладкою, потому что, исключая самой подошвы, на ней нѣтъ ни одного дерева; только мѣстами зеленѣетъ толокнянка.

Хотя по берегамъ Бахора находятся хорошія кормовища для лошадей, и именно здѣсь много травы, называемой омюна (родъ хвоща, нѣсколько крупнѣе сибикти) (*), но опытные путешественники по здѣшнимъ мѣстамъ, не совѣтуютъ кормить ею лошадей, увѣряя, что отъ нея пухнетъ у нихъ брюхо и даже образуется между ними нѣчто въ родѣ повальной болѣзни. На всѣхъ другихъ мѣстахъ эта омюна представляетъ очень питательный кормъ.

Долина Джарманъ Ханчана отъ устья довольно узка и ограничивается съ обѣихъ сторонъ, хотя не очень высокими, но крутыми (иногда почти совершенно отвѣсными) горами; около 15 верстъ отъ устья, долина эта расширяется и представляетъ мѣстами довольно хорошія пастбища. Самое лучшее въ этомъ отно-

(*) Сибикта—родъ самаго мелкаго хвоща, почитается лучшимъ подпожнымъ кормомъ для лошадей; питаюсь ею, самыя сухія и изнуренныя лошади въ нѣсколько дней поправляются и ожирѣютъ.

шеніи мѣсто находится около 17 верстѣ отъ устья, гдѣ широкая низменная долина, покрытая озерами и тучною травою, представляетъ проѣзжающимъ всѣ удобства для ночлега. Это-то мѣсто и называется собственно Джарманъ ханчана. Да не подумаетъ кто нибудь, судя по названію, что здѣсь въ самомъ дѣлѣ бываетъ какая либо ярмарка; это, какъ я уже сказалъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ мѣсто, на которомъ обыкновенно ѣдущіе на Учурскую ярмарку или въ Удской край, особенно въ весеннее время, останавливаются ночевать и кормить лошадей, потому что до того, какъ мы видѣли, кормовища были очень плохи. Вообще всѣ ночлеги Якуты и Тунгусы называютъ ярмарками (джарманъ).

Оставивши рѣчку Джарманъ ханчана въ правой сторонѣ, вскорѣ пришли мы къ водораздѣлу Аимскихъ и Учурскихъ рѣчекъ; подъемъ этотъ весьма отлегъ и продолжался около 5-ти верстѣ. Спустившись на другую сторону его, перешли мы черезъ нѣсколько маленькихъ рѣчекъ и по рѣчкѣ Коносала прибыли къ озеру Марь.

Озеро Марь (Марь куоль) находится въ длинной и широкой долинѣ, ограниченной съ обѣихъ сторонъ невысокими горами и имѣющей направленіе прямо съ N на S. Сѣверная часть этой долины гораздо шире южной, покрытой кочковникомъ, ерникомъ и небольшими озерами. Ширина ея въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы ее переѣхали равняется одной верстѣ. Названіе Марь собственно неозначаетъ озера, но цѣлый архипелагъ озеръ, сгруппированныхъ около одного главнаго. Главное озеро здѣсь имѣетъ значительную величину, берега его травянисты и служатъ удобнымъ пристанищемъ для водяныхъ и бродныхъ птицъ. На немъ есть нѣсколько небольшихъ острововъ, покрытыхъ тальникомъ и высокою травою; эти острова придаютъ нѣкоторое разнообразіе мертвой картинѣ, которую представляетъ вообще вся эта долина. Жителей здѣсь никого нѣтъ. Озеро Марь принимаетъ въ себя нѣсколько маленькихъ рѣчекъ (*), и само даетъ начало рѣкѣ Селендѣ, впадающей въ Учуръ, хотя длина Мара ограничена съ южной стороны горами довольно высокими.

Рѣка Селенда вытекаетъ изъ Мара подземнымъ путемъ и потомъ является въ видѣ водопада, выходящаго изъ круглаго отверстія въ известковомъ камнѣ горы, называемой Сог-охая (красная гора) и находящейся верстахъ въ 15-ти отъ Учура. Названіе Сог-охая произошло отъ красной глины, которая со-

(*) Мы переѣхали черезъ три изъ нихъ: Соборгъ-онъ-харіа, Бог-и урякъ и Коносала.

ставляетъ господствующую породу здѣшнихъ горъ, и огромными толщами лежитъ на известнякѣ сѣраго цвѣта. Вода выходитъ изъ этой горы въ такомъ количествѣ, что образуетъ рѣчку въ сажени три шириною. Сог-охая не есть отдѣльная гора, но заключается въ хребтѣ лѣваго берега Селенды, и другой маленькой рѣчки, впадающей въ нее; только въ этомъ мѣстѣ хребетъ представляетъ впадину и красная глина выказывается ярче. Между Якутами есть преданіе, что родоначальникъ Батурскаго улуса Якутъ, по имени Омолонъ, который первый внесъ ясакъ за Батурскій улусъ, проѣхалъ съ озера Маръ до самаго устья Селенды въ вѣткѣ, выѣхавъ на Селенду подземнымъ путемъ.

Версть около 7-ми ниже Сог-охая, Селенда принимаетъ въ себя съ правой стороны рѣчку Чайдахъ, а съ лѣвой Лаханду; послѣ чего становится уже рѣкою довольно широкою; Теченіе ея очень быстро и шумно. Вышедши изъ своей долины въ долину Учюра, она разливается значительно и образуетъ наледи, толщиною около сажени и болѣе, которыя почти никогда не растаиваютъ совершенно и лежатъ здѣсь круглый годъ. Около одной версты выше устья Селенды, на правомъ берегу Учюра, находится Учурская ярмарка.

Она имѣетъ видъ деревни, разбросанной на протяженіи около одной версты по Учурскому берегу и сосредоточенной въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Около часовни, довольно хорошо устроенной и украшенной приношеніями выѣзжающихъ сюда богатыхъ Якутовъ и русскихъ торговцевъ, находятся помѣщенія для священника съ причтомъ, для чиновника, и юрты нѣкоторыхъ русскихъ, торгующихъ здѣсь купцовъ. Якуты расселились населями, такъ что каждый наслегъ образуетъ нѣчто въ родѣ особаго посада. Въ этомъ отношеніи замѣчательнѣе всѣхъ, по правильности въ расположеніи и по чистотѣ отдѣлки, помѣщенія Кангаласкихъ Якутовъ, представляющія правильную улицу на низменномъ берегу Учюра ближе къ устью Селенды. Всѣхъ строеній (амбаровъ) на ярмаркѣ около 30-ти. Впрочемъ надобно замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ такъ разбросаны по лѣсу, что трудно бываетъ и найти ихъ. Мнѣ кажется, что это дѣлается для большей безпрепятственности торговли. Вообще Якуты при своихъ торговыхъ операціяхъ, любятъ уединеніе, и при постороннихъ людяхъ, не только русскихъ, но даже и при Якутахъ, не производятъ торговли. По этому они выбираютъ для своего помѣщенія мѣста болѣе уединенныя; если же живутъ обществами, то торговлю производятъ большею частію или взаперти, или въ ночное время, когда нѣтъ наблюдающихъ глазъ.

Народонаселеніе на ярмаркѣ бываетъ въ годы благопріят-

ные для торговли довольно значительно: сюда съѣзжаются отъ 150 до 200 человекъ Якутовъ, отъ 60 до 70 семействъ Тунгусовъ и 10—15 человекъ Русскихъ. При этомъ оборотъ пушными звѣрями бываетъ до 60-ти тысячъ руб. серебромъ (по прежнимъ цѣнамъ). Въ годы неблагопріятные для промысловъ собирается Якутовъ 70—100 человекъ, Тунгусовъ 10—15 семействъ и 5—7 человекъ Русскихъ, и торговый оборотъ упадаетъ до 15 тысячъ руб. сер.

На ту же сумму, и даже болѣе, Якутами продается лошадей, оленей, съѣстныхъ припасовъ и проч.

Среднія цѣны товаровъ, вывозимыхъ и продаваемыхъ Якутами, слѣдующія:

1 пудъ масла	10 р. сер. (въ долгъ 40 р. ас.)
— — муки	3—4 р. сер.
— — сала	6—7 р. сер. (въ долгъ 10 р. сер.)
1 фунтъ чаю и 2 ф. сахару (*)	4 р. 4—4 р. 30 коп.
1 конецъ дабы	3 — — 4 р. серебр.
1 пара бѣлья, шитаго изъ дабы	3 р. сер.
1 олень	15—20 р. сер.
винтовка	15—20 р. сер.
пальма	80 к. сер. (въ долгъ 1 р. сер.)
топоръ	80 к. сер. (въ долгъ 1 р. сер.)
ножъ	30 коп.

Взамѣнъ этихъ товаровъ Якуты получаютъ отъ Тунгусовъ:

Соболя 2-го сорта	по 15—25 р. сер.
бѣлку	по 15 коп. сер.
кабарговую струю ,	по 90 коп. сер.

Конечно при этой торговлѣ бываетъ немало злоупотребленій со стороны Якутовъ; но за то надобно замѣтить, что и сами Тунгусы не рѣдко вводятъ торговцевъ въ убытки, забирая товары въ долгъ и расплачиваясь, когда имъ вздумается, по своему усмотрѣнію. Иногда эти долги тянутся лѣтъ десять и болѣе.

Учурская ярмарка въ настоящемъ своемъ видѣ существуетъ около 80 лѣтъ. Впрочемъ Якуты и Тунгусы уже съ давнихъ поръ и прежде того собирались на Учуръ для размѣна своихъ произведеній; а кромѣ того зимнимъ путемъ съѣзжались на устьѣ рѣки Онна, впадающей въ Учуръ, и на Алданъ, нѣсколько ниже устья Учура, такъ что здѣсь существовали три

(*) Такъ обыкновенно продаются эти продукты не только иностранцамъ, но даже въ самомъ Якутскѣ городскимъ жителямъ.

ярмарки. Впослѣдствіи, съ усиленіемъ Учурской ярмарки, двѣ послѣднія сами собою уничтожились: первая, около 40 лѣтъ назадъ, а вторая, болѣе 50 лѣтъ. Первоначально Учурская ярмарка была на самомъ устьѣ Селенды, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится могила погибшихъ отъ скорбута 30 человекъ солдатъ, шедшихъ изъ Удскаго острога въ Якутскъ. Послѣ же этой несчастной кончины (около 30 лѣтъ) перенесена на настоящее мѣсто.

Якуты, по преимуществу Кангаласкаго улуса, выѣзжаютъ обыкновенно осенью (въ октябрѣ и ноябрѣ) изъ своихъ селеній къ Тунгусамъ удскаго и учурскаго вѣдомствъ для торговли, и ѣздятъ всю зиму до самой ярмарки. Въ своемъ путешествіи они отыскиваютъ и посѣщаютъ Тунгусовъ въ ихъ подвижныхъ жилищахъ и такимъ образомъ снабжаютъ ихъ всѣмъ нужнымъ безъ особенныхъ трудовъ и заботъ со стороны послѣднихъ.

Преимущественно стараются они присутствовать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Тунгусы собираются для взноса ясака и для исполненія христіанскихъ обязанностей, и гдѣ такимъ образомъ образуется нѣчто въ родѣ ярмарокъ (сугланы). Въ Удскомъ краѣ находятся три пункта, гдѣ собираются Тунгусы: а) на рѣчкѣ Кучулунъ (*), при устьѣ Кобали, б) на урочищѣ Боруканъ, находящемся на рѣкѣ Тугуръ, впадающей въ Удскую губу, и в) не далеко отъ рѣки Буреи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяются впадающія въ нее рѣчки Дольниканъ и Г-имунгда.

Кромѣ того въ весеннее время Тунгусы въ большомъ количествѣ собираются для рыбной ловли на рѣкѣ Тырми, впадающей въ Бурею. Сюда также ѣздятъ Якуты.

Объѣхавши мѣста, болѣе населенныя Тунгусами, торговцы, съ значительнымъ запасомъ пушныхъ звѣрей, возвращаются въ маѣ мѣсяцѣ на Учурскую ярмарку. Такимъ образомъ очевидно, что на самой ярмаркѣ почти вся торговля находится уже въ рукахъ Якутовъ.

Учурская ярмарка продолжается съ 1-го мая до 1-го іюня. По окончаніи этаго времени, большая часть торговцовъ отправляется на плотахъ внизъ по Учурѣ и Алдану въ Якутскъ, гдѣ сбываетъ свои товары на Якутской ярмаркѣ купцамъ Якутскимъ и Иркутскимъ. Нѣкоторые же изъ нихъ остаются на Учурѣ на все лѣто, для того, что бы осенью ранѣе выѣхать въ Тунгускія стойбища.

По окончаніи ярмарки, 5-го іюня отправился я вверхъ по

(*) Кучулунъ впадаетъ въ Ниманъ, а послѣдній въ Бурею.

правому берегу Учура; а такъ какъ рѣка дѣлаетъ небольшіе изгибы на S, то дорога часто идетъ прямо лѣсомъ, который здѣсь очень густъ и иногда представляетъ мѣста весьма топкія и ямистыя. Попробовавши нѣсколько разъ сокращать дорогу подобнымъ путешествіемъ напрямикъ, я скоро пришелъ къ тому убѣжденію, что лучше, и для насъ и для лошадей, проѣхать лишнее число верстъ, нежели тонуть въ болотахъ и запутываться въ лѣсныхъ чащахъ. Поэтому я предпочелъ ѣхать по самому берегу Учура, углубляясь въ лѣсъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берегъ этотъ обрывистъ и рѣка подлѣ него глубока.

Проѣхавши такимъ образомъ около 8 верстъ, прибыли мы къ устью рѣки Лаханды, черезъ которую и перешли въ самомъ мѣстѣ ея впаденія въ Учуръ. Въ это время она имѣла около 3—4 сажень ширины и 5 четвертей глубины. Берега ея низменны и весною затопляются водою версты на 2—3, такъ что тальники, которые покрываютъ всю эту низменную площадь, завалены наноснымъ лѣсомъ и хламомъ. Почва въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песчаная. Русло рѣки покрыто множествомъ валуновъ порфировыхъ породъ.

Почти отъ самаго устья Лаханды дорога идетъ возвышеннымъ мѣстомъ, представляющимъ небольшой хребетъ, верхняя площадь котораго, почти совершенно ровная, состоитъ изъ огромныхъ известковыхъ массъ, прикрытыхъ сверху мохомъ и слабымъ лѣсомъ, и похожа на болото или на тундру. Спустившись на другую сторону этого хребта, вышли мы къ устью рѣчки Джуні, разлившейся здѣсь на нѣсколько рукавовъ; берега ея и русло завалены обломками разнообразнѣйшихъ порфировыхъ породъ. Эта рѣчка довольно глубока и потому мы должны были отыскивать бродъ нѣсколько выше ея устья. Ширина рѣчки около 10 сажень; глубина же въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы черезъ нее переходили (около полуверсты выше устья), была не болѣе 1½ аршинъ. Берега ея покрыты довольно пріятною смѣсью тальниковъ, березы и тополей, которые наполняли здѣшніе лѣса своимъ бальзамическимъ запахомъ. Между Лахандою и Джуні, въ лѣсу, находится довольно большое озеро Ойог-осъ-куоля; здѣсь надѣялся я найти водяныхъ птицъ и пополнить сколько нибудь недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, который съ нѣкотораго времени сдѣлался ощутителенъ въ моемъ хозяйствѣ; но, къ сожалѣнію, надежды мои не оправдались.

Вообще Учуръ очень бѣденъ водяными птицами; болѣе всѣхъ другихъ распространены здѣсь маленькіе кулики, которыхъ

незатѣмливая гнѣзда, съ 4 личками, попадались по берегамъ Учур-ра почти на каждомъ шагу. Горныхъ птицъ (куриныхъ) я также не видалъ ни одной, кромѣ лѣсныхъ голубей, которые постоянно наполняли здѣшніе лѣса своимъ воркованьемъ. Якуты называютъ ихъ *Тасъ-турахъ* (каменная ворона), и въ пищу не употребляютъ; поэтому они очень удивлялись, когда я, убивши голубя, отдавалъ его казаку для приготовления.

Верстахъ въ 4 отъ Джуни перешли мы черезъ маленькую рѣчку Утана, впадающую въ Учуръ; здѣсь встрѣтили мы большія затрудненія, потому что ѣхали лѣсомъ чрезвычайно густымъ и представлявшимъ мѣстами топи и грязи (бадранъ).

Отсюда дорога идетъ большею частію по берегу Учура, который здѣсь почти вездѣ низменный, землистый, обрывистый и довольно удобенъ для верховой ѣзды. Около 4 верстъ отъ Утана, въ лѣсу, находится озеро *Габырыла куоля* (Гаврилово озеро) (*), на которомъ надѣялись мы найти хорошее кормовище для лошадей, но, къ сожалѣнію, озеро разлилось такъ, что мы не могли и видѣть его. Проѣхавши около 3 верстъ отъ этого озера, прибыли мы къ устью рѣчки Бруаханъ. Учуръ дѣлаетъ здѣсь значительный изгибъ на S, но берегъ его очень удобенъ для ѣзды и потому мы не жалѣли, что предпочли эту дорогу лѣсной. Черезъ три версты отъ устья Бруахана находится устье другой маленькой рѣчки, называемой также Бруаханъ. Рѣка Учуръ здѣсь довольно красива; она покрыта множествомъ небольшихъ, но живописныхъ острововъ; ширина ея отъ 40 до 100 сажень.

Далѣе берегъ Учура гористый, но для проѣзда представляетъ удобную площадь при подошвѣ этихъ горъ. Преобладающая порода здѣсь опять красная глина, которую мы видѣли на Сойг-охаѣ. Глина эта мѣстами смѣняется известняками сѣраго цвѣта, которые огромными массами навалены по скатамъ горъ и покрыты скудною растительностію; большая часть растений, особенно сложноцвѣтныхъ, еще не цвѣли во время моего проѣзда.

Версты черезъ двѣ берегъ Учура опять понижается и представляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глинистую почву, очень размытую и вязкую. При томъ нѣсколько маленькихъ рѣчекъ преграждаютъ здѣсь путь и заставляютъ углубляться въ лѣсъ, для того, чтобы переправиться черезъ нихъ.

(*) Названо такъ по имени одного тунгуса, который выкосилъ и поставилъ здѣсь 6-ть стоговъ сѣна.

Проѣхавши отъ Учурской ярморки съ небольшимъ 50 верстъ, прибыли мы къ устью рѣки Сугджуканъ, впадающей въ Учуръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ измѣняетъ свое направленіе съ S на N и, образовавши уголъ, течетъ почти прямо на W. Здѣсь оставили мы Учуръ и пошли вверхъ по Сугджукану, въ направленіи на NO. Дорога идетъ по краю небольшого хребта, который тянется вдоль праваго берега Сугджукана и для ѣзды очень удобна, только при переѣздахъ черезъ поперечныя пади, покрытыя высокимъ кочковникомъ и мѣстами топкія, встрѣчали мы нѣкоторыя затрудненія. Рѣка Сугджуканъ около 10—15 сажень ширины; берега ея при устьѣ обрывистые и представляютъ превосходные разрѣзы глинистыхъ пластовъ; теченіе довольно спокойное.

Верстахъ въ 10 отъ своего устья, Сугджуканъ принимаетъ въ себя съ правой стороны рѣчку Усмунъ; долина этой рѣчки очень широкая и представляетъ покрытую кочковникомъ и отчасти мохомъ равнину; самая рѣчка около трехъ сажень ширины, съ низкими берегами и весьма не значительной глубиной; берега ея богаты омноною. Далѣе долина Сугджукана, покрытая мелкими тальниками и березовымъ ерникомъ, представляетъ часто мѣста очень топкія; притомъ множество ручьевъ и маленькихъ рѣчекъ почти на каждомъ шагу преграждали нашъ путь, такъ что намъ приходилось иногда строить мосты и перетаскивать кладъ на себѣ.

Проѣхавши около 38 верстъ отъ устья Сугджукана, начали мы подниматься на хребетъ, съ котораго эта рѣчка беретъ свое начало; хребетъ этотъ очень отлогій, но довольно высокъ и покрытъ горѣлымъ лѣсомъ. Съ верхней его площади представилась глазамъ нашимъ очень красивая панорама здѣшнихъ горъ: позади насъ, на самомъ горизонтѣ, по направленію на SW 55° , тянулся длинный хребетъ Уянской; влѣво отъ него, на NW 25° , знакомый намъ хребетъ Бахорскій; потомъ ближе къ намъ, на NW 5° , хребетъ Джуни; еще ближе, на NW 65° , Бруаханскій; на право же отъ насъ лежалъ хребетъ, съ котораго въ одну сторону течетъ рѣчка Омня, впадающая въ большой Аимъ, съ другой рѣчка Таптаканъ, впадающая въ Учуръ, не далеко отъ устья Уяна. Всѣ эти хребты были покрыты еще снѣгомъ и бѣлыя вершины ихъ угрюмо смотрѣли на плоскіе холмы Учурскіе.

Переправа черезъ Сугджуканскій хребетъ продолжалась $1\frac{1}{2}$ часа. Спустившись на противоположную сторону его, вышли мы въ долину рѣчки Омни, имѣющую направленіе почти прямо на N. Эта долина здѣсь довольно широка и покрыта густымъ лѣсомъ; самая рѣчка около 4 сажень ширины и образуетъ мно-

жество протокъ; глубина ея незначительна; течение быстро и шумно.

Перешедши черезъ Омню, вступили мы въ узкую поперечную падь горъ праваго ея берега, изрытую множествомъ горныхъ ручьевъ, которые очень затрудняли дорогу. Вообще около горныхъ ручьевъ растительность гораздо сильнѣе и разнообразнѣе, и деревья, которыя по горамъ никогда не достигаютъ значительной величины, здѣсь бываютъ особенно толсты и развѣсисты. Травянистыя растенія въ этихъ мѣстахъ тоже бываютъ болѣе сочны и богаты зеленью: умеренность зноя и постоянная влажность воздуха и почвы способствуютъ особенному ихъ развитію. Прошедши по этой пади около 5 верстъ, начали мы подниматься на хребетъ *Аг-аляхъ-сисся* (Медвѣжій хребетъ). Юго-западная сторона этого хребта состоитъ изъ огромныхъ глыбъ песчаника желтаго цвѣта; на сѣверовосточной же преобладаетъ красная глина, которую мы видѣли прежде. Поэтому подъемъ на хребетъ былъ очень удобенъ; мы ѣхали болѣею частию по дорожкѣ, усыпанной мелкимъ и весьма частымъ пескомъ. Это удобство продолжалось почти до середины хребта; только мѣстами затрудняли намъ путь кедровый сланецъ, который покрываетъ весь хребетъ, особенно его покати, и представляетъ иногда едва проницаемую чащу. Напротивъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глина составляетъ преобладающую горную породу, дорога чрезвычайно дурна и представляетъ топи и грязи. Названіе Медвѣжьяго хребта произошло отъ множества медвѣдей, обитающихъ на немъ. Къ счастью, намъ не привелось ни съ однимъ встрѣтиться, хотя по самой той тропѣ, по которой мы ѣхали, шли на встрѣчу намъ два медвѣдя; но услышавши шумъ отъ нашего приближенія, они свернули въ сторону и оставили на глинѣ свѣжіе слѣды своихъ лапъ. Переѣздъ черезъ Медвѣжій хребетъ продолжался три часа.

Спустившись съ него, вышли мы на рѣчку Бурею, впадающую въ Чуниканъ, по которой и идетъ далѣе дорога до самаго устья, около 25 верстъ. Сначала рѣчка эта имѣетъ направленіе на NO 70°, а потомъ поворачиваетъ на O и даже на SO, при чемъ совершенно измѣняется и характеръ мѣстности. Бурей очень мелка; около 5 сажень ширины; дно ея и низменные берега всѣ завалены глыбами песчаника желтаго и сѣраго цвѣтовъ, также порфировыми обломками. Горы здѣсь представляютъ длинныя, непрерывныя гряды. Воздухъ очень прохладенъ и даже, во время моего проѣзда (11 іюня), въ лѣсахъ лежалъ еще снѣгъ, а по берегамъ рѣчки толстыя наледи. Оттого здѣшняя растительность,

и безъ того весьма скудная, почти нисколько еще не развилась. Насѣкомыхъ тоже чрезвычайно мало въ здѣшнихъ горахъ, что насъ съ одной стороны радовало, потому что мы были совершенно свободны отъ комаровъ. Изъ птицъ слышны только кукушки, да нѣсколько подорожниковъ (*Emberiza*). Около поворота, долина этой рѣчки болѣе и болѣе суживается; горы, берега и самое русло рѣки состоятъ изъ огромныхъ камней амфиболита, и представляютъ видъ страшнаго разрушенія; для проѣзда они крайне не удобны. Ближе къ устью, рѣчка эта имѣетъ до 10 сажень ширины; долина ея опять расширяется и природа является здѣсь въ болѣе роскошномъ видѣ.

Долина Чуникана очень широкая и мѣстами покрыта едва проницаемымъ лѣсомъ; самая рѣчка около 20—25 сажень ширины; теченіе ея довольно быстро.

Верстахъ въ 6 отъ устья Бурей, перешли мы черезъ рѣку того же имени, впадающую въ Чуниканъ съ лѣвой стороны и имѣющую около 10 сажень ширины; берега ея низменны и покрыты чрезвычайно густымъ лѣсомъ. Начиная отъ этой рѣчки, долина Чуникана становится болѣе и болѣе неудобною для проѣзда: мѣстами представляетъ она не большія озера, иногда же такія топи, что мы едва могли переходить черезъ нихъ пѣшкомъ, ведя въ поводу лошадей, которыя постоянно проваливались и падали. Изъ этихъ мѣстъ замѣчательно одно, находящееся верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ Бурей (второй) и представляющее длинную (около 2 версты) тундру, покрытую мхомъ и изрѣдка березовымъ ерникомъ. Говорятъ, что на это мѣсто приходитъ много дикихъ оленей и что здѣсь хорошій ихъ промыселъ.

Горы состоятъ здѣсь изъ огромныхъ глыбъ амфиболита и представляютъ иногда видъ развалинъ старыхъ замковъ, которыхъ стѣны уже разрушились, а башни стоятъ еще полуизглоданныя временемъ. Не рѣдко имѣютъ онѣ коническую форму и стоятъ отдѣльными сопками. Площади и покати горъ служатъ превосходнымъ мѣстомъ обитанія для сѣноставцевъ (*Lagomys alpinus* Pall), а утесистыя вершины доставляютъ убѣжище для множества летучихъ мышей, называемыхъ по якутски *урумаччи*. Каждый вечеръ, по захожденіи солнца, порхали онѣ надъ нашею палаткою, но мнѣ не удалось убить ни одной изъ нихъ.

Не доѣзжая одной версты до устья Чуникана, на песчаномъ, покрытомъ тальниками, берегу, нашелъ я тунгусовъ Кюрбюгдинскаго рода, которые взялись доставить меня на устье Маймакана водою. Они кочуютъ по Маймакану, отъ его устья до устья рѣчки Васи, впадающей въ него съ правой стороны. Въ насто-

ящевремя рыбная ловля составляет ихъ единственное занятіе (*). При моемъ прїѣздѣ вышли изъ своихъ урасъ всѣ женщины, и я долженъ былъ поздороваться (поцѣловаться три раза) съ каждой изъ нихъ. Этотъ способъ привѣтствія строго соблюдается между большею частию тунгусовъ и означаетъ особенное уваженіе.

15 числа отправилсъ мы внизъ по Маймакану въ трехъ берестяныхъ вѣткахъ, привязавши къ бокамъ ихъ небольшія бревна, для того, что бы онѣ немогли опрокинуться. Эта предосторожность была необходима, потому что теченіе Маймакана очень быстро. Огромныя груды сухаго лѣса, наваленныя на низменныхъ его берегахъ и по островамъ, и множество деревьевъ, вымытыхъ съ корнями и снесенныхъ теченіемъ, свидѣтельствуютъ объ опустошительныхъ его дѣйствіяхъ во время разливовъ. Мѣстами образуетъ онъ такъ называемые пороги, особенно на крутыхъ поворотахъ, которыхъ здѣсь много, потому что теченіе его очень извилисто. Въ этомъ мѣстахъ бываетъ особенно быстрое теченіе и при томъ по разнымъ направленіямъ, такъ что вѣтку бьетъ и вертитъ очень сильно.

Долина Маймакана очень широкая и ровная; рѣка разливается въ весеннее время почти по всей этой долинѣ, такъ что ширина ея доходитъ до 1 версты и болѣе. На ней находится множество острововъ, землистые берега которыхъ сильно подмыты, такъ что дернъ, покрывающій ихъ, частию свѣшивается. Эти острова покрыты превосходнымъ и очень густымъ, тополевымъ лѣсомъ, къ которому примѣшиваются тальники и береза, а иногда черемуха.

Начиная отъ устья Чуникана, въ Маймаканъ впадаютъ съ правой стороны рѣки: Умъ, Бургала, Утыка и Уодала, а съ лѣвой Бурезнда и Учунду. Горы состоятъ по прежнему изъ амфиболита, который ближе къ устью Маймакана исчезаетъ; вмѣсто него является известнякъ сѣраго цвѣта и изрѣдка глина.

Жителей по Маймакану мало. Всѣ они тунгусы Аянскаго вѣдомства. Нѣсколько урасъ, встрѣченныхъ мною на пути, не представляли ничего привлекательнаго. Не большой огонь посрединѣ этихъ жилищъ составлялъ лучшее ихъ украшеніе; около него грѣлись и люди и собаки. Между здѣшними жителями очень много зайкъ: почти въ каждомъ семействѣ, которыя посѣтилъ я при своемъ проѣздѣ, находилось ихъ по нѣскольку.

(*) Въ Маймаканѣ и Чуниканѣ ловятся по преимуществу таймени, сига и окуни.

Чѣмъ ближе подплывали мы къ устью Маймакана, тѣмъ тише становилось его теченіе. Причиною этому служило, кажется, сильное повышеніе воды въ рѣкѣ Маѣ, которая нынѣшнею весною нѣсколько разъ разливалась такъ, что затопляла всю свою долину и заставляла крестьянъ, живущихъ на устьѣ Маймакана, спасаться отъ наводненія на крышахъ своихъ домовъ.

16 числа іюня прибылъ я наконецъ на устье Маймакана, откуда, въ почтовыхъ лодкахъ, отправился на урочище Нельканъ. Здѣсь оканчивается мое отдѣльное путешествіе.

А. ПАВЛОВСКІЙ,

Чл. Сотр. Отд.

II.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ЯКУТСКАГО ТАМГИНСКАГО ЖЕЛЪЗОДЪЛАТЕЛЬНОГО ЗАВОДА И ЮНДЫБАЛЬСКАГО СЕРЕБРЯЩАГО РУДНИКА ВЪ ВЕРХОЯЦКОМЪ ОКРУГЪ (*).

Богатства, сокрытыя въ нѣдрахъ Сибири, были извѣстны за-долго до настоящаго времени, хотя народы, населявшіе эту страну, имѣли слишкомъ ограниченныя потребности въ дарахъ, такъ щедро разсыпанныхъ здѣсь благодѣтельною и вмѣстѣ суровою матерью—природою.

Мы сочли за обязанность обнаружить тѣ мѣры, которыя принимались правительствомъ и частными лицами къ открытію этихъ богатствъ и къ извлеченію изъ нихъ возможныхъ выгодъ; должно прибавить, что мы будемъ излагать обстоятельства, касавшіяся собственно Якутской области въ настоящемъ ея разграниченіи.

Человѣкъ въ естественной простотѣ своей не понималъ раздѣленія предметовъ, порожденнаго цивилизаціей, на благородные

(*) Извлечено изъ дѣлъ якут. областного архива: 1735 г. № 58, 1737 г. № 64, 1752 г. № 95, 1753 г. №№ 101, 102, 103, 1754 г. № 112 и 1782 г. № 256.

и не благородные; благороднѣйшимъ для него было необходимѣйшее. Потому инородцы, до покоренія ихъ Русскими, хотя и знали о присутствіи разныхъ металловъ въ краю обитаемомъ ими, но обрабатывали только одинъ, —жельзо. Это доказывается тѣмъ, что въ битвахъ съ пришельцами они употребляли собственное оружіе: палмы, ножи, стрѣлы, рогатины, куюки (*), желѣзные шапки.

Начальная обработка желѣза между русскими началась съ пріѣзда въ Якутскъ въ 1641 г. первыхъ воеводъ Головина и Глѣбова. При нихъ, въ числѣ прочихъ лицъ, назначенныхъ къ исправленію разныхъ должностей и ремесль, находились два кузнеца, съ окладомъ жалованья отъ казны. Очевидно, что при постоянномъ приливѣ народонаселенія и при такомъ ограниченномъ назначеніи рабочихъ, потребности всѣхъ не могли быть удовлетворяемы. Потому большая часть домашнихъ орудій, также самое оружіе привозилось торговыми людьми изъ Россіи. Приводимъ цѣны, существовавшія на нѣкоторыя желѣзные издѣлія въ 1650 году:

24 пищали стоили	—	80 руб 10 алтынъ.
Пищаль съ панцыремъ	—	10 руб.
Коса горбуша	—	8 — —
Серпъ	—	5 — —
Багоръ	—	20 — —
Сабля съ пистолетомъ	—	5 руб.

Правительство того времени не принимало никакихъ мѣръ къ усиленію желѣзной промышленности, не смотря на повсемѣстное изобиліе этого металла въ новозавоеванномъ краѣ и даже присутствіе его около самаго Якутскаго острога. Такъ мы видимъ изъ переписки объ устройствѣ городскихъ часовъ въ 1652 г., что ни въ Якутскомъ, ни въ Енисейскомъ острогахъ не находилось ни одного кузнечнаго мастера. Частныя лица хотя и получали позволеніе на разработку руды, но по всей вѣроятности недостатокъ средствъ и отсутствіе технического знанія останавливали производство работъ.

Наконецъ, съ водвореніемъ въ Россіи новаго порядка вещей, подобный источникъ мѣстнаго богатства не могъ не обра-

(*) Куюкъ—вѣроятно означаетъ латы; въ Академическомъ словарѣ мы не нашли этого слова.

титъ на себя особеннаго вниманія правительства. Не входя, по немѣнѣю данныхъ, въ подробныя изслѣдованія принятыхъ тогда мѣръ къ развитію металлической производительности, мы обратимся прямо къ исторіи Якутскаго Тамгинскаго желѣзодѣлательнаго завода.

Впослѣдствіи главнымъ поводомъ къ устройству завода служило снаряженіе Камчатской экспедиціи, подъ начальствомъ капитана-командора Беринга. Такимъ образомъ, вслѣдствіе указа Ея Императорскаго Величества Анны Іоанновны, отъ 22 августа 1732 г., въ томъ же году былъ основанъ на рѣчкѣ Тамгѣ желѣзодѣлательный заводъ, въ разстояніи 30 верстъ отъ Якутска, съ однимъ колотушечнымъ молотомъ, собственно: «На строеніе въ ономъ морскихъ судовъ и прочихъ желѣзныхъ припасовъ». Къ сожалѣнію изъ актовъ не видно, на какомъ основаніи послѣдовало учрежденіе завода именно въ этомъ мѣстѣ, кѣмъ онъ былъ устроенъ и во что обошлась стоимость его устройства. Въ 1735 г. послѣдовало подтвержденіе о приготовленіи нужныхъ орудій для означенной экспедиціи; но управляющій заводомъ донесъ, что за малолюдствомъ не построена еще даже плотина. На разработку рудниковъ высылались арестанты изъ Якутска и частію крестьяне изъ села Амги. Въ 1737 г. докторъ и профессоръ Гмелинъ, съ профессоромъ Миллеромъ, осматривали заводъ, но при всемъ стараніи намъ не удалось отыскать ничего о послѣдствіяхъ ихъ посѣщенія. Миллеръ, въ одномъ изъ своихъ отношеній въ воеводскую канцелярію, между прочимъ, просилъ сообщить ему проектъ о продажѣ въ Якутскѣ хлѣба и вина, котораго мы также не нашли.

Указомъ изъ государственной бергъ-коллегии, отъ 1 іюля 1743 г., велѣно было отдать заводъ въ вѣденіе Камчатской экспедиціи, по близости къ нему команды капитана Беринга и по отдаленности его отъ канцеляріи главнаго заводскаго правленія; въ случаѣ же непринятія завода экспедиціею, велѣно было отдать его на откупъ частнымъ лицамъ. Но такъ какъ, по отсутствію морскихъ офицеровъ, завода принять было некому и откупщиковъ не нашлось, то указъ остался безъ исполненія.

Дѣйствія завода въ теченіе столь не продолжительнаго времени были довольно успѣшны: кромѣ того, что онъ удовлетворялъ потребно стямъ экспедиціи и частныхъ людей, онъ окупился и принесъ чистой прибыли 2201 руб. 17³/₄ коп.—сумма значительная, если взять во вниманіе тѣ страшныя злоупотребленія, которыя дозволяли себѣ тогдашніе воеводы и горные чиновники, находившіеся въ постоянной взаимной враждѣ, вслѣдствіе корыстныхъ видовъ.

Желѣзная руда для заводскихъ работъ добывалась на разстояніи 150 верстъ отъ завода, по р. Ленѣ, въ столбахъ (*); плавилъ ее въ малыхъ ручныхъ печахъ на кричное, а потомъ на дѣльное желѣзо. Всѣхъ рабочихъ обращалось на заводъ до 200 и болѣе человекъ. Наконецъ, по указу изъ канцеляріи главнаго заводовъ правленія, отъ 21 декабря 1744 г., заводъ дѣйствіемъ остановленъ, за отрѣшеніемъ Камчатской экспедиціи. Въ наводненія же, бывшія въ 1746 и 1748 гг., почти все заводское устройство было унесено водою, но изъ послѣдующаго мы видимъ, что дѣйствія завода были возобновлены.

Въ 1753 г. велѣно было вѣдать заводъ унтеръ-шихтмейстеру Карамову, а сыну боярскому Амосову описать все заводское имущество, рудники и проч. Въ этотъ періодъ времени въ вѣденіи якутской заводской конторы находились магазины при Алданско—Туринской пристани, при Верхоянскомъ серебряномъ рудникѣ и въ г. Якутскѣ. Составъ людей при заводѣ былъ слѣдующій: приказныхъ 3, старшій и младшій молотовые мастера и плавильный мастеръ, посланный въ то время на р. Вилюй, для собиранія цвѣтныхъ камней; 2 штейгера, 2 берггаура, горныхъ учениковъ 24, 5 якутскихъ казаковъ, 2 цаловальника, 34 ссыльныхъ, изъ коихъ 29 отправлены были въ распоряженіе якутской воеводской канцеляріи, за неизмѣнимъ работъ при заводѣ. Денегъ оказалось 2035 р. 48³/₄ коп. Строенія были слѣдующія: Троицкая часовня, контора съ сѣнями, амбары, заводская кузница, лабораторія, тюремная юрта, конюшня съ сараемъ и юртой, командирскій домъ со службами и двѣ казенныя квартиры. Такимъ образомъ заводъ оставался въ совершенномъ бездѣйствіи, когда въ 1755 г. начальникъ секретной экспедиціи на р. Анадырь, секундъ-маіоръ нотебургскаго полка Шумалевъ (***) просилъ командира сибирскаго корпуса, бригадира Крафта о возобновленіи завода, для издѣлія потребныхъ ему вещей. Въ то же время якутскій воевода, коллежскій ассесоръ Еропкинь писалъ въ иркутскую провинціальную канцелярію о крайней необходимости въ желѣзныхъ издѣліяхъ, какъ для частныхъ лицъ, такъ преимущественно для казны, и просилъ дать законный ходъ его представленію. Сибирскій губернаторъ, генералъ-поручикъ Мятлевъ, представилъ это обстоятельство на вниманіе военной коллегіи, а послѣдняя препроводила въ бергъ-коллегію. По ея требованію заводская контора донесла о неудобствахъ къ возобновленію Тамгинскаго завода, построеннаго собственно для нуждъ

(*) Столбы—высокіе утесы, расположенные по берегамъ р. Лены

(**) Вѣроятно Шмалевъ. Прим. Р-а.

Камчатской экспедиціи. Въ донесеніи, между прочимъ, сказано: «Рѣка Тамга довольно маловодна, песчана, съ низменными берегами и производитъ большой вредъ отъ чрезвычайной вешней воды. Для основательнаго устройства завода нужно отыскать рѣку съ каменистымъ грунтомъ, черною землею и высокимъ берегомъ, которая могла бы не одинъ колотушечный молотъ, но и другія вододѣйствуемая фабрики содержать». При томъ контора считала необходимымъ имѣть плотиннаго мастера и къ нему въ помощь 20 плотниковъ. Кромѣ того, для установки печей, 2 мастеровъ и 40 работниковъ, мѣховаго мастера, 40 каменщиковъ къ строенію плавильныхъ печей, мастера съ подмастерьемъ для сженія угля, 30 кузнецовъ, въ томъ числѣ 2 слесарей и 500 работниковъ для рубки дѣса, добыванія руды и прочихъ работъ. Далѣе контора весьма основательно представляла начальству тѣ огромные расходы, которые влечетъ за собою неимѣніе завода, потому что въ такомъ случаѣ желѣзо, нужное для Якутска, на Анадырь, въ Камчатку и Охотскъ должно доставляться изъ Тобольска, между тѣмъ, какъ въ Якутскѣ мѣста обильны лѣсомъ, рудою и рѣчками, годными къ устройству завода. Только одна доставка желѣза изъ Екатеринбургскихъ заводовъ до Иркутска стоила тогда по 1 р. 38³/₄ коп. за пудъ; продавались же въ Иркутскѣ укладъ и сталь по 4 р. 6 коп. за пудъ; а привозимые изъ Енисейска и Демидовскихъ заводовъ, стоили еще дороже, тогда какъ изъ Тамгинскаго завода желѣзо принималось по 1 р. 23³/₄ коп., а укладъ по 2 р. 70 коп.

Не смотря на такое благоразумное представленіе, оно было забыто, и хотя впоследствии правительство старалось о возобновленіи дѣйствій завода, но тщетно. Такъ въ 1756 году иркутскій вице-губернаторъ Вульфъ предложилъ якутскому воеводѣ Лесли послать вѣрныхъ и знающихъ людей для осмотра болѣе удобныхъ мѣстъ и освидѣтельствовать ихъ самому, изложивъ при томъ мѣры къ устройству завода. Лесли донесъ, что «Въ Якутскѣ никого не имѣется, кто-бы могъ къ заведенію завода надобность изыскать и мнѣніе свое по этому предмету изложить», но что онъ поручилъ развѣдать и описать все шихтмейстеру Корнилову. Послѣдній, отправившись на серебряные заводы въ Нерчинскъ, писалъ съ дороги о невозможности устройства завода, потому что рѣчки здѣсь зимою такъ глубоко промерзаютъ, что нѣтъ теченія. Это самое подтвердили будто-бы якутскіе князцы, отъ которыхъ онъ собиралъ свѣдѣнія. Дальнѣйшее разслѣдованіе поручено было возвратившемуся изъ Камчатской экспедиціи мажордану Яковлеву, который донесъ, что для обзора рѣ-

чекъ и устройства плотины нужно прямое распоряженіе бергъ-коллегии, а не распоряженіе чиновъ, ничего не знающихъ въ этомъ дѣлѣ; причемъ представлялъ о необходимости въ плотинномъ мастерѣ. Также присоединилъ, что «зимою должно осмотрѣть, сколько ключей на какой рѣчкѣ, а лѣтомъ узнать довольство и какое количество молотовыхъ колесъ можетъ содержаться; главное же удостовѣриться въ базисѣ, или поршвѣ рѣчекъ».

Въ 1762 г., тайный совѣтникъ и сибирскій генераль-губернаторъ Соймоновъ требовалъ свѣдѣній отъ якутской воеводской канцеляріи, въ какомъ положеніи состоитъ желѣзный заводъ и сколько потребно денегъ на вторичное его устройство; но это требованіе осталось безъ отвѣта.

Наконецъ воевода Дебрины, въ 1769 г., писалъ, что Тамгинскій заводъ отданъ въ откупъ, въ числѣ прочихъ сборовъ правительствующаго сената, впредь на четыре года, оберъ-директору Гусятникову съ товарищи, за что отъ здѣшнихъ повѣренныхъ и платежъ оброчный происходитъ, въ годъ по 1 р. 38³/₄ коп.; но между тѣмъ на самомъ дѣлѣ заводомъ никто не владѣеть, да и жилье тамъ снесено водою.

Желѣзо разрабатывалось также и въ прочихъ мѣстахъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Здѣсь упомянемъ только о Батомскомъ рудникѣ, на которомъ въ 1753 г. выплавлено было 75 пуд. кричнаго желѣза, оцѣненного въ 40 к. пудъ, которое велѣно было хранить на случай требованія отъ карабельнаго флота.

Не лишнимъ считаемъ присовокупить, что въ Иркутской губ. также находился желѣзный заводъ, близъ Байкала, на р. Ангѣ, что видно изъ указа отъ 5 декабря 1766 г. о доставленіи свѣдѣній о числѣ заводовъ въ каждой губерніи.

Теперь обратимся къ исторіи Верхоянскаго рудника.

Первое увѣдомленіе о приискѣ серебряной руды мы встречаемъ въ 1748 г. Казачій сотникъ Семень Шестаковъ объявилъ, что онъ знаетъ мѣсто руды по р. Вилюю, на рѣчкѣ Билюченѣ. Вѣроятно это объявленіе осталось бы неизвѣстнымъ, если бы не былъ командированъ гиттенъ-фервалтеръ Метѣневъ для изслѣдованія другаго серебрянаго рудника, открытаго сержантомъ Шарыповымъ по рр. Тырѣ и Кандою, находящимся въ Верхоянскомъ комиссарствѣ. Метѣневъ основываясь: а) на указѣ Петра Великаго, дозволявшемъ искать всякіе минералы и металлы всѣмъ безъ исключенія, съ условіемъ только объявлять о томъ бергъ-офицерамъ; тѣмъ же, которые утаятъ открытіе, «какъ непокорливымъ презирателямъ Высочайшей воли и врагамъ общей народной пользы, чинить тѣлесное наказаніе и смертную казнь»;

в) на указѣ Екатерины II о непремѣнной присылкѣ всѣхъ открытыхъ минераловъ и металловъ въ бергъ-коллегію, и наконецъ, с) на указахъ бергъ—правленія и генеральнаго берг-регламента, тревожалъ въ Якутскѣ о присылкѣ къ нему сотника Шестакова, но послѣдній былъ командированъ въ Анадырскій острогъ, и потому небыло произведено никакого изслѣдованія по его указанію.

Метѣневу вѣлно было отыскивать разныя руды, камни и «прочія куріозности»; объ успѣхѣ же дѣйствій доносить дважды въ годъ въ государственную бергъ-коллегію и въ иркутскую провинціальную канцелярію, представляя при томъ какъ чертежи пройденныхъ имъ мѣстъ, такъ и вновь добываемыхъ рудъ по 5 фунтовъ, а камней по части. Для изслѣдованія Шарыповскаго серебрянаго рудника, съ нимъ посылались канцелярскіе служители, 2 штейгера, изъ коихъ одинъ изъ иноземцовъ, другой изъ русскихъ, 2 берггаура, горныхъ учениковъ 24, пробирный ученикъ и, для снятія плановъ и ситуацій, маркшейдерскій ученикъ.

Въ 1749 г. Метѣневъ нашелъ на означенномъ рудникѣ серебряную руду въ двухъ мѣстахъ: «Въ верхнемъ шурфѣ найдена серебряная руда, какъ вверхъ, такъ и внизъ, жилами въ два аршина; въ томъ же шурфѣ въ одинъ аршинъ между ними голубой камень, свинцовый съ глянцемъ, и сообщились въ одно мѣсто стѣной. Во второмъ шурфѣ, какъ вверхъ по горѣ, такъ и внизъ, жила серебряной руды, толстотою въ одинъ аршинъ».

Штейгеры же Гаузъ и Пермиковъ въ свою очередь донесли совершенно противное. Они отправились изъ Якутска къ Шарыповскимъ рудникамъ, носившимъ уже названіе завода, въ іюнь мѣсяцѣ 1752 года и прибыли назадъ въ сентябрѣ того же года. Въ донесеніи своемъ они показали, что р. Тыра теченіе имѣетъ быстрое и многими, мелкими узкими протоками, и по ней даже идти мелкими лодками невозможно, почему они склали все бывшее съ ними имущество на устьѣ р. Тыры. Отъ ней разстояніе до серебряныхъ рудниковъ 203 версты. При разработкѣ этихъ рудниковъ, а равно и въ произведенныхъ ими развѣдкахъ по р. р. Маламу, Холую и Каменкѣ, они показали, что «не находятъ возможнымъ открыть что либо въ приращеніе интереса Ея Императорскаго Величества, что они открыли только малую часть свинцовой руды и колчедана, и не имѣли никакихъ средствъ къ дальнѣйшему производству работъ, по недостатку лѣса и суровости климата. Въ подтвержденіе же причинъ, препятствовавшихъ имъ, приводили снѣгъ, выпавшій уже 23-го августа въ 1½ арш. глубины. Для повѣрки дѣйствій

штейгеровъ. командированъ былъ какой-то Корниловъ, но изъ дѣлъ не видно результата его изслѣдованій.

Далѣе мы не встрѣтили ничего, что относилось бы къ прииску, или разработкѣ серебряныхъ рудъ, до 1765 года. Въ этомъ году якутскій разночинецъ Тимофей Кичкинъ донесъ якутскому воевовѣ Черкашенинову, что во время переѣзда съ тунгусами за р. Алданъ, онъ отыскалъ за хребтомъ при рч. Юндыбалъ камни, признаваемые имъ за подобіе серебрянной руды; при этомъ онъ присоединилъ свѣдѣніе объ изобиліи въ тѣхъ мѣстахъ лѣса и сѣнныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе этаго Кичкинъ просилъ объ освидѣтельствovanіи приложенныхъ камней, и буде они окажутся годными, то дозволить ему осмотрѣть тѣ мѣста

Воевода отпразилъ камни, для изслѣдованія, въ главное заводовъ сибирскихъ, казанскихъ и оренбургскихъ правленіе, на томъ основаніи, что въ Якутскѣ не осталось никого изъ знающихъ горное дѣло, по прекращеніи дѣйствій Тамгинскаго желѣзнаго завода. Въ слѣдующемъ году, въ августѣ, главное заводское правленіе объявило нерчинскому горному начальству, что посланные камни пробованы въ лабораторіи и по пробѣ оказали содержаніе: изъ 100 пудовъ серебрянной руды 6 фунт. 24 золотника и свинца 48 фунт. 5 лот.; при чемъ требовало освидѣтельствovanія указанныхъ мѣстъ и подробнѣйшаго описанія, какъ самаго положенія ихъ, такъ равно и существованія удобствъ къ устройству завода, доставкѣ провіанта и заселенію людьми. Нерчинское горное начальство просило якутское послать нарочнаго на рудныя мѣста, для выполненія вышеизложеннаго и внушить ему, чтобы онъ показывалъ тѣ мѣста не одному, а нѣсколькимъ лицамъ, на случай утерянія мѣстности за смертію, или отсутствіемъ бывшихъ при томъ, такъ какъ подобное обстоятельство случилось въ Братскомъ острогѣ иркутскаго вѣдомства, гдѣ была объявлена однимъ иновѣрцомъ богатая серебрянная руда; но нарочный, пріѣхавшій для освидѣтельствovanія, не засталъ его въ живыхъ, и потому ничего не отыскалось. Вскорѣ изъ Нерчинска писали о назначеніи, по указу государственной бергъ—коллегіи, унтеръ—шихтмейстера, для осмотра сысканной руды. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшался осмотръ и Кичкину, съ обязательствомъ доставить полпуда руды въ Якутскъ, и всѣмъ жителямъ вѣрно было *присматривать* прииски металловъ въ другихъ мѣстахъ и объявлять о нихъ заранѣе, для совокупнаго обозрѣнія съ унтеръ—шихтмейстеромъ.

Якутскій воевода Дебрины командировалъ въ 1767 г. на р. Юндыбалъ казачьяго пятидесятника Удорина, вмѣстѣ съ Кичкинымъ, давъ имъ подорожную на три верховыхъ лошади и про-

гоновъ на 200 верстъ, по деньгѣ на лошадей. Кстати замѣтимъ, что въ подорожной пятидесятника Удорица приказывалось ему строго, при отъѣздѣ съ ночлеговъ, тушить огонь до послѣдней искры, и не раскладывать его со всѣмъ тамъ, гдѣ существуютъ звѣриныя ловли. — Удоринъ отправился въ январѣ 1768 г., и хотя доносилъ, что по причинѣ великихъ снѣговъ и накипей ѣхать невозможно, но получивъ подтвержденіе о продолженіи пути, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, прибылъ лѣтомъ къ мѣсту назначенія.

Приводимъ его рапортъ, присланный въ воеводскую канцелярію отъ августа мѣсяца.

«Показанная серебряная руда имѣется въ камню; вышину имѣеть 110 ручныхъ сажень; по обѣимъ сторонамъ утесъ; по среди тѣхъ утесовъ осыпь, и въ этой осыпи показанная руда пластами, при себѣ содержитъ разсыпной калчеданъ слоемъ и синій песокъ—слоемъ же; между тѣмъ имѣеть кусками и пластами въ разницу пластъ, толщиною въ вершокъ, и въ полъ, и менѣе, а не сплошная. Снизу та руда имѣется въ той горѣ въ 30 ручныхъ саженьхъ, положеніе свое имѣеть въ центрѣ, а по восточную сторону значить тотъ синій песокъ вдоль по оному камню саж. на 80 ручныхъ».

«Да при той рудѣ состоитъ сопка, на которой имѣется синій песокъ съ искрами, отъ которой взята проба для оказки, и позади той сопки скважина внутренняя, въ ширину и длину по сажени, вышиною два аршина; въ ней, снизу, по обѣимъ сторонамъ, вышли жилы стоячія: одна калчеданная, другая серебряная».

«По правую сторону въ утесахъ видны изъ скважинъ калчеданная жилы въ трехъ мѣстахъ. Въ томъ же камню, съ приходу къ той серебряной горѣ, состоитъ утесъ превысокой; въ томъ утесѣ серебряная руда пластовая, вышиною въ 2 аршина, и тѣ пласты толщиною полвершка, и видно надъ тѣми пластами такыя же пласты—свѣтятъ, а за вышиною камня, подлинно не досмотрѣно, разстояніе примѣрно сажень 50».

«При той серебряной рудѣ лѣсу лиственничнаго тонкаго со удовлетвореніемъ—негоднаго на хоромное строеніе, а на устьѣ р. Юндыбалъ на строеніе хоромное такоже лѣсу со удовольствіемъ».

«Рѣка Юндыбала въ лѣтнее время небольшое теченіе имѣеть, а зимой вымерзаетъ; она—же разсыпная, а въ дожди бываетъ велика и топить шириной, напримѣръ, сажень на 50 и болѣе, и теченіемъ открыта, и сѣнныхъ покосовъ при себѣ не имѣеть, да при той же рѣкѣ, противъ серебряной руды, имѣется

накипень, во все лѣто не истекаетъ, а зимой не промерзаетъ, и рыба состоитъ».

«А по правую сторону выпала рѣчка званіемъ Имигчанъ, небольшая, теченіемъ состоитъ во все лѣто, а зимой промерзаетъ, и рыба состоитъ, а при ней луга небольшіе; строенію быть можно, и кормовищъ конскихъ привольно».

«Показанная р. Юндыбалъ теченіемъ лежитъ въ рч. Аркачанъ, которая весьма разсыриста, шириною напр. будетъ въ дождѣ на версту, теченіемъ крутая, въ лѣтнее время отъ засухи *выблгаетъ тесами* (?); вышешисанныя рѣчки каменные. Отъ устья р. Юндыбалъ вверхъ по рч. Аркачанъ, на одно днище якутское, имѣется накипень и рыба состоитъ».

«Отъ оной серебряной руды отъ р. Юндыбала внизъ по рч. Аркачанъ сѣнные покосы и выпускъ скоту разстояніемъ на 100 верстъ; имѣется урочище рч. Быйтахъ; при той рѣчки сѣнныхъ покосовъ имѣется напр. до пяти стоговъ».

«Отъ той рѣчки Быйтахъ до урочища Алысардахъ разстояніе напр. верстъ 20; при томъ Алысардахъ сѣнныхъ покосовъ и выпускъ скоту довольное число; отъ Алысардаха за рѣкой урочище Дулага-алы, сѣнныхъ покосовъ и выпускъ скоту имѣется».

«Подъ тѣмъ Алысардахомъ рѣчка, званіемъ Дулага-лахъ, которая теченіемъ лежитъ подъ Верхоянское зимовье».

«Ниже того Алысардаха за рч. Аэчіемъ урочище Оэми, ставится шесть стоговъ и конскихъ выпусковъ довольно».

«А по р. Юндыбалъ внизъ по рѣчкамъ Аркачанъ и Аэчію конскихъ кормовищъ довольное число и лѣсу листовничнаго».

«Отъ серебряной руды до Верхоянскаго зимовья всего 46 дн.»

«Провіантъ изъ Якутска плавить способно внизъ по Ленѣ до устья Алдана; отсюда до руднаго мѣста верхомъ. Съ устья Алдана до руды никто не живетъ».

Къ этому рапорту приложено слѣдующее описаніе тракта.

«Трактъ отъ бывшаго Тамгинскаго желѣзнаго завода до показанной серебряной руды и р. Юндыбалъ, сколько разстояніемъ, о томъ значится по урочищамъ, именно»:

«Отъ Тамгинскаго завода до г. Якутска 30 верстъ. Отъ г. Якутска, по Ленѣ р., до урочища Тараганъ 15 днищъ якутскихъ».

Отъ уроч. Тараганъ за Алданъ до устья рч. Батамай 7 днищъ. При той рѣчкѣ, какъ сѣна, такъ и лѣсовъ ко всякому строенію, и судовыхъ отстоевъ имѣется довольно.

Отъ устья рч. Батамай, по р. Быйгаканъ до жилища якута.... 8 днищъ.

Отъ жилища якута.... по той же рч. до вершины 5 днищъ.
 Отъ вершины, черезъ хребетъ до рч. Тукары 1 днище. По
 Тукарейскому хребту до озера 4 днища. По рч. Кору до уроч.
 Кень-тарыка 3 днища.

Отъ урочища Кень-тарыка до уроч. Чачары-тосшютя 4 дн.

Отъ уроч. Чачары-тосшютя 2 днища до Отукаева-оеми.

Отъ Отукаева-оеми до устья рч. Бурганлы 3 днища.

Отъ устья рч. Бурганлы до хребта 1 днище.

Черезъ хребетъ по рч. до оз. Сукачана 1 днище.

Отъ оз. Сукачана по рч. до становья тунгузскаго 1 дн.

Отъ становья тунгузскаго по рч. до озера Берелаха 3 дн.

Отъ оз. Берелаха до оз. Семенова 2 днища.

Отъ оз. Семенова до оз. Огочи 2 дн.

Отъ оз. Огочи до Артыкъ-урюки $1\frac{1}{2}$ дн.

Съ вершины до накипня $1\frac{1}{2}$ дн.

Съ накипня до серебряной руды 1 дн.

Всего 69 днищъ, т. е. въ каждомъ днищѣ идти по 10 верстѣ.

«Трактъ отъ серебряной руды и р. Юндыбалъ до Тамгинскаго желѣзнаго завода, по другой дорогѣ, отъ оз. Семенова, именно»:

«Отъ оз. Семенова до Мажачы оз. 2 дн.

Отъ оз. Мажачы по рч. Тейкела до вершины 2 дн.

Отъ вершины черезъ хребетъ 3 дн.

До Сюрюнева хребта 4 дн.

Съ вершины по рч. Тукары до устья Кору 17 дн.

Съ устья Кору до устья Тукары 17 дн.

Съ устья Тукары до Тараганы 6 дн.

Съ Тараганы, вверхъ по ленѣ р., до г. Якутска 15 дн.

Отъ г. Якутска до бывшаго Тамгинскаго завода 30 вер.

Всего 69 днищъ, т. е. въ каждомъ днищѣ по 10 верстѣ».

Этотъ журналъ Удорины былъ отправленъ воеводою Дебрины въ нерчинскую канцелярію горнаго начальства въ 1769 г., вмѣстѣ съ 20 фунт. серебра и чертежемъ тракта къ рудѣ. Кромѣ того 4 фунта сер. были отправлены къ иркутскому губернатору, генералъ поручику Брилю.

Равнодушіе, съ которымъ тогда принимались подобныя открытія, по истинѣ изумительно. Такъ, напр., иркутская губернская канцелярія только черезъ три года, т. е. въ 1772 г., учинила справку во всѣхъ подведомственныхъ мѣстахъ, когда и къмъ присланы были имѣющіеся мѣшечки съ рудами. По справкѣ оказалось, что они присланы изъ Якутска. Въ томъ же году Бриль требовалъ изъ Якутска свѣденій о бывшемъ свинцовомъ рудникѣ,

называемомъ Верхоленскимъ, который былъ затопленъ примѣрно выше города за 120 верстъ, и на которомъ добыто свинцовой руды до 100 тыс. пуд., содержаніемъ изъ cadaго пуда 20 ф. чистаго свинца.

Въ 1773 г. прибылъ въ Якутскъ шихтмейстеръ Метеневъ. Указами изъ правительствующаго сената и изъ государственной бергъ-коллегии, отъ 1766 г., ему поручено было удостовѣриться въ возможности возобновленія Тамгинскаго завода, въ годности желѣзной руды около того мѣста и въ удобности ея доставки. Также велѣно было узнать нельзя-ли населить то мѣсто, и вообще заботиться объ узнаніи состоянія хлѣбонашества и образа жизни людей всякихъ званій; причемъ представить планъ всему тамошнему краю и учинить добытымъ рудамъ самую вѣрную пробу. Главное же порученіе заключалось въ разработкѣ серебрянаго рудника на р. Юндыбалѣ. Въ Якутскъ послано было предписаніе о немедленномъ удовлетвореніи всѣхъ требованій Метенева.

По прибытіи Метенева въ Якутскъ, къ нему были командированы сотникъ Удоринъ и разночинецъ Кычкинъ, 2 навигацкихъ ученика, два казака, 3 разночинца и 14 ссыльныхъ. Такимъ образомъ начаты были работы на серебряномъ рудникѣ въ 1774 г., подъ надзоромъ штейгера Черепанова. Но вскорѣ возгорѣлась распря между Метеневымъ и воеводою Черемисиновымъ. Послѣдній доносилъ на перваго, что онъ волнуетъ инородцевъ слухами о повсемѣстномъ устройствѣ желѣзныхъ и серебряныхъ заводовъ, не платитъ прогоновъ въ разѣздахъ, мучаетъ людей и буйствуетъ какъ въ городѣ, такъ и въ дорогахъ. Метеневъ въ свою очередь доносилъ; что воевода медлитъ въ отпускѣ ему припасовъ и въ доставленіи свѣденій, распечатываетъ бумаги, адресованныя на его имя, и въ заключеніе жаловался, что Черемисиновъ издержалъ, на домашнія надобности, обрачки красокъ, присланныхъ изъ Усть-янскаго зимовья. Безъ сомнѣнія всѣ эти неудовольствія затрудняли только ходъ самаго дѣла.

Въ концѣ того-же 1774 г., на Юндыбалскомъ заводѣ появились болѣзни между рабочими, и Метеневъ просилъ воеводскую канцелярію выслать къ нему на Алданъ и Юндыбалъ тунгусовъ ламутскаго рода, знающихъ мѣста разныхъ присковъ и названіе рѣчекъ и урочищъ. Вскорѣ онъ жаловался, что инородцы не допускаютъ его иногда до производства работъ, опасаясь перенесенія ихъ въ заводское вѣдомство, и просилъ уничтожить въ нихъ всякое по этому поводу легкомысліе и сомнѣніе. Въ дѣйствительной неприязни инородцевъ къ разработкѣ присковъ мож-

но убѣдиться тѣмъ, что въ 1775 г. навигацкій ученикъ Наква-синъ доносилъ о покушеніи ламутовъ на Юндыбальскій рудникъ, и просилъ командировать военную команду.

Метеневъ писалъ, что на означенномъ рудникѣ находится золото. Къ несчастію, мы ничего не могли узнать объ успѣхъ этихъ работъ, но, по всей вѣроятности, они были весьма недоста-точны. Причинъ, подающихъ поводъ къ такому заключенію, до-вольно. Бѣгство рабочихъ, отсутствіе нужныхъ орудій, злоупотреб-ленія Метенева и приближенныхъ къ нему лицъ и взаимныя ссоры съ воеводами неминуемо должны были препятствовать надлежаще-му исполненію дѣла.

Въ 1777 г. Метеневъ послалъ въ государственную бергъ-коллегію три ящика съ пробами разныхъ видовъ, и писалъ, что нѣкоторые виды «съ частію самороднаго шлиховатаго золота»; также упоминалъ о недостаткѣ рабочихъ на Юндыбальскомъ руд-никѣ и что потому онъ не можетъ получать столько серебра, сколько слѣдовало—бы по богатству содержанія руды.

Наконецъ на Метенева поступили жалобы отъ его подчи-ненныхъ въ томъ, что онъ недодастъ имъ жалованья, безчин-ствуетъ, что Юндыбальскій рудникъ почти безнадеженъ къ до-быванію серебра, такъ что лѣтомъ можно рыть землю только при помощи огня, а золота не содержитъ ни малѣйшей части. Ос-новываясь на этомъ, штейгеръ Черепановъ остановилъ работы 3 апрѣля 1778 г., по безнадежности, и ссыльныхъ рабочихъ распустилъ.

Между тѣмъ, по представленіямъ Метенева, канцелярія глав-наго заводовъ правленія подтвердила якутскому начальству объ исполненіи всѣхъ требованій Метенева, а также о томъ, что бы оно не вступалось въ непринадлежащія до него дѣла по горной части, а чинило—бы только вспоможеніе, что отъ этого можетъ презойти безпокойство и смущеніе между горными служителями. Поэтому работы на Юндыбальскомъ рудникѣ были возобновлены. Наконецъ иркутскій губернаторъ Кличка велѣлъ Метенева вы-слать въ Иркутскъ, а дѣла и имущество сдать первому по немъ. Такимъ образомъ Метеневъ былъ отправленъ въ Екатеринбургъ со всею командою въ 1781 г., и всѣ работы прекратились. Денегъ на Метенева съ командою издержано было, во время пребыванія въ Якутскѣ, 3023 руб. 10¹/₂ коп. Кромѣ Юндыбальскаго серебрянаго рудника находился еще такой-же Эчигальскій, въ разстояніи 300 верстъ отъ Верхоянскаго комиссарства. Около Якутска также находился серебряный приискъ, на р. Ленѣ, въ 130 верстахъ, (*)

(*) Должно замѣтить, что здѣсь принимается старинное измѣ-реніе.

отъ города, близъ станціи Титары. Изъ дѣла видно, что на этомъ приискѣ, названномъ Мюкесѣевскимъ, производились работы въ 1779 г.; на немъ были сожжены, неизвѣстно кѣмъ, двѣ казенныя квартиры, руды до 700 пуд. и дровъ куренныхъ до 130 саж.

Въ бытность Метенева въ Якутскѣ получались неоднократно извѣщенія о находимыхъ рудныхъ мѣстахъ. Такъ, въ 1775 г., управитель Вилюйскаго округа Аргуновъ донесъ, что, по объявленію якутовъ, есть серебряная руда на горѣ, находящейся по р. Мархѣ, и прислана проба. Въ томъ-же году тунгузскій князь Шестаковъ объявилъ мѣсто руды на правомъ берегу рѣки Утомы, впадающей въ Алданъ съ правой-же стороны, и представилъ Метеневу также пробу, которая признана имъ за годную и отправлена въ канцелярію главнаго заводовъ правленія. Вслѣдствіе этого, князю былъ выданъ почетный открытый указъ на отысканіе повсюду разныхъ металловъ и минераловъ. Тотъ же Шестаковъ открылъ въ 1777 г. признаки серебряной руды въ алданскихъ покатыхъ (*) и просилъ объ освидѣтельствованіи.

Въ 1779 г., алданская воеводская канцелярія донесла якутской провинціальной канцеляріи, что навигацкій ученикъ Багишевъ открылъ прииски въ удскихъ покатыхъ, въ разстояніи 200 верстъ отъ удской ясачной избы, въ горѣ, на р. Кустай, которая пала въ р. Лимжи, Лимжи въ р. Маю, а Мая въ Удь, и представила также пробы. Въ томъ же году якутъ Дьяконовъ показалъ, что открылъ знаки золотой и серебряной руды на урочищѣ р. Мыль.

Къ сожалѣнію мы не можемъ изъяснить, на сколько достоверны всѣ эти открытія. Желѣзные рудники были найдены Метеневымъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) Въ Калганскомъ улусѣ, Хачикальской волости, по теченію р. Батомы, впадающей въ Лену, съ правой стороны, на лѣвомъ ея берегу, въ одной отъ нея верстѣ; тутъ же въ одной верстѣ и 200 саженьяхъ другой рудникъ.

2) Мальжагарской волости, между рр. Столбовской и Лобучи, на лѣвомъ берегу первой и правомъ послѣдней, два казенные прииска въ горѣ; обѣ рѣчки впадаютъ въ Лену съ правой стороны.

3) На р. Бухобалѣ и при вершинѣ р. Солы; первый по теченію р. Солы на правомъ берегу въ полугорѣ и второй по теченію р. Бухобалы, на правомъ берегу, въ уклонахъ и

4) Приискъ бѣлой глины, потребной на гончарное дѣло и кладку печей.

Метеневъ доносилъ, что якуты вывозятъ много желѣза, а ма

(*) У рч. Угуне-сутаме.

Батомскомъ рудникѣ имъ найдены устроенныя плавленныя печи. Впрочемъ, указомъ изъ канцеляріи главнаго заводовъ управленія, отъ 1777 г. № 3622, велѣно не воспрещать инородцамъ пользоваться рудою, но брать за каждый пудъ выплавленного чугуна по деньгѣ въ казну.

При изложеніи собранныхъ здѣсь фактовъ, мы старались съобности сколько возможно болѣе ясности и простоты, и привели ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Мы старались также избѣгнуть лишнихъ поясненій, относительно предположеній и мѣръ, которыя повлекли-бы за собою открытіе указанныхъ богатствъ. Добросовѣстно изложенный фактъ говоритъ за себя краснорѣчивѣе многихъ словъ.

В. РАЙСКІЙ,

Чл. Сотруд.

III.

ОБЪ ОСТЯКАХЪ, ТУНГУСАХЪ И ПРОЧ. ИНОРОДЦАХЪ ЕНИСЕЙСКАГО ОБ- РУГА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1857 г. былъ я командированъ въ Туруханскій край, следовательно имѣлъ случай многое видѣть своими глазами. Статья моя объ остякахъ написана тамъ же, въ Бахтинскомъ станкѣ, гдѣ я осеновалъ и около котораго жили остяки. Она вышла во многомъ противорѣчащею статьѣ кн. Кострова, явившейся въ Запискахъ Сибирскаго Отдѣла въ 1858 г., и составленной изъ сообщавшихся ему свѣденій заглазно. Такъ какъ замѣтка кн. Кострова объ остякахъ кратка, то я и подалъ свою статью объ этихъ инородцахъ цѣликомъ. Что же касается до тунгусовъ, то кн. Костровъ написалъ объ нихъ такъ тщательно и подробно, что моя статья объ этихъ инородцахъ была бы только повтореніемъ сказаннаго уже имъ; и потому, оставляя въ сторонѣ самолюбіе и заботясь только о дѣлѣ, я уничтожаю цѣлость своей статьи о тунгусахъ, выбравъ изъ нее только во первыхъ то, въ чемъ нашолъ я у кн. Кострова противорѣчіе съ

дѣйствительностію, а во вторыхъ то, чего у него вовсе нѣтъ. Отъ того описаніе получило форму отрывочныхъ замѣтокъ. За тѣмъ, тоже въ видѣ замѣтокъ, скажу о самоеди и объ якутахъ, да прибавлю въ заключеніе мысли мои о причинахъ цынги и другихъ болѣзней въ Туруханскомъ краѣ и о народныхъ противоцынготныхъ и другихъ средствахъ.

А, О С Т Я К И.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ, ИСТОРИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ, ИХЪ НАСТОЯЩЕЕ.

Подъ именемъ остяковъ у русскихъ слыли народы, не рѣдко совершенно между собою различныя и этотъ предметъ сталъ разясняться только въ послѣднее время.

Выскажемъ и наше мнѣніе.

Слово остякъ происходитъ, вѣроятно, отъ киргизскаго уштякъ и татарскаго юмтякъ, что въ переводѣ значитъ чужеземецъ. Фишеръ (*) говоритъ, что юштякъ у татаръ равносильно значенію слова варваръ, или скиѣ; у грековъ это означаетъ чужеземца, пришлеца, а также и дикаго, не просвѣщеннаго человѣка. И не удивительно, если побѣдители татары, овладѣвъ Западною Сибирью, такъ назвали всѣхъ побѣжденныхъ ими: удача большею частію возвеличиваетъ человѣка и даетъ ему право съ самодовольной гордостью считать себя неизмѣримо высокимъ; особенно такъ бываетъ съ людьми непросвѣщенными истинно и недаренными отъ природы высокою силой характера не увлекаться обаяніемъ славы.

Эта догадка подтверждается тѣмъ, что этимъ именемъ не называются инородцы къ востоку отъ Енисея, гдѣ не было и владычества татаръ, и что русскіе, употребляя слово остякъ съ

(*) См. Сибирскую исторію 1774 года, стр. 85.

тѣмъ же значеніемъ, называли нѣсколько времени остяками и вогуличей (*)

Изъ находящихся въ Енисейской губерніи девяти родовъ остяковъ: Натско-пумпокольскій, Карасинскій, Байхинскій, Тымскій и Караконскій, имѣютъ и по языку большое сходство съ пусто-ярскою и югорскою самоедью, равно какъ и такъ называемые остяки Томской губерніи, тогда какъ роды Сымско-коссовскій, Подкаменскій, Верхнеинбацкій и Нижнеинбацкій говорятъ совершенно особымъ языкомъ, неимѣющимъ сходства и съ языкомъ остяковъ Тобольской губерніи; послѣдній сходенъ съ языкомъ вогуличей, народа чудьскаго племени, въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е, въ смыслѣ массы племень, говорящихъ сродно финскому языку, ибо чудью, русскіе называли всякаго чужаго человека. Историкъ Миллеръ (**) говоритъ, что остяки появились въ Тобольской губерніи около 1372 г. по Р. Х., когда епископъ Стефанъ обращалъ Пермю въ христіанскую вѣру и когда много народовъ, боясь принужденія бросить свою вѣру, удалилось на берега Оби.

Такимъ образомъ скорѣе можно объяснить родство остяковъ (особенно Томскихъ) съ югорьскаго самоедью, чѣмъ допустить сходство съ вторыми родами такъ называемыхъ чисто енисейскихъ остяковъ. Достаточно для того предположить, что эти самоеды образовались отдѣленіемъ и уходомъ на сѣверъ остяковъ, стѣсненныхъ побѣдителями татарами, а тамъ уже поступили подъ общее названіе самыхъ сѣверныхъ обитателей Европейской Россіи. А истина этого можетъ подтвердиться происхожденіемъ самаго слова самоедь, которое можно вести отъ лапландскаго языка, ибо эти обитатели сѣвера Финляндіи называли себя *саме*, *сабле*, а землю свою *самеядна* или *самеладде*; (***) откуда уже самоедь или самеядна перешло на другихъ сосѣднихъ жителей сѣвера.

(*) Смот. Сибир. истор. 1774 г., стр. 86.

(**) См. Житіе и обыкновеніе остяковъ, Миллера.

(***) См. Гогстремово описаніе Шведской Лапл., гл. 4.

Но къ какому же племени отнести остяковъ енисейскихъ, и откуда вывести ихъ происхожденіе, если они ни съ какими разсмотрѣнными нами инородцами неимѣютъ общаго корня?

Остановясь на этомъ вопросѣ, г. Степановъ предполагаетъ ихъ потомками уйгуровъ. А такъ какъ это предположеніе очень интересно, то передаемъ все мнѣніе г. Степанова, (*) вмѣстѣ съ преданьемъ самихъ остяковъ.

Въ землѣ монгольской, по словамъ переводчика Абулгази, находятся три гряды горъ, проходящія у истока Енисея: Тургатабуз-лукъ, Ускун-лук-турга и Кутъ. Между этими горами жили уйгуры, вслѣдствіе несогласій раздѣлившіеся. Одна часть вышла на берега Иртыша и въ свою очередь раздѣлилась на три: хлѣбопашную, скотоводную и избравшую предметомъ занятій непременно звѣриную и рыбную ловлю, съ такимъ пристрастіемъ, что желаніе кого нибудь сдѣлаться хлѣбопашцемъ или скотоводомъ считалось обидой или ругательствомъ. А такъ какъ звѣри, чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ лучше, то эта часть уйгуровъ и могла подаваться отъ Иртыша къ Тазу и Енисею.

Вотъ эту то часть г. Степановъ и желаетъ считать за родоначальниковъ народа, отѣненнаго нами именемъ енисейскихъ остяковъ, что можетъ подтвердиться слѣдующимъ преданьемъ у Тшвотшимбыкубамскаго рода остяковъ.

Когда орда пробиралась отъ заката солнца на восходъ и пришла на Тазъ, то осталось четыре человека съ женами. Изнуренные, они лежали на берегу Таза и готовились уже къ голодной смерти, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ былъ объятъ нерѣдкимъ ему вдохновеньемъ: ибо онъ принадлежалъ къ мудрымъ (тшвотшимбыкубамъ). Въ минуту приросли къ нему два крыла; онъ поднялся на воздухъ и оттуда быстро погрузился въ воды Таза. Прошло немного времени—онъ вылетѣлъ изъ воды снова на воздухъ и явился къ товарищамъ уже обнизанный съ ногъ до головы всякими рыбами, которыя трепетали хвостами и сверкали разноцвѣтной чешуей. Съ тѣхъ поръ они начали за-

(*) См. Описаніе Енисейской губ., ч. II, стр. 40.

ниматься постоянно рыбнымъ промысломъ.

Положимъ, что это преданіе, какъ и всякое другое, какъ народныя легенды и саги, положимъ, говорю, оно неимѣетъ полной исторической вѣроятности; но неужели неможетъ давать намека, неужели неполучить значенія въ массѣ другихъ доказательствъ? Во первыхъ, неужели неопровержимо вѣрно все, что заключено въ письменность? Напротивъ, часто въ ней бываетъ только то, чего нѣтъ на дѣлѣ, и умолчено обо всемъ, что было дѣйствительно. Таковы нерѣдко официальные рѣчи, таковы часто и срочные отчеты. Кромѣ того, неужели въ однихъ только письменныхъ официальныхъ историческихъ документахъ, по часту ложныхъ, заключена вся жизнь народа? Неужели все можно печатно передать въ общую извѣстность?

Слѣдовательно, и приведенному выше мною преданію можно дать если не вѣроятіе, то какое нибудь значеніе. Нашъ ученый академикъ Кастрень (*) признаетъ остяковъ вышедшими также съ верховьевъ Енисея.

По изслѣдованіямъ молодаго ученаго Дорджи-Банзарова, (**) уйгуры были лѣсной народъ тюрскаго или монгольскаго племени. Слѣд., остается только филологамъ рѣшить, на сколько языкъ такъ называемыхъ остяковъ енисейскихъ заключаетъ въ себѣ элементовъ тюрскаго или монгольскаго? Всмотрѣвшись въ нихъ, я нахожу, что по типу своему они ближе всего подходятъ къ монголамъ.

Въ историческомъ отношеніи остяки играютъ важную роль, какъ виновники и руководителя (хоть и не единственные) покоренія земель по Тазу, Турухану и Енисею у тѣхъ мѣсть.

Не вѣришь глазамъ, читая о невѣроятной предприимчивости нашихъ предковъ; не вѣришь ушамъ, слушая рассказы о томъ, какой могучій духъ двигалъ ихъ впередъ, безъ средствъ, въ неизвѣданныя и казалось бы безиредѣльныя земли, гдѣ на каждомъ

(*) См. Bulletin S. Petersbourg, 1847—Т. IV.

(**) См. бібліотеку Восточной исторіи профес. Березина. т. 1.

шагу встрѣчались новые враги въ невѣдомомъ числѣ.

Еще не диво, что безстрашный Ермакъ грянулъ неожиданно на Сибирь съ горстью храбрецовъ: онъ чѣмъ нибудь хотѣлъ загладить свои вины и вымолить у царя право носить еще на плечахъ своихъ голову, уже обреченную можетъ быть на колъ. Но то гораздо знаменательнѣе, что въ часы гибельныхъ междоусобій, въ часы, какъ несчастныя обстоятельства мучили и грозили разорвать отечество наше, находились граждане, торговые люди, которые беззаботно, съ неслыханнымъ хладнокровіемъ, пролагали новые пути въ безъизвѣстныя страны, покупая кровью, голодомъ и холодомъ каждый шагъ впередъ.

Первые, съ кѣмъ встрѣтились русскіе торговцы, были остяки и самоеды. Произвольный поборъ съ нихъ и слухъ объ обогащеніи, заставилъ Царя Федора Іоанновича послать въ 1598 г. отъ Березова отрядъ казаковъ, который открылъ орды остяковъ и самоеды, собралъ съ нихъ дань и возвратился съ донесеніемъ въ Москву. Вслѣдствіе чего, въ 1600 году, былъ посланъ князь Шаховской, для заложенія острога, а за нимъ въ 1601 г. еще кн. Мосальскій, съ 200 казаковъ, который, спускаясь отъ устья Таза, нашолъ, въ 200 верстахъ отъ него, удобное мѣсто и заложилъ острогъ съ магазиномъ, изъ котораго вѣрно было снабжать безденежно остяковъ и самоеды, съ цѣлью привлеченія. Когда же ихъ поскупилось значительное количество, то въ 1602 г. образовался городъ Мангазей.

Съ увеличеніемъ народонаселенія, явилась большая нужда въ жизненныхъ потребностяхъ, и такъ какъ доставка изъ Березова была крайне затруднительна, и остяки стали отходить далѣе на юговостокъ, то слѣдуя за ними, равно какъ и для соединенія съ казаками, направлявшимися къ Енисею съ юга, откуда и всѣ припасы было бы удобнѣе получать, чѣмъ изъ Березова, произвели слѣдующее:

По встрѣчѣ двухъ отрядовъ, 1605 г., при устьѣ Сыма, произошла ссора за то, кому собирать дань съ нѣсколькихъ остяцкихъ ордъ, подчинившихся уже южнымъ казакамъ, которые, подъ начальствомъ Молчанова, построили Катскій острогъ. Это сорев-

нованіе заставило мангазейцовъ сбавить количество дани съ 12 соболей (какъ собирали Молчановцы) на 6, а также подстрекнуть остяковъ подать жалобу на Молчанова. Изъ этого возникла тяжба на 12 лѣтъ (*).

Слѣдую по р. Турухану, въ 1608 г. основали Туруханское зимовье, съ хлѣбнымъ магазиномъ. А затѣмъ сюда, какъ въ мѣсто болѣе южное и восточное, да и вблизи вождедѣйнаго Енисея, послѣ пожара въ Мангазеи, переведенъ городъ.

Постоянно спускаясь далѣе къ югу и основывая остроги, теперь исчезнувшіе, въ 1619 г. заложили Енисейскій острогъ.

Кромѣ того остяки играютъ роль и въ отношеніяхъ русскихъ къ тунгусамъ. Первая встрѣча наша съ тунгусами обошлась безъ помощи, а можетъ быть и руководства остяковъ, которые въ этой кровопролитной и упорной битвѣ стояли вмѣстѣ съ русскими и дали перевѣсъ. Тунгусы были въ большомъ числѣ, подъ начальствомъ храбраго Данула, который, опершись на длинную палку свою, давно уже съ безпокойствомъ смотрѣлъ на занятіе русскими прекрасныхъ долинъ, разстилающихся на западъ. Поэтично очерченъ этотъ бой у Фишера: «На долину, прилегавшей къ Енисею и окруженной тальникомъ, русскимъ представилось невиданное зрѣлище: масса враговъ была одѣта въ одинакое платье; шлемы и щиты ихъ были желѣзные, чешуйчатые; за плечами висѣли колчаны съ стрѣлами; длинныя острия палки прислонялись къ лѣвому плечу; луки были натянуты; бой былъ упорный и кончился побѣдою Молчанова». Такимъ образомъ, съ помощью остяковъ, мы наложили руку на многочислѣннѣйшее изъ кочующихъ племенъ—тунгусское.

Остяки большею частію роста средняго и вообще слабы. Лица ихъ не представляютъ ничего особеннаго въ выраженіи, только мужчины смотрятъ будто сурово и пасмурно, какъ-то изъ подлѣбья, а женщины болѣзненно. Многіе мужчины носятъ такое же платье, какъ крестьяне, будучи знакомы

(*) Все это подробно изложено въ вышеозначенной исторіи Фишера.

даже и съ рубахою; другіе же придерживаются своего костюма, который состоитъ изъ длиннаго халата, сшитаго изъ выдѣланныхъ съ обѣихъ сторонъ, иногда выкопченныхъ, а иногда бѣлыхъ, оленьихъ кожъ; лѣтомъ носятъ изъ холста, или дабы, хорьки, т. е. подштанники отъ колѣнъ до пояса, а зимою хорьки изъ ровдуга, и сверху суконныя длинныя нагавицы; на ногахъ тоже что у женщинъ. У женщинъ и дѣвицъ одинъ и тотъ же нарядъ: длинныя рубахи, короткіе штаны, халаты, подпоясанные и открытые нѣсколько на груди, завѣшенной всегда нагрудникомъ; чарки съ холщевыми чулками на ногахъ, а за тѣмъ такіе же какъ у мужчинъ—хорьки. Головы у бѣдныхъ женщинъ покрываются бумажными платками, а у богатыхъ суконными или китайчатыми шапочками, опушенными какимъ нибудь мѣхомъ, напр., бѣличьимъ, и такимъ образомъ, что головки этихъ звѣрковъ утверждены на переди, а ушки расправлены вверхъ. Волосы нѣкоторыя стригутъ по крестьянски, а нѣкоторыя распускаютъ безъ стрижки по плечамъ, дѣлая проборъ спереди.

Относительно опрятности скажу, что оба пола очень грязны, и нечистоплотны; впрочемъ эта нечистота далеко не въ такой степени, какъ описываетъ ее Палласъ: видно христіанство и общеніе съ русскими имѣли на нихъ свое благотѣльное вліяніе. Въ Енисейскѣ мнѣ говорили: «что остяки давно уже христіане, что они потеряли даже всякое воспоминаніе объ язычествѣ; что шамановъ у нихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ какъ они увѣряютъ». Мнѣ же, посѣтившему не разъ ихъ чумы и землянки, случилось видѣть и слышать противное.

Шаманы у нихъ до сихъ поръ не вывелись; этого они отъ меня и не скрывали.

Упомянувъ объ остякахъ, какъ о христіанахъ, надо сказать, что они плохіе христіане: внутренней смыслъ имъ недоступенъ, а наружная сторона христіанства плохо соблюдается, такъ напр., по дальности церквей, младенцевъ крестятъ лѣтъ четырехъ; похороны зависятъ также отъ обстоятельствъ, а между тѣмъ мертвецы не ждуть, предаваясь гніенію. Бракосочетаніе тоже не соблюдается. Однобрачіе лишаетъ остяковъ работницъ безплатныхъ.

Одинъ остякъ просилъ у начальства позволенія имѣть двухъ женъ, и когда ему было отказано, то хитрецъ спросилъ: — «Ну, а работницъ, какъ у нашего засѣдателя, — можно?»

Впрочемъ, каково бы ни было непониманіе религіи, однакожь остяки признають добрыхъ и злыхъ духовъ, а слѣдовательно имѣють понятіе о добрѣ и злѣ. Но за признаніемъ ихъ существованія не слѣдуетъ, кажется, ничего особеннаго, ибо хотя и дѣлають въ рѣдкость кое гдѣ божковъ, но чуть ли не за тѣмъ, чтобъ, въ случаѣ неуспѣха, высѣчь ихъ, бросить въ огонь и отправиться на мольбу къ святителю Николаю; за всѣмъ же тѣмъ признають единого Бога, называемаго по остяцки: Ессъ.

Главное занятіе этого племени есть рыболовство. Остяки, размѣщаясь родами по Енисею на берегахъ и островахъ, а по спадешии воды и на меляхъ, готовятъ рыбу не только для своего пропитанія и на зиму, но и для *карасицевъ*, т. е. енисейскихъ купцовъ, плавающихъ за Туруханскъ (*) съ товарами и привозящихъ тысячи по четыре пудъ соленой рыбы. Впрочемъ, не для однихъ ихъ остяки запасаются рыбою, но и для *блорыбцовъ*, т. е. приплывающихъ изъ Енисейска только до Инбацка, въ началѣ августа, за бѣлою рыбою, которой въ то время уловъ. Здѣсь замѣчу, что мнѣніе г. Гагемейстера (въ II ч., на стр. 530, его Статис. обоз. Сиб), будто за Туруханскомъ торговля ведется на тѣхъ же основаніяхъ, какъ ниже Березова (т. е. товарами, скупаемыми въ самомъ Березовѣ), — не вѣрно; потому что на Оби торговля производится казаками и мѣщанами, слѣд. мелочью, закупаемою въ Березовѣ, съ которою приходятъ на легкихъ лодкахъ, тогда какъ сюда приплываетъ нѣсколько капитальныхъ лицъ, на большихъ судахъ, нагруженныхъ своимъ товаромъ. Они торгуютъ въ самомъ Туруханскѣ, а частью и на пути къ нему и по станкамъ, расположеннымъ за нимъ ближе къ морю.

Чѣмъ ловятъ остяки рыбу неопишываю, потому что отъ русскихъ туземцевъ въ этомъ отличія нѣтъ, а слѣдовательно и

(*) До селенія Карасинцы (отъ чего и ихъ названіе) отъ Туруханска 1000 верстъ.

будетъ все описано въ статьѣ о рыболовствѣ въ Енисейскомъ округѣ вообще. Какъ только весенній снѣгъ начнетъ таять, остякъ, со всѣмъ семействомъ, отправляется на берегъ извѣстной ему, или любимой имъ, рѣки, и устраиваетъ тамъ свое временное жилище. «Погода хорошая, говоритъ онъ:—завтра я пойду ловить рыбу». А поставить чумъ-дѣло чуть-ли неминуемое, какъ для цыгана—бро-дли разбить свой шатеръ. Остяцкіе чумы даже похожи издали на цыганскіе шатры.

Чумъ дѣлается изъ бересты (*), вареной въ большихъ котлахъ. Въ такомъ видѣ береста называется тиска (**), и бываетъ длиною до 5 аршинъ, а шириною иногда до 3 четвертей. Нѣсколько такихъ штукъ сшивается вмѣстѣ по длинѣ, съ помощію особаго инструмента, называемаго *дуть*. (Смотр. рис. 5). Желѣзные и деревянные части дута равной величины; желѣзко (означенное темнымъ оттѣнкомъ) имѣетъ копьеобразную форму, длина всего дута вершковъ шесть; для сшиванья употребляется постегонка (т. е. сученое конопле), и сшитыя части называются полосами, т. е. говорятъ напр. сшить въ три или четыре полосы.

Отъ выварки, береста дѣлается мягкою, не ломкою, очищенною вполне отъ вѣтринокъ и коры. Я думаю, что дѣлать изъ этой бересты чумы полезно, по сильному противу ревматическому свойству березы и потому что береста не пропускаетъ мокра.

Чумъ состоитъ изъ 60-ти сошекъ, соединенныхъ вмѣстѣ вверху такъ, что остается отверстіе болѣе полуаршина, для выхода дыму; въ основаніи чумъ до 6 аршинъ въ поперечникѣ, а высота его около 4 аршинъ. Вмѣстѣ съ чумомъ начинается при-

(*) Обращаю на это вниманіе лицъ, говорившихъ мнѣ въ Енисейскѣ, что чумъ дѣлается изъ березовой коры; напротивъ, кора остается на деревѣ, и употребляется въ дѣло береста.

(**) Тиска, т. е. вареная береста, вошла въ полное употребленіе и у русскихъ.

готовленіе вѣтки (*), лодки, снастей и проч., и если все готово— не ждутъ вскрытія рѣки, а пробиваютъ размякнувшій ледъ пешнями и продѣваютъ въ воду сѣти. При моемъ осмотрѣ, чумы были почти пусты: все имущество находилось въ лодкѣ.

Въ лодкѣ узкой, сажень примѣрно 5 длины, неимѣющей ни одного желѣзнаго гвоздя и сидящей въ водѣ не болѣе полуаршина, былъ сдѣланъ берестяной домикъ; онъ раздѣленъ на двѣ половины, съ двумя дверцами. Здѣсь, между прочимъ, замѣтилъ я слѣдующія вещи, которыя мнѣ нигдѣ не случалось встрѣчать:

Сумты—инструментъ, употребляемый для отдѣлки кожи. Онъ состоитъ изъ дерева (а) (смотри рис. 6-й), около аршина длины; на срединѣ, въ болѣе толстомъ мѣстѣ, вбиты (какъ видите на рисункѣ) два желѣзка (б), хорошо закаленныхъ, въ родѣ стали и имѣющихъ такую форму, что въ широкихъ (до $\frac{3}{4}$ вершк) почти заостренопластинчатыхъ (?) концахъ своихъ, вышедшихъ на эту сторону, заключается и вся сила, потому что ими—то и производится отдѣлка; тогда какъ другая половина каждаго изъ этихъ копытчатыхъ желѣзковъ, имѣетъ форму гвоздя, вбита въ дерево съ противоположной стороны и вышла сюда только кончикомъ, который загнуть и приплюснуть, весьма крѣпко. Этотъ инструментъ употребляютъ взявшись руками за углубленные для рукъ части дерева, въ родѣ струга, съ тою только разницей, что спустивъ стружку однимъ желѣзкомъ, они дѣлаютъ небольшой оборотъ палки, и заводя вверхъ, производятъ уже другую стружку другимъ желѣзкомъ. Такимъ образомъ, если кожа виситъ, то за однимъ взмахомъ, при нѣкоторыхъ оборотахъ инструмента, дѣлаютъ двѣ стружки, т. е. при спускѣ внизъ одну и при подъемѣ рукъ вверхъ другую, подхвативъ уже другимъ нижнимъ желѣзкомъ.

2, *Сидялокъ*. (*) Этотъ инструментъ употребляется для

(*) Вѣтка подробно описана въ статьѣ моей о звѣроловствѣ. Примѣч. ав. Статья эта будетъ помѣщена въ слѣдующей книжкѣ Записокъ. Примѣч. Р-а.

(*) Буква г. произносится какъ латинское дыхательное h.

мягченъа кожъ. Онъ такой же длины, какъ предъидущій; сдѣланъ изъ дерева съ мѣстами для рукъ въ концахъ, а сила его заключена въ желѣзѣ, помѣщающемся въ углубленіи инструмента; самое желѣзо означено тѣнью (смотри рис. 7-й) и составляетъ какъ бы пилу, въ мизинецъ шириной, и съ тупыми зубчиками; отъ пилы идутъ еще гвоздеобразные концы, которые вбиваются въ дерево и выходятъ загнутыми и приплюснутыми концами, какъ означено въ точкахъ а и б; этими концами пила, плотно уложенная въ выемку и выдавшаяся изъ за нея, неподвижно прикрѣпляется къ дереву. употреблеііе сидягокса состоитъ въ томъ, что кожу, растянутую и прибитую вверху и внизу, шоркаютъ взадъ и впередъ, чѣмъ очищаютъ и сильно мягчатъ ее.

Подготовивъ такимъ образомъ все, остякъ будить свою жену на завтра словами: «скорѣе приведи вѣтку, подай сѣть, подведи собаку». Горе женѣ, если она осмѣлится сказать ему хоть напр. подожди, или поднять тяжело. Мужъ тутъ беретъ полѣно и съ словами: «худо дѣлаешь», начинаетъ колотить свою сожительницу. Разумѣется это не всегда дѣлается, но всеже чаще чѣмъ у другихъ инородцевъ. Въ Сибирской лѣтописи Саввы Есипова объ остякахъ, бродившихъ по Оби, между прочимъ, сказано: «Во истину и скотамъ не уподобишася сіи людіе: скоть бо аще есть и безсловесно, но что есть Богомъ не повелѣно ясти ему—и не ясть, звѣря или птицы, или траву сѣнну. Сіи жь челоувѣцы неуподобившися симъ, понеже.... сыродцы, звѣрина же и падская мяса снѣдающе скверно, и кровь шіяху, яко воду, отъ животныхъ, а также и траву и кореніе ядаху».

Въ этихъ словахъ странное сліяніе истины съ совершеннѣйшей ложью. Истина принадлежитъ описанной картинѣ, а ложь, и ложь обличающая невѣжество высказавшаго ее, лежитъ во взглядѣ и сужденіи объ этой картинѣ. За что же эта брань, это выставленіе, что они хуже скотовъ?—За то, что составляетъ плодъ нужды и требованій природы; за то, что составляетъ спасеніе ихъ жизни. Разберу по пунктамъ.

Не только Савва Есиповъ (ему простибельно по тому времени), но есть и теперь люди, выражающіеся такъ: «ничего не

можетъ быть гаже и отвратительнѣе остяка, разрывающаго зубами рыбу и съ особеннымъ удовольствіемъ пьющаго кровь». Странно слышать столь рѣзкія сужденія о томъ, чего многіе не понимаютъ. Напротивъ, употребленіе сырой рыбы спасительно отъ скорбута; свѣжую сырую рыбу употребляютъ не одни остяки, но и всѣ инородцы глубокаго сѣвера и коренные сибиряки и при томъ такъ, что у небольшихъ рыбокъ вовсе неразбиваютъ головки, а трепещущуюся, посоливъ, вкладываютъ хвостикомъ въ ротъ, и едва дрыгнетъ она во рту, какъ головка уже отпадаетъ и отбрасывается въ сторону; а крупную всѣ сибиряки, на рыбалкѣ или во время тяги бичевой и проч., глушатъ ударомъ головы о камни, тогда какъ въ другое время, на свободѣ, поступаютъ иначе. Слѣд., за что же винить въ этомъ, какъ въ поступкѣ хуже звѣрскаго, однихъ остяковъ? Употребленіе въ зимнее время мерзлой сырой рыбы, какъ я сказалъ, вообще принято у всѣхъ коренныхъ обитателей Восточной Сибири; это кушанье, называемое строганиной и приготовляемое въ видѣ стружекъ, изъ какой нибудь лучшей ленской, енисейской или байкальской рыбы, съ солью и перцомъ, очень вкусно, питательно и даже здорово. Будучи врачомъ, мнѣ случилось сдѣлать слѣдующее наблюденіе въ арестантской больницѣ. Поступило въ больницу два, содержавшихся въ острогѣ, несчастныхъ остяка; оба были въ скорбутѣ. Перваго началъ я лечить по правиламъ науки; но замѣтивъ, что болѣзнь не уступаетъ, обратился съ вопросомъ объ его прихотяхъ, — сдѣлалъ дѣло, да уже поздно: общая водянка развернулась быстро и быстро убила его. Другаго же, страдавшаго сильнѣе перваго, я немедленно посадилъ на ту пищу, какую онъ самъ назначалъ, ведя леченье своимъ порядкомъ. Ему давали то сырую рыбу, то свѣжую кровь, то вареную рыбу, то жиръ животныхъ, и все это въ перемежку. Какой же вышелъ результатъ? Человѣкъ видимо поправлялся, когда получалъ требуемое, видимо ухуддался, когда не успѣвали въ тотъ же день приготовить требуемое, и, наконецъ, больной совершенно выздоровилъ.

Такъ разобралъ я употребленіе сырой рыбы и свѣжей

кровя; осталось еще обсудить брань остяковъ за то, что, «траву и кореніе ядяху», Да неужели мы не ѣдимъ ни травы, ни кореньевъ, и именно въ сыромъ видѣ, а не въ варенномъ? Припомните всѣ наши и простые, и гастромическіе обѣды, отъ рѣдки до пастарнака и салатовъ и потомъ скажите: правъ ли Есиповъ? Да кромѣ того самая природа, самая натура остяковъ, самая ихъ болѣзнь—влекуть припасть къ землѣ и пожирать сырье ея: у остяковъ развитъ скорбуть, а природа дала во множествѣ дикой щавель, сѣвернѣе же, къ Туруханску, пихту и хрѣнь, и то и другое сильное противоскорбутное средство.

Мы остановились, кажется, на пищѣ. Продолжаю мой рассказъ объ остякахъ. Утоливъ свою жажду и голодъ, онъ начинаетъ думать о семействѣ, беретъ наловленную рыбу и идетъ въ чумъ. Войдя въ дверь, бросаетъ добычу женѣ съ словами: «принеси дровъ, раскладывай огонь—будемъ жить весело». За тѣмъ укладывается и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ на цѣлый день, или до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ голода. Проснувшись, онъ снова требуетъ ѣсть и снова засыпаетъ. Вообще полѣниться и поспать остяки охотники.

До тѣхъ поръ, пока у остяка есть съѣстные припасы, онъ считаетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Если по извѣстному озеру, рѣкѣ, или рѣчкѣ, уловъ рыбы сталъ уменьшаться, остякъ снимаетъ свой чумъ и отходитъ на другое мѣсто. Словомъ, все лѣто проводитъ въ рыбной ловлѣ.

Занимаясь самъ ловлею, женѣ предоставляет онъ заготовленіе зимнихъ припасовъ, какъ то: *варки, юкалы и порсы*. Варка готовится такъ: варятъ въ котлѣ стерлядей, пока вода испарится и потомъ держать котелъ на слабомъ жару, пока рыба не завялѣетъ; юкала—сушеная на солнцѣ разная рыба: щуки, караси и лзи; порса—всякая рыба, превращенная въ порошокъ. (*) Если, во время лѣта, жена не была рачительна къ хо-

(*) Слова: варки, юкала и порса вошли уже въ употребленіе и у русскихъ.

звѣрству и мало заготовила запасовъ на зиму, то семейству приходится питаться звѣринымъ мясомъ, завялыми или изъ подъ снѣга выбранными ягодами: рябиной, брусникой, черемухой и т. п.

Мнѣ говорили въ Енисейскѣ, «что какъ только наступятъ заморозки и первоснѣжье, остяки углубляются въ лѣса, для звѣринаго промысла, гдѣ роютъ землянки, оставляютъ тутъ семейства, а сами выходятъ на промыселъ, возвращаясь, по временамъ, чтобъ принести добычу и навѣдаться». На дѣлѣ же я нашелъ значительно иначе. При первыхъ заморозкахъ и первому снѣгу, т. е., какъ здѣсь, съ 1 октября, вытаскиваютъ они изъ воды, съ забереговъ, лодки, готовятъ нарты, луки, стрѣлы и пр.—словомъ заканчиваютъ прежнее дѣло и готовятся къ будущему; потомъ, около половины октября, на томъ же мѣстѣ, гдѣ и были, выкапываютъ землянки, на аршинъ глубины въ землю, дѣлаютъ изъ толстыхъ жердей крышу съ отверстіемъ на срединѣ, для выхода дыму; въ это отверстіе выходитъ къ верху суживающаяся труба, обмазанная глиной; неподалеку отъ выхода, ставится, обмазанная же глиной, стѣна, раздѣляющая чумъ на прихожую и комнату чистую, въ которой полъ прикрытъ вывареной берестой; по сторонамъ печи придѣланы (оставивъ мѣста для проходу) скамьи, на которыхъ стоитъ посуда, а подъ ними живутъ собаки. Въ потолокъ или въ выходящей надъ землею боковой стѣнѣ сдѣлано окно, съ матовымъ стекломъ, т. е. льдиной; крышу забрасываютъ разными палками, потомъ травою и вѣтвями чернолѣсья и, наконецъ, землею. Въ одну сторону дѣлается дверь, открывающаяся наружу, а чтобъ открыть ее—вырыто сколько требуется мѣста въ землѣ; надъ выходомъ же сдѣлана кровелька. Въ устроенной такимъ образомъ землянкѣ остается семейство около полуторыхъ мѣсяцовъ, пока не наступитъ настоящая зима, пока не придетъ въ свой лучшій видъ звѣрь и пока не вернется изъ лѣсовъ самъ хозяинъ остякъ, уходившій отыскивать мѣста помѣщенія звѣрей. Во время же улова поздно будетъ дѣлать розыски, да и углубляться тогда въ лѣсъ, по случаю холодовъ, будетъ невыгодно. Окончивъ свое путешествіе, остякъ оставляетъ землянку и отправляется со всей семьей

въ лѣса, останавливаясь вблизи звѣровыхъ мѣсть, гдѣ разгребаетъ снѣгъ и въ немъ ставитъ обыкновенный берестяной чумъ, прикрывая мерзлую землю хвойными вѣтвями и насыпая на нихъ въ средину чума землю, покрайней мѣрѣ на четверть толщины, чтобъ на ней безопасно можно было разводить огонь. Не подалеку отъ землянки дѣлается лабазъ, прикрытый отъ снѣга парусомъ, для всякой домашности, а гдѣ нибудь въ сторонѣ, иногда у самой дороги, другой лабазъ съ провіантомъ. О воровствѣ здѣсь не имѣютъ и понятія. На удивленіе мое, какъ безъ защиты у самой дороги остяки оставляютъ провіантъ, крестьяне отвѣтили мнѣ такими взглядами, что я покраснѣлъ до ушей и не зналъ, чѣмъ бы вознаградить этихъ благородныхъ людей за свое оскорбительное подозрѣніе.

Отправляясь на звѣроловство, остякъ беретъ съ собой пищи столько, сколько можетъ увезти. Звѣриный промыселъ не есть настоящій его промыселъ, который бы онъ велъ съ охотою, со страстью, и который бы обогащалъ его, — нисколько; это скорѣе дѣло нужды, т. е. для пищи и для платы ясака въ казну, равно какъ и за забранный хлѣбъ. Въ случаѣ надобности остякъ ѣстъ всякаго звѣря, кромѣ колонка, горноста, волка и лисицы. А на вопросъ мой — почему? — отвѣчали о первыхъ двухъ, что скверно пахнутъ, а о двухъ послѣднихъ, что похожи на собаку, которую они ни за что не будутъ ѣсть. Интересно прибавить здѣсь остяцкія названія нѣкоторымъ звѣрямъ, напр.: лисица — каганъ, волкъ — хыйтъ, горноста — кергенъ.

Упомянувъ объ ихъ домашнемъ устройствѣ по хозяйству, я забылъ сказать о собакахъ, бывающихъ не рѣдко съ хозяевами въ тѣхъ же зимнихъ чумахъ. Грязь, вонь и сырость непремѣнная принадлежности такихъ жилищъ, а затѣмъ и развитіе скорбута; но не смотря на то, женщины успѣваютъ выдѣлывать кожи, прясть нитки для сѣтей и шить все платье на мужей и на себя. Собакъ своихъ, такъ называемыхъ ѣзжалыхъ, они крайне берегутъ и кормятъ, какъ полезнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, потому что тамъ нѣтъ оленей, по неимѣнію для нихъ зимой подножнаго корма, т. е. тундристыхъ мховъ.

Къ концу зимы, едва весеннее солнце обогрѣетъ природу, начнутъ рыхлѣть снѣга, проваливаются ноги, а лыжи лишаются своей скользкости, и тогда остяки оставляютъ свой звѣриный ловъ, собираютъ чумъ, не заходятъ въ осенніи землянки, а спѣшатъ прямо на берега къ рыболовью, усиливаются пробивать пешнями ледъ, чтобъ запустить сѣти, и потомъ, въ случаѣ успѣха, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ жадности и наслажденья, впиваются въ первыя трепещущія рыбки! Съ помощью этой пищи, вмѣстѣ съ всеживительной весной, проходитъ уныніе духа, ослабленіе тѣла и скорбуть, послѣдній есть неминуемое слѣдствіе безостановочнаго жестокаго мороза для плохо защищенныхъ обитателей душныхъ и грязныхъ землянокъ и чумовъ.

О звѣриномъ промыслѣ я ничего не говорю, оставляя его до описанія тунгусовъ, какъ исключительно звѣролововъ.

Жизнь остяковъ состоитъ въ очень маломъ числѣ пожеланій, по общему закону: чѣмъ менѣе знаній, тѣмъ менѣе желаній. Понятіе о порокѣ мѣряется явнымъ зломъ, ущербомъ, а о добродѣтели—приносимою пользой.

Сонъ остяка легокъ и сладокъ, если у него есть пища, да жена хороша. При худомъ же уловѣ рыбы и звѣря, правительство открываетъ имъ, какъ усыновленнымъ сиротамъ, хлѣбные магазины.

Въ этомъ положеніи находятся остяки, не познакомившіеся еще съ промышленниками; но тѣ изъ нихъ, которые нашли между послѣдними друзей, пристрастны къ вину, картамъ и щегольству. Такой ужъ видно міровой законъ, что вмѣсто истиннаго просвѣщенія, принимаютъ сперва приглядныя, но порочныя стороны, — эти болѣзненные наросты на здоровомъ деревѣ.

Хотя остяки и отличаются (покрайней мѣрѣ теперь) большою плутоватостью, чѣмъ напр. тунгусы, но на звѣриныхъ промыслахъ показываютъ столько честности, что считается ими за постыднѣйшее преступленіе взять изъ чужой ловушки попавшагося звѣря; замѣченный же въ этомъ, лишается права быть съ другими въ сообществѣ.

Торговья ихъ отношенія состоятъ въ мѣнѣ, но какъ, боль-

шею частью, дѣлается мѣна, предоставляю за себя говорить самимъ крестьянамъ. Вотъ свидѣтельство объ этомъ туземныхъ жителей.

«Лѣтъ 25 тому назадъ, какъ бывало остяки понаѣдутъ въ нашу деревню, семействъ до 70 и болѣе, тутъ имъ и приготовишь пивца, да съ шастой (*), кадушку ведеръ въ 15, да и позовешь ихъ, какъ будто въ гости, выставишь имъ пиво посередь двора и скажешь: «ну пейте за мое здоровье!» Они тутъ и ну пить за мое здоровье, сколько чьей душѣ угодно, сколько въ моготу войдетъ; а когда покончатъ пиво, головы одурѣютъ и ужъ будутъ пьяны, то учнутъ, въ знакъ благодарности, накладывать въ кадушку, что осушили, то бѣлокъ, то горностаевъ, и накладутъ бывало полную.»

«Намъ прежде куды какъ хорошо бывало! и шаста, спасибо, много помогала. Извѣстно вина нѣтъ, хмѣлю то же, какъ быть? а съ трезвымъ не столкуешь— бѣда, какъ собачій сынъ торгуется! А какъ задашь ему пивца съ шастой, такъ и денегъ не просить: куды какъ на хмѣль падохъ!—А теперь не такъ-то скоро надуешь остяка, потому что понарусѣли. Да еще что же теперь: ежели дашь ему въ долгъ что изъ одежды, обуви или муки, то тово и гляди, что надуетъ; а ежели прошелъ годъ тому долгу, то уже не смѣй и спросить, а то отвѣтитъ: «что ты, какъ чистой дуракъ, кислый долгъ спрашиваешь!» Если ужъ молвилъ «кислой долгъ», то и знай, что платежа небудетъ. Кислой по ихнему, что по нашему пропачій долгъ. Есть нѣкоторые остяки, что долгъ отдають, а все наровятъ за собой хоть немного оставить, да еще въ долгъ припросить по больше, съ тѣмъ намѣреніемъ, что хотя де и не отдамъ, такъ было бы покрайней мѣрѣ изъ за чего глазами хлопать. А просить на него куда пойдешь! Другой остякъ наберетъ въ долгъ хозлевъ у пяти, да какъ всѣ

(*) Слово шаста усвоено вполне русскими, потому что другаго названія нѣтъ, а что такъ называется, скажу послѣ, что бѣ поперебивать крестьянской рѣчи.

придутъ къ нему требовать долгъ, онъ, бестія, потушитъ глаза въ землю и самъ себѣ подъ носъ толкуетъ: «гдѣ мой возметъ; нѣтъ, послѣ будетъ!» И кто бы ни спросилъ—всѣмъ одинъ отвѣтъ. Ну вѣстимо спрашиваешь, спрашиваешь, ходишь, ходишь, такъ и бросишь, а онъ, бестія, наровитъ пріискать жительство гдѣ нибудь при другой деревнѣ, подальше отъ нашей. Тамъ поди и ищи его: у него ужъ тамъ свои друзья, а тебя и знать не хочетъ.»

«Оно все бы ничего, да то бѣда, что на пиво то плохо подаются нынѣ. Когда стануть на пиво бѣлокъ мѣнять, дашь ему ведро пива, а онъ и даетъ только двѣ бѣлки, да еще за малое ведро дѣлаетъ выговоръ: «твоя ведра мала! ну, мачка твоя ведра, давай больша, а эта ведра мала». Да съ ними много и не разговоришься нынѣ, потому что всѣ стали люди подказенные, должники вишь по хлѣбнымъ—то по запасамъ; вѣстимо и покупаемъ—то оттого тихонько, а то, пожалуй, на грѣхъ еще засѣдателя или кого пониже накличешь—хуже еще будетъ. Долгу на нихъ много; звѣрь ушолъ отъ этихъ мѣстъ дальше, да и сами остяки говорятъ (врутъ ли, правду ли): будто имъ нельзя ловить болѣе двухъ тысячъ бѣлокъ—великій будто грѣхъ, въ другой разъ въ ловлѣ счастья небудетъ; а я такъ своимъ умомъ полагаю, что коли за разъ всѣхъ въ хорошій годъ перебьютъ, то и плода на прокъ небудетъ. Вотъ думаю причина—то».

Такъ рассказывалъ крестьянинъ. По моимъ удостовѣреніямъ, лжи тутъ нѣтъ ни малѣйшей.

Вы остались только въ недоумѣніи, что за странное пиво, которое безъ хмѣлю одуряетъ, и что это за шаста?

Вотъ какъ она изготовляется. Сначала слѣдуетъ сдѣлать сладковатаго вкуса хлѣбъ, квасникъ; послѣ того заварить въ кадушкѣ пудъ ржаной муки и мелко искрошить заготовленный сладковатый хлѣбъ; за тѣмъ прибавить кипятку, наложивъ соломы или сѣна и, не плотно приходящійся къ кадушкѣ, кругъ; потомъ, раскаливъ нѣсколько простыхъ камней, бросать ихъ одинъ за другимъ въ кадушку не покрытую, пока заключенное въ ней закипитъ ключемъ; за тѣмъ дать устояться, и когда го-

тово — осторожно вынимать изъ кадушки стырь (*) и мало по малу выпустить сусло и остудить его; за тѣмъ въ это сусло положить приготовленной какъ должно шасты, поставить въ печь въ большихъ котлахъ (вѣрнѣе горшкахъ), варить до хорошаго кипѣнья, вынуть и остудить; за тѣмъ слить это въ кадушку съ остатками, прибавить чашки три дрожжей и дать укиснуть. По изготовкѣ, слить, шасту выбрать въ рѣшето и выжать; наконецъ дать устояться хорошенько, сливать въ боченки и, закупоривши плотно, ставить въ погребъ. Дней черезъ 15 будетъ хорошее пиво, но стоять можетъ, не теряя никакого изъ своихъ качествъ, до трехъ мѣсяцовъ. Шаста же собственно есть ничто иное какъ карость на сучьяхъ ели, (лишай); она во всякое время имѣетъ свою хмѣльную крепость, и замѣняя бывающій на другихъ деревьяхъ мохъ, походитъ формою на листья травы *мать и мачиха*. Запасовъ шасты не дѣлаютъ, потому что она есть во всякое время. Пиво съ нею здѣшніе жители варятъ обыкновенно во время страды, другіе же, кто по богаче, и ко всякому особому празднику или случаю, а главное къ выходу остяковъ изъ лѣсовъ съ мѣхами. Для варки въ пиво, шаста должна быть водахъ въ трехъ горячихъ вымыта и выжата, словомъ пока вода изъ красновато-грязной не будетъ оставаться чистою. Конечно отъ этого мытья и выжиманья теряется сила, но за то такая шаста, кромѣ пріятнаго одурѣнья, не оставляетъ ничего дурнаго ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, тогда какъ отъ не мытой крепкой болить послѣ голова, какъ съ похмѣлья, и на языкѣ остается непріятный вкусъ.

Перейдемъ теперь къ семейной жизни остяковъ.

Рожденіе дѣтей не сопровождается ни какими обрядами. Замѣчанію нѣкоторыхъ, что остячки часто умираютъ въ родахъ, вѣроятно, отъ постоянно грубаго обхожденія съ ними мужей,

(*) Стырь, т. е. тупоконцый клинъ, вставляемый въ просверленные въ кадушкахъ дырки.

я не нашелъ ни малѣйшаго подтвержденія.

Замѣчаніе, что бабничать некому, также относительно всѣхъ видѣнныхъ мною остяковъ, оказалось несправедливымъ: каковы бы ни были, а есть у нихъ свои бабушки, такъ что когда беременная остячка уходитъ за звѣремъ съ семьей въ лѣсъ, то уводитъ съ собой и бабушку. Мужчины же въ этомъ толку не знаютъ и объяснить мнѣ ничего не могли, не смотря на все наше тѣсное взаимное расположеніе.

Съ новорожденными поступаютъ различно: одни, и большею частию, какъ у русскихъ, обливаютъ теплой водой и на вопросъ мой о холодной, всегда отвѣчали—«что ты бачка, мала онъ, заморозишь,» а другіе, живущіе дальше отъ русскихъ деревень и менѣе имѣющіе сношеній съ ними, погружаютъ (хоть и рѣдко,) подобно тунгусамъ, младенца въ снѣгъ, чѣмъ какъ бы посвящаютъ его всѣмъ суровостямъ сердитаго сѣвера и закаляютъ на борьбу съ нимъ. За тѣмъ вносятъ ребенка въ чумъ, обливаютъ снѣжной водой, завертываютъ въ теплыя оленье кожи и кладутъ около дымящихся головешекъ въ берестяную зыбку. Видѣнныя мною зыбки имѣли форму гробиковъ и висѣли на веревкѣ такъ, что голова была выше ногъ; ребенокъ былъ одѣтъ заячьей шкурой, а подъ нимъ находился слой древесныхъ опилокъ, отлично всасывающихъ всякую нечистоту и часто смѣняемыхъ.

Воспитаніе даютъ суровое. По прошествіи мѣсяца, кормятъ уже ребенка стертою въ водѣ вареной рыбой. Чуть покажутся зубки, передъ малюткой уже сырое оленье мясо и сырая рыба; даютъ этого впрочемъ не болѣе двухъ разъ въ день. До 12 лѣтъ водятъ дѣтей почти безъ всякой одежды, съ 12 пріучаютъ стрѣлять, ходить за оленемъ, дѣлать ловушки, нарты, чумы и проч. Послушаніе къ родителямъ сохраняется нерушимо, но не по долгу кажется, а по необходимости слабаго; войдя же въ возрастъ и крѣпость, нерѣдко, въ сердцахъ, дѣти бьютъ отцевъ, по праву сильнаго. Да это и неудивительно: когда же у христіанъ по названію, но не проникнутыхъ долгомъ христіанства, можетъ быть иначе? Съ 18 лѣтъ дѣти принимаютъ всѣ тяжести возмужалыхъ и не расстаются съ ними до смерти. Такъ

на станціи Комса, вскорѣ за моимъ прїѣздомъ, вбѣжалъ въ комнату престарѣлый, съ бѣльмомъ на одномъ глазѣ и сильнымъ тускомъ на другомъ, остякъ, и съ крикомъ: «помоги бачка—съ голоду умираю!» бросился въ ноги. Блѣдное изъсиня лицо, слѣпота, согбенная фигура и крайнее рублище, дѣлали его весьма жалкимъ. Бывшіе тутъ крестьяне объяснили, что этотъ старикъ долженъ питать все семейство, что богачъ деревенскій Кр—въ занялъ всѣ лучшія рыболовныя мѣста и вблизи деревни болѣе не осталось мѣстъ, тогда какъ въ прежніе годы эти мѣста занималъ остякъ и слѣд., по праву, они принадлежатъ ему. Я велѣлъ позвать богатаго мужика и зная, что непринадлежу къ числу земскихъ, послѣдовалъ обычному своему правилу—удѣлывать дѣла, невозвысивъ голоса. Едва вошелъ Кр—въ, остякъ заголосилъ, что дескать смерти его хочетъ. Зная, какъ упрямы богачи, я попросилъ замолчать остяка и держалъ такой разговоръ съ гостемъ.

— Здравствуй другъ!

— Здравствовать желаемъ.

— Ты Бога знаешь и боишься?

— Какъ же.

— Остякъ слѣпъ?

— Слепъ.

— Онъ дряхлъ?

— Старъ.

— Семейство большое?

— Точно.

— Вѣдь онъ нищій? (При томъ я подалъ остяку денегъ при словахъ—вотъ тебѣ милостиня!)

— Правда, родимый!

(Замѣтьте ужъ «родимый» въ ходу, значитъ поддается кремень.)

— Но неужели ты его—то ужъ грабить и голодомъ морить захочешь?

— Никакъ нѣтъ—съ, В. В.б-діе!

(Величать началъ!)

— Такъ гдѣ же онъ съ семьей, слѣпой, возметъ, когда и мѣстъ для ловли по близости нѣтъ, а прошлогоднія его всѣ ты занялъ?

— Я ему уступлю половину.

Въ это время остякъ, слѣдившій за всѣмъ, какъ крикнетъ: «невѣрь, бачка, невѣрь! не вретъ, такъ пусть дастъ честна рука!»

— Изволь, другъ! отвѣтилъ крестьянинъ.

Остякъ какъ бы помолодѣлъ, повыпрямился, бросился опрометью въ двери—съ крикомъ: «спасибо бачка,» и чрезъ нѣсколько минутъ легкая вѣтка далеко мчала на ту сторону стараго остяка.

Жена для остяка должна быть прежде всего хорошей работницей, а потомъ вѣрной женой. Вслучаѣ невѣрности, онъ съ ней неговорливъ, бьетъ и ругаетъ. Впрочемъ невѣрность рѣдко случается, конечно не по христіанской сознательности долга, а просто хотъ по лѣности и не поворотливости остяка.

Бракъ остяка чистая покупка жены. Желаящій жениться на извѣстной дѣвушкѣ, идетъ къ отцу своей возлюбленной и прямо говоритъ ему: «я хочу жениться на твоей дочери». Затѣмъ начинается торгъ—сколько женихъ дастъ колыма; обыкновенно же отъ 10 до 15 руб. сер. и болѣе, или на столько же мѣховъ. Но этимъ некончается дѣло: довольный отецъ велитъ обратиться къ дочери. Тогда на невѣсту накидываютъ покрывало, и двѣ остячки садятся около нея. Приносятъ женихъ съ другими остяками (вѣроятно боярами) котель съ разными нарядами и проч., и уходитъ; невѣста откидывается и пересматриваетъ даръ, при чемъ, если находитъ недостаточнымъ, выбрасываетъ и садится по прежнему подъ покрывало, поддерживаемое съ боковъ двумя остячками (вѣроятно свахами). Женихъ со свитой входитъ, видитъ, что все разбросано, собираетъ, уноситъ въ свой чумъ, дополняетъ, перемѣняетъ и снова приноситъ. Въ видѣнныхъ мною двухъ случаяхъ невѣста оставалась недовольна и во второй разъ, и также выбрасывала. И все это молча: ни кто словечка не проронитъ. Женихъ снова собираетъ и уноситъ къ себѣ для допол-

ненія. Наконецъ, въ третій разъ, невѣста откидывала покрывало, пересматривала вещи, оставалась довольна, укладывала все въ порядкѣ обратно въ котель и садилась по прежнему. Женихъ входитъ, видитъ, что дѣло на ладу, и, радостный, остается въ томъ же чумѣ. Остячки снимаютъ съ невѣсты покрывало и тутъ же женихъ съ невѣстой цѣлуются; женихъ беретъ ее за руку и отправляется въ церковь.

Возвратясь изъ церкви въ свой чумъ, или въ чумъ своего отца, женихъ дѣлаетъ пиръ, для чего созываетъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ и начинается угощеніе и главное конечно виномъ, если найдется. У г. Степанова (*) сказано, что бракъ, благословенный въ церкви, довершается при пылающемъ кострѣ, возліяніемъ Бахусу, пѣснями и плясками. Но здѣсь г. Степановъ не справедливъ, потому что никакихъ возліяній Бахусу нѣтъ; пѣсень тоже ни одной и ни какой нѣтъ, а кричитъ каждый все, что ему вздумается. Остячки вообще поютъ одну пѣсню: херьъ, херьъ, херьъ, и все это однообразно выдыхательнымъ звукомъ горла, для котораго затылокъ долженъ пригибаться назадъ, а губы вытягиваться впередъ. Нельзя мѣшать только съ этимъ херьъ—употребляемаго у другихъ инородцевъ, все таки двузвуковаго, ехоръ, или екоръ. Единственная пляска, если только можно назвать ее пляской, есть просто переминанье съ ноги на ногу, взявши другъ друга за руки. Между тѣмъ какъ у того же г. Степанова вовсе неупомянуто объ употребляющейся у остяковъ игрѣ *таморомъ*. Таморомъ называется шишка на концѣ стрѣлы, чтобъ убивать, неразрывая звѣриныхъ (напр. бѣличьихъ) шкурокъ. Игра состоитъ въ изученіи искусства стрѣльбы: для этого ставятъ они жердочку и отмѣриваютъ отъ 15 до 20 луковъ (**) пространства, гдѣ ставятъ вторую жердочку; раздѣляются на двѣ партіи и у каждой съ своей стороны отмѣрено тоже пространство. По жребію или уговору котораянибудь сторона начинаетъ таморомъ стрѣлять въ среднюю жердочку, и если сразу попадаетъ, то всѣ

(*) См. ч. II стр. 65.

(**) Лукъ будетъ почти въ сажень.

партія за нимъ подвигается на лукъ, за тѣмъ второй выстрѣлъ и т. д., пока промахнется; послѣ чего начинаетъ уже стрѣлять вторая партія, также подвигаясь за каждой удачей на лукъ. Дѣло тутъ въ томъ, кто скорѣе подвинется къ мѣстѣ.

Такъ проводится время послѣ брачныхъ порядковъ. Впрочемъ бракъ не всегда освѣщается церковью въ свое время: иногда христіанскій обрядъ совершается и гораздо позже; тогда за грѣхъ не считается употреблять въ дѣло и шамановъ. Говорили мнѣ въ Енисейскѣ, что нѣтъ ничего безчеловѣчнѣе обращенія остяковъ съ больными, что они бросаютъ захворавшаго безъ пищи и сами уходятъ. Я нашелъ здѣсь совершенно противное: не только больныхъ никогда непокидаютъ, но даже по нѣсколькимъ семействамъ, сколько ихъ бываетъ вмѣстѣ, сидятъ надъ нимъ и не ходятъ на промыселъ. Такъ что на вопросъ крестьянъ о томъ, почему бѣдны и безъ звѣря пришли съ ловли? отвѣчаютъ: «вотъ тотъ мужикъ болѣлъ, ну, все и сидѣлъ подлѣ». Зачѣмъ же вы такъ дѣлали?—Да какъ же: ушолъ всѣ, больной хуже, бѣдной, и пришолъ всѣ и больной лучше. Такъ покрайней мѣрѣ у остяковъ нижнеинбацкихъ. Случилось напр. по веснѣ видѣть: плыветъ остякъ въ вѣткѣ, а за ней волочится другая вѣтка. Что это у тебя?—Мертвой былъ зимусь, вотъ и везу его землю копать, отвѣчаетъ остякъ. Это похвальное качество, навѣрно, результатъ вліянія христіанства; но оно какъ будто сжилось съ понятіями ихъ, потому что на мои шутливыя замѣчанія, что надобно бросать, они смотрѣли съ удивленіемъ. Развѣ только страхъ отъ прилипчивой болѣзни заставляеть ихъ поступать иначе. Для умершаго обыкновенною смертію вырываютъ могилу; тѣло покойника обвертываютъ въ бересту и зарываютъ въ землю вмѣстѣ съ тою одеждою, въ которой онъ умеръ, и съ тѣми вещами, которыя ему принадлежали: лукомъ, стрѣлами, ножомъ и т. п.; иногда убиваютъ на мѣстѣ и погребаютъ собакъ тутъ же. Словомъ оставляютъ все нужное на случай оживанья умершаго, хотя никто еще не оживалъ. Боже! какъ высока идея о безсмертіи души: она не покидаетъ человѣка ни въ жгучихъ пескахъ юга, ни во льдахъ угрюмаго сѣвера! нѣтъ, кажется, ни

одного народа, у котораго бы не проявилась эта идея, какъ бы это ни казалось безсознательно, какъбы ни была темна и смѣшна самая форма. Такъ или иначе, а идея эта непокидаетъ человѣка: летитъ ли съ дымомъ душа къ небу, витаетъ ли послѣ смерти по вѣтвямъ кущи и проч.—идея все одна. Профессоръ Берви говоритъ, что при кругосвѣтномъ путешествіи, онъ не встрѣтилъ ни одного народа, у котораго бы небыло какого нибудь задатка этой великой идеи.

О наследствѣ у остяковъ могъ отчетливо добиться я только того, что все идетъ младшему, какъ слабѣйшему, тѣмъ болѣе, что старшій, если въ силахъ, долженъ жениться и жить своимъ чумомъ. Если же дѣти оба не велики и изъ чума не выдѣлены, то дѣлятся по поламъ, и въ такомъ случаѣ и руководить всею старуха, т. е. мать. Когда наследство переходитъ младшему, то онъ долженъ и мать кормить всю жизнь, не выгоняя ея отнюдь, покрайней мѣрѣ тому мнѣ не сообщали примѣровъ. Послѣ бездѣтного покойника, наступаетъ старшій братъ, или ближайшій родственникъ; а родство считается въ первомъ колѣнѣ. Послѣ безроднаго остяка, имущество достается тому, кто его воспитывалъ, (*) или проживалъ съ нимъ долге вмѣстѣ, или кормилъ (**) его въ послѣднее время, или былъ при болѣзни и при смерти.

При похоронахъ остяковъ дозволяется плакать только женщинамъ, а мужчины обыкновенно останавливаются ихъ словами: «полно плакать, не реви, Богъ такъ дѣлаетъ.» (***)

Отпѣванье покойниковъ по христіанскому обряду происходитъ уже тогда, какъ остяки выходятъ на сугланныя мѣста, для уплаты ясака, или къ деревнямъ въ проѣздъ священника.

Енисейскихъ остяковъ считается не болѣе 900 д. обоюго пола.

(*) Потому что сироты полныя раздѣляются по чумамъ родныхъ или знакомыхъ.

(**) Безпомощный сирота напр., старецъ, или собираетъ милостиню, и каждый по мѣрѣ силъ удѣляетъ ему бѣлки, или прямо принимается въ какой нибудь чумъ, гдѣ хоть караулить остается.

(***) Ужъ именно что такъ: лекарствъ они не имѣютъ и никогда ничего не употребляютъ.

Б, О ТУНГУСАХЪ.

Опуская вовсе историческія свѣдѣнія, составленныя по однимъ источникамъ съ кн. Костровымъ, равно и наименованія естественныхъ предметовъ, какъ-то: звѣрей, рыбъ и птицъ, перехожу прямо къ замѣткамъ.

1) На 79 стран. (*) сказано: «*Енисейскіе тунгусы называютъ себя всегда (?) Эвенъ-ки*». По Туруханскому краю сколько ни спрашивалъ я, отъ простолюдиновъ до людей учившихся, напр., священниковъ, уже не однократно живавшихъ съ ними, — это названіе не употребляется, а тунгусы просто называютъ себя «тунгусъ», съ прибавкой своего родоваго имени. Языкъ же тунгусовъ не многосложенъ, потому уже, что для отвлеченныхъ понятій въ немъ нѣтъ словъ.

2) О родахъ тунгусовъ, на стр. 86, съ увѣренностью и совершенно справедливо, опровергнуто мнѣніе г. Небольсина о номинальномъ будто бы только существованіи Долганскаго рода тунгусовъ; но я могу прибавить еще, что этотъ родъ есть, и до такой степени отличенъ отъ прочихъ тунгусовъ, что въ Туруханскомъ краѣ ни кто и не смѣшиваетъ его съ прочими тунгусами, а считаютъ этотъ родъ даже за особое племя.

За тѣмъ, на той же страницѣ сказано, будто бы «*Илимнейскій родъ бродитъ по Нижней Тунгускѣ, идѣ выходитъ и на суланы*». Это не справедливо: онъ бродитъ у Есейскаго озера, ссорится съ якутами, переселившимися изъ Якутской области, и старшины его вывозятъ ясакъ въ Туруханскъ, какъ и отъ рода Есейскаго. Прибавлю, что озеро Есейское вовсе не близко къ рѣкѣ Дудиной, и что численность этихъ родовъ опредѣлительно

(*) Эти страницы взяты изъ статьи кн. Кострова, помѣщен. въ Запис. Сиб. отд. кн. IV.

неизвѣстна; а такъ какъ они сами не выходятъ, а выѣзжаютъ только ихъ князцы съ ясакомъ, то численность и основана на ихъ показаніяхъ и на прежней ревизіи. Впрочемъ, если и допустить, что князцы уменьшаютъ численность, то надобно сказать, что тунгусы вообще ясакъ платятъ исправно, приговаривая: «царю — батюшкѣ надо; только вѣрно ль доставляютъ ему нашихъ хорошихъ соболей?» между тѣмъ какъ они же не охотно вносятъ недоимку за хлѣбъ, полагая это уже дѣломъ начальства. Здѣсь же прибавлю, что обитатели мѣсть при Есейскомъ озерѣ богаче другихъ родовъ.

3) На стр. 88 сказано: «*нѣкоторые и теперь вышиваютъ лица*». Но въ Туруханскомъ краѣ этого не видывали теперь, не только у выходящихъ на сугланы, но и у не выходящихъ, какъ говорилъ мнѣ не однократно странствовавшій походный священникъ, достопочтенный отецъ Илья Новоспасскій.

4) Объ одеждѣ, на стр. 90, сказано: «*Обувь зимой — общеизвѣстные лунты, а лѣтомъ русскіе чарки, нагрудникъ изъ кожи, шерстью вверхъ, вышитый бисеромъ*». На это имѣю сказать слѣдующее: Во первыхъ, не изъ выдѣланной оленьей кожи (какъ сказано у автора), называемой ровдуга, дѣлается наружная нижняя обувь, а непременно изъ оленьихъ камысовъ, т. е. кожи, снятой съ ногъ оленя, съ сохраненіемъ шерсти, обращенной наружу; они достигаютъ высоко за колѣна и называются *сотуры*. Во вторыхъ, по прибытіи въ деревню, ихъ снимаютъ и надѣваютъ, изъ камысовъ же сдѣланныя, менѣе и легче сотуровъ, *бокари*. Въ третьихъ, лѣтомъ русскихъ чарковъ, напротивъ, не любятъ: они не по натурѣ тунгуса легкой, верткой быстрой, но слабосильной и безъ выдержки къ тягостямъ; а надѣваютъ обыкновенные лунты, изъ выдѣланной дымленной кожи, хорошо и легко обтягивающіе ногу. Въ четвертыхъ, нагрудникъ дѣлается шерстью не вверхъ, а внизъ или и вовсе безъ шерсти. Это очевидно или ошибка, или опечатка. Здѣсь же прибавлю, что тунгусы носятъ еще, сверхъ нагрудника, *неревязь*; а у женщинъ виситъ еще на ремнѣ скобообразное желѣзко, *вершка* въ

три; назначеніе этого желѣзка состоитъ въ томъ, что бы удерживать вещи, надѣтыя на ремень, а именно: наперстокъ безъ дна и цилиндрическую, въ палецъ толщины и вершка въ три длины, трубочку, со вставленнымъ въ нее искусно ремешкомъ, на которомъ укрѣплены иглы, нитки и жилы для шитья, приготовляемая вывѣтриваньемъ и разминаньемъ изъ такъ называемаго оленьяго льна; между тѣмъ какъ изъ ножныхъ жилъ готовятъ веревки и этихъ послѣднихъ, очевидно, женщина не можетъ носить въ трубочкѣ. Въ лѣтнее время, дѣвицы ходятъ съ открытыми головами, молодухи съ русскими платками на головѣ, полученными въ калымѣ, а другія женщины съ вѣнками изъ бѣличьихъ хвостиковъ, нанизанныхъ одинъ къ другому, такъ что они составляютъ кругъ, а круги эти прикладываются одинъ къ другому слоями, и составляютъ вѣнокъ.

5) На стр. 91 сказано: *«Чумъ обтягивается берестой или выдѣланными кожами сохатаго»*. Замѣчу, во первыхъ, что бересту тунгусы для того не употребляютъ никогда, и это составляетъ исключительную принадлежность остяковъ, о чемъ, вмѣстѣ съ описаніемъ способа приготовленія для того бересты, сказано мною въ ст. объ остякахъ; во вторыхъ, обтягивается чумъ лѣтомъ «ровдугой», т. е. выдѣланной оленьей кожей, а зимой—безъ выдѣлокъ, съ шерстью; въ третьихъ, относительно Туруханскаго края, прибавлю, что у тунгусовъ и сохатыхъ вовсе нѣтъ.

6) На той же стр. сказано: *«Затащить жить въ русскую избу нѣтъ ни какой возможности ... Новорожденнаго моютъ въ снѣгу... Смѣтливые крестьяне на перерывѣ напрашиваются въ крестные отцы»*. Замѣчу, во первыхъ, что туруханскій тунгусъ не только не отказывается, но даже любить изрѣдка пожить и поѣздить въ русской избѣ; только сами устраиваться также не желаютъ. Во вторыхъ, постоянно говорятъ священникамъ при крещеніи: «за чѣмъ, батюшка, малой въ холодную воду—худо ему будетъ», тогда какъ, казалось бы, по обычаямъ, нечего болѣе простуды. Въ третьихъ, тунгусы такъ исплутывались, что не только крестные отцы отъ нихъ многимъ не поживятся, но

они сами, на противъ, требуютъ назойливо отъ крестнаго отца и того и другаго, т. е., и подарковъ, и угощеній всякихъ, особенно вина, и, наконецъ, квартиры и прокорму даромъ.

7) На 92 стр. сказано: «*Даютъ дѣтямъ имена какихъ вздумается предметовъ, прежде имени христіанскаго*». Прибавлю къ этому, во первыхъ, что первыя имена назначаются или родителями, или шаманомъ и соотвѣтствуютъ времени года, или вообще какимъ нибудь обстоятельствамъ, современнымъ рожденію. Напр., одна женщина названа *Подпаль*, потому что родилась въ то время, когда бѣлка носила тоже названіе (*); во вторыхъ, когда человекъ приходитъ въ возрастъ, онъ получаетъ другое названіе, по своимъ свойствамъ, достоинствамъ или недостаткамъ, а потому, при спросѣ имени, рѣдкій отвѣчаетъ за себя, и ждетъ наименованія отъ сотоварища, — самъ же только улыбается; въ третьихъ, имѣя такимъ образомъ часто по два имени, кромѣ христіанскаго, и называясь то тѣмъ, то другимъ, они производятъ путаницу, такъ что при крещеніи одинъ и тотъ же записанъ подъ однимъ именемъ, а въ ревизскихъ сказкахъ подъ другимъ; въ четвертыхъ, тунгусы очень любятъ наши величанья по отцѣ тунгусы и огорчаются, если ихъ не употребляютъ.

8) На той же страницѣ сказано: «*Люльки дѣлаютъ сами, шивая ихъ изъ кожи сохатаго и украшая бисеромъ... Въ перекочевкахъ, люльки обыкновенно висятъ у матерей за плечами*» Ни то, ни другое не такъ. А для подтвержденія моихъ замѣтокъ, приведу живой рассказъ очевидца въ Богучанахъ.

«Пріѣхалъ я, въ декабрѣ мѣсяцѣ, по должности, на сугланъ, т. е. сборное мѣсто для мѣны; между множествомъ раскинутыхъ чумовъ, случилось въ первый разъ увидѣть въ снѣгу яму, окруженную жердочками, на 4 колахъ, и разведенный въ ней огонь;

(*) Различіе бѣлокъ по сортамъ объяснено въ особой ст. моей о звѣроловствѣ.

это называется «гушимъ», и служитъ мѣстомъ сбора на совѣщанье; сюда утромъ сходятся сами олени—будто сказать, что кончили пищу, и тогда тунгусы спѣшатъ рубить для нихъ ельникъ и пихтовникъ съ мохомъ; около каждого чума ставать, съ наружи, турсуки съ имуществомъ и никто не смѣетъ прикоснуться къ нимъ изъ опасенія, чтобъ не хватились за палку съ словами: «а, ты воръ, мой амбаръ тронулъ!» Изволите видѣть, вещи, снаружи чума поставленныя, называютъ амбаромъ. Однажды, раннимъ утромъ, видѣлъ я у гулима два существа скорченныхъ, съдыхъ, съ стоящими на головѣ клочками, съ морщинами чуть ли не въ палецъ. Я ужъ думалъ не черти ли это? Странно, право: ничего не слышатъ, а звѣря продаютъ! какъ же это? Оказалось, что есть у тунгусовъ достойный обычай давать по два звѣря каждаго сорта старцамъ, которые уже не въ силахъ промыслять, тогда какъ по одному откладывается для шамана. Вошелъ я въ чумъ; вижу, тунгуска шьетъ и поталкиваетъ рукой какую-то штуку, покачивающуюся отъ того изъ стороны въ сторону передъ огнемъ; эта вещь меня заняла, потому что показалось въ ней будто лицо младенца. И дѣйствительно-то была зыбка. Она дѣлается такъ: сколачиваются доски деревянныя, на подобіе гробика, сверху, съ трехъ сторонъ, придѣлывается ровдуга, обведенная спереди обручемъ и обдѣланная бисеромъ и другими украшеніями; самый же ящикъ снаружи обить оленьей кожей, шерстью вверхъ, и очевидно не можетъ украшаться бисерной вышивкой; вмѣсто крышки придѣлано съ двухъ сторонъ по лоскуту ровдуги, стягивающихся между собою ремнями; подъ головкой ребенка, съ цѣлю защиты отъ простуды, лежитъ кусокъ зайчины; чистота въ зыбкѣ соблюдается съ помощью высыпаемыхъ мелкихъ гнилушекъ таловыхъ, отличающихся мягкостію и хорошо впитывающихъ всякую сырость; у суженнаго бока зыбки, т. е., гдѣ ноги ребенка, придѣлывается колъ, вставляемый въ землю и вверху за обручикъ привязываемый въ жерди, на которой и качается зыбка свободно изъ стороны въ сторону, при чемъ ребенокъ остается головкой въ ту сторону, гдѣ разведенъ огонь. Видно они не знаютъ правила великаго Гиппократата—держатъ голову въ холодѣ,

желудокъ въ голодѣ, а ноги въ теплѣ! Въ другой день обратила мое вниманіе бѣготня изъ чума въ чумъ. Оказалось, что въ одной семьѣ очень больна двухъ-лѣтняя дочь и что потому торопятся наготовить одежду и проч., словомъ все, что должно бы идти взрослой дѣвицѣ. Одежду нашили всю изъ новаго, но перерѣзали въ разныхъ направленіяхъ; приготовили ей огниво съ принадлежностями, но отожгли его; отсчитали изъ стада на ея долю оленей, но одного зарѣзали, а другихъ подводили къ больной, протыкали имъ ноздри, и утыкая окровавленной мордой въ ребенка, пачкали его кровью. Всему этому я не мало удивлялся, но это плодъ великой идеи о безсмертіи души и загробной жизни. Видите ли какая хлопотливость: умершей нельзя жаловаться, что ее обидѣли, что не дали одежды, (которая бы прикрыла отъ холода), лыжъ, лука и стрѣлъ (добывать птицу), оленей (обзавестись домикомъ); а между тѣмъ страхъ смерти, особенно при заразительныхъ болѣзняхъ, беретъ свое, и потому, неминуемо, всюду является хитрость: одежда изрѣзана и плохо защититъ отъ холода; на лыжахъ, хоть и новыхъ, но испорченныхъ, умершая ихъ уже не догонитъ, лукъ испорченный, съ перерѣзанной тетивой, ни кого не подстрѣлитъ; олени уступлены ей, но какъ? одинъ зарѣзанъ, что бѣ мясо употребить на поминки и шкуру повѣсить на дерево надъ гробомъ, а другіе остались живы и только кровью ихъ попачкана умершая. Такимъ образомъ во всемъ тутъ двѣ цѣли: съ одной стороны, старанье надѣлать всѣмъ, что бѣ умершая за гробомъ на нихъ не жаловалась, съ другой же—страхъ, и за тѣмъ хлопоты, что бѣ она не догнала. Последняго такъ боятся, что снимаютъ чумъ и переносятъ на другое мѣсто немедленно по смерти. Идея о безсмертіи души доказывается и тѣмъ, что однажды, когда шаманъ сказалъ тунгусамъ, что русскіе собираютъ висящія у гробовъ шкуры, они пришли ко мнѣ жаловаться, съ приложеніемъ соболя въ подарокъ. Соболя взять мнѣ было совѣстно, тѣмъ болѣе, что хоть я обѣщаль запретить русскимъ эту покражу, но только для успокоенья, а на дѣлѣ услѣдить за такими пустяками по дремучимъ лѣсамъ конечно было не возможно. Сила привычки такъ велика, что

за отказъ принять соболя, на меня же обидѣлись и неотступно просили взять, приговаривая: «не брезгай, бачка, не брезгай». Да и крестьянинъ считаетъ эту вражду, кажется, не иначе, какъ за находку, и потому онъ дѣлаетъ это по его убѣжденію не противу совѣсти. Дѣло въ томъ, что у нихъ могилы не въ употребленіи и вещи, слѣдовательно, не спрятаны, а дѣлается лабазъ, т. е. пріискиваются два дерева, вблизи одно отъ другаго, потомъ срубаютъ колоду, длиною нѣсколько болѣе разстоянія между деревьями, выдабливаютъ въ ней мѣсто для покойника, а въ концахъ провертываются дыры, которыми и надѣваютъ колоду съ покойникомъ на срубленные верхушки деревьевъ и обвѣшиваютъ подготовленными принадлежностями. Да и сучья у деревьевъ часто обрубаютъ, чтобъ спуститься не могъ. Хотя домашняя жизнь, со всѣмъ имуществомъ, ввѣряется женщинѣ, но, при перекочевкахъ, малютки поручаются чуть-ли не болѣе оленямъ: олень везетъ его на спинѣ (а не женщина за спиной), на перевѣсѣ съ *патакуллами*, т. е. сумами, сдѣланными изъ оленьихъ камысовъ, сшитыхъ вмѣстѣ такъ, что внизу уже, а вверху шире и верхняя половина дѣлается изъ ровдуги, вышитой посредствомъ китайки и обшитой фигурно оленьей кожей. Замѣчательно, что олень исправляетъ въ дорогѣ очень удовлетворительно и заботливо должность няньки: возможно изгибаясь, онъ бережется задѣть о дерево тѣмъ бокомъ, на которомъ виситъ ребенокъ и если ребенокъ заплачетъ въ то время, когда олень привязанъ къ дереву, онъ начинаетъ копытить той ногой, на которой сторонѣ виситъ ребенокъ, чрезъ что покачиваетъ его и успокоиваетъ, а если привязаны еще у того же бока, на ремнѣ вздѣтыя въ видѣ кисти, косточки, то онъ, при сотрясеніи, побрякиваютъ и развлекаютъ ребенка».

Такъ вотъ что говорятъ очевидцы.

9) На той же стр. описана свадьба. Считаю нужнымъ къ тому прибавить еще слѣдующее. Бываетъ и такъ, что отцы берутъ женъ сыновьямъ, безъ всякихъ со стороны послѣднихъ объясненій. Почтенный отецъ Илья встрѣчалъ на Есейскомъ озерѣ 13 лѣтнихъ тунгусовъ, женатыхъ уже 3 года. У тѣхъ же родовъ,

кои болѣе богаты оленями, даютъ въ калымъ не по 10, а по 40 и болѣе головъ, а платежъ деньгами менѣе употребителенъ. Изъ блюдъ свадебныхъ болѣе деликатное угощеніе составляетъ каша съ медвѣжьимъ саломъ. Кромѣ того употребительны слѣдующія: а) *порса*, приготовленная изъ сала съ мясомъ, перетолченныхъ и высушенныхъ, — это вкусно; б) *уликта*, — сушеное мясо, вовсе безъ соли, — это не вкусно; в) лакомятся также тѣмъ, что порсу мѣшаютъ съ ягодами и ѣдятъ прикусывая оленьимъ саломъ (*).

10) На 94 стр. сказано: «Имѣть болѣе одной жены теперь почти вывелось»... «Существуетъ ли обычай уступать женъ на время промысла, (какъ пишетъ г. Степановъ), не извѣстно. На все это скажу слѣдующее: у туруханскихъ тунгусовъ очень часто имѣется по двѣ постоянныхъ жены; такъ что старый тунгусъ женится вторично на молодой, а старая смотритъ за хозяйствомъ, не по той ли теоріи, чтобъ поддерживать жизнь мужчины свѣжими соками молодой жены. Жена не можетъ бѣть иначе, какъ ужь остатки, и только въ гостяхъ уравнивается въ этомъ отношеніи съ мужемъ. Фактъ уступки на время женъ для другихъ сомнителенъ: этотъ народъ решивъ и дѣвушка съ худой молвой, всегда обѣгается. Они про такую обыкновенно говорятъ: «пусть ее русскій возметъ—миѣ не надо». Развѣ только о тунгусахъ южныхъ, обитающихъ около золотыхъ промысловъ, можно предположить, что за *рака*, т. е. дорогую и соблазнительную водочку, онъ готовъ все уступить. Малолѣтнимъ же дѣтямъ не только не запрещаютъ пить вино, а, напротивъ, для нихъ просятъ, приговаривая: «какъ маленькимъ добро тако не дать—надо, надо!»

11) На стр. 96 сказано: «Туруханскіе тунгусы сожигаютъ мертвеца... А на стр. 95, что они рѣдко доживаютъ до 60—70 лѣтъ». На это замѣчу: въ дальнихъ мѣстахъ, особенно у

(*) Последняя пища чрезвычайно походитъ на приготовленіе въ Сѣв. Америки такъ называемаго «пимекена», состоящаго изъ толченнаго буйволага мяса съ примѣсью черники и другихъ ягодъ. Прим. Р-а.

Бессейскаго озера, отецъ Илья видѣлъ много 80 лѣтнихъ старцевъ—тунгусовъ и даже еще старѣе, и что здѣсь вовсе не слышно о сожиганіи, развѣ прежде это бывало, да и больныхъ никогда не бросаютъ на произволъ, а если и случается, то развѣ только при болѣзняхъ заразительныхъ.

12) На стр. 100 сказано: *Названы тунгусы честными и неутомимо дѣлательными*. Въ какомъ размѣрѣ понимается здѣсь честность? Известно, что тунгусы шутовать не откажутся, а о долгахъ, если прошолъ годъ и болѣе, толкуютъ какъ о кидомѣ долгѣ, который стыдно и спрашивать. Известно также, что они и лѣнны, и это обстоятельство есть одна изъ причинъ худаго лова звѣря: изъ 60 человѣкъ, развѣ только 10 промышляютъ, а остальные пользуются отъ нихъ уже, потому лѣнтан обыкновенно выжидаютъ—скоро ли пойдутъ извѣстные звѣроловы на промыселъ; они идутъ за ними слѣдомъ и подбираютъ каждую ихъ добычу, а не уступить нельзя по укорененному убѣжденію, что это Богъ даетъ на его счастье. Этотъ обычай можетъ уморить съ голоду и лучшаго звѣролова, если подбиратели не подѣлятся съ нимъ и той добычей, которая идетъ въ пищу. Эта же лѣнность заставляетъ ихъ иногда по долгу жить на одномъ мѣстѣ, и тогда, вмѣсто обыкновеннаго чума, устраивается у нихъ уже деревянная балага. Для этого разгребаютъ землю и дѣлаютъ въ родѣ чума, человѣкъ на 20, изъ половинъ деревьевъ, прикладывая ихъ одну къ другой, потомъ снаружи кладутъ мохъ и снѣгъ, чтобъ не продувало. Внутри балаги, передъ дверью, стоитъ сошка, на которой виситъ палка для вѣшанья котловъ.

13) На той же стр. сказано: *«О мѣсяцахъ, недѣляхъ и дняхъ недѣльныхъ не имѣютъ ни какого понятія»*. Правда, что и сѣверные тунгусы не имѣютъ названія недѣль и дней, но интересно то, что есть у нихъ 13 мѣсяцевъ, по кругообращеніямъ луны, съ названіями по временамъ года и замѣчательнымъ для нихъ явленіямъ, напр., по явленію оленей, по таянью льда и проч.

Вотъ роспись тунгусскихъ мѣсяцовъ.

Число мѣсяцевъ луны.	Тунгуское названіе мѣсяцевъ.	Значеніе названій мѣсяцевъ по тунгускому понятію.	Равенство лунному теченію русскихъ мѣсяцевъ.
1.	Мочунъ.	То время, когда трава только что пробьется.	Маю и Іюню.
2.	Чарулинъ	Когда изъ деревьевъ сокъ добываютъ люди.	Іюню и Іюлю.
3.	Канякичъ.	То время, когда сарану копаютъ себѣ въ пищу.	Іюлю и Августу.
4.	Иркинъ	Въ это время олень бываетъ жирный; комаровъ мало будетъ.	Августу и Сентябрю.
5.	Сирюдянь (*)	Вода начинаетъ холодѣть, а въ концѣ мѣсяца станетъ мерзнуть.	Сентябрю и Октябрю..
6.	Уунъ.	У оленя дѣти бываютъ.	Октябрю и Ноябрью.
7.	Хукдарпé.	День самый короткій, темная ночь въ Туруханскомъ краѣ.	Ноябрю и Декабрю.
8.	Атки.	День станетъ прибавляться.	Декабрю и Январю.
9.	Мира.	То время, когда у оленя небольшая въ брюхѣ головка (плодъ).	Январю и Февралю.
10.	Гиряунъ.	Люди дикаго оленя гонять будутъ; человекъ свободно бѣжитъ по насту, а олень проваливается.	Февралю и Марту.
11.	Октанкѳръ.	Снѣгъ протаеваетъ.	Марту и Апрелью.
12.	Туранъ.	Когда (въ Туруханскій край) вороны начинаютъ прилетать.	Апрелью.
13.	Шонканъ.	Ледъ ломается и очищаются рѣки.	Маю.

(*) Тунгусы раздѣляютъ годъ на два времени: *дюгани* и *аньяли*. Первое состоитъ изъ шести мѣсяцевъ: мочунъ, чарулинъ, канякичъ, сирюдянь и шонканъ, а второе изъ остальныхъ семи.

Роспись эта составлена походнымъ священникомъ отцемъ Ильей Новоспаскимъ, со словъ тунгусовъ. По этимъ мѣсяцамъ онъ передалъ имъ о времени главныхъ изъ христіанскихъ праздниковъ.

Тунгусы считаютъ лѣто и зиму за два года, а если нужно имъ высчитать вѣрнѣе дни въ мѣсяцѣ, то они дѣлаютъ рубежки на палкѣ. Названій дней у нихъ нѣтъ.

14) На 101 стр. сказано: «Смѣло плыветъ на маленькой лодкѣ, на которой другой не сдѣлалъ бы и пяти сажень... Рыбу на значительной глубинѣ бьетъ на вѣрное стрѣлою». Къ этому считаю нужнымъ прибавить нѣсколько словъ о самой лодочкѣ, совершенно отличной отъ остяцкой, употребляемой и русскими—вѣткѣ, а именно: она дѣлается изъ бересты, длиною аршина въ два, шириною въ три четверти, съ дномъ плоскимъ, покрытымъ подлинѣ тончайшими, деревянными пластинками, на тотъ случай, что береста въ ширину можетъ расколоться; съ боками изъ бересты, придѣланными къ дну подъ прямымъ угломъ, вышиною вершка на четыре, съ концами тупоугольными и съ веслами узкими и тонкими. Тунгусъ въ ней можетъ плыть весьма быстро и черезъ рѣку. Не видно—съ какой цѣлью стрѣляютъ рыбу? Если авторъ хотѣлъ показать искусство стрѣльбы, то яснѣе было бы сказать, что тунгусъ ловко бьетъ рыбу даже на самой глубинѣ; если же въ смыслѣ особаго рода ловли рыбы, (какъ и выходить по расположенію словъ), то о немъ не слышно.

15) На стр. 103 сказано: «Олень зимой самъ добудетъ себѣ пищу, откопавъ изъ подъ снѣга... Оленей въ нарты не запрягаютъ... Ёдятъ всякаго звѣря». Замѣчу, что это описаніе вѣрное для болѣе южныхъ мѣстъ, не такъ приложимо на сѣверѣ, гдѣ въ глубокихъ снѣгахъ оленю трудно докопаться до кормовъ, а потому тунгусы срубаютъ для нихъ сами вѣтки деревьевъ съ мхомъ. Здѣсь стали уже по нуждѣ приучать оленей и къ запряжкѣ въ нарты. Тунгусы разборчивѣе въ пищу остяковъ, и нѣкоторые роды ихъ не ѣдятъ даже бѣлку.

16) Князь Костровъ въ ст. своей упоминаетъ «о звѣролов-

ствѣ и рыболовствѣ» какъ единственныхъ промыслахъ и занятіяхъ тунгусовъ. Но не мѣшаетъ употребить слово *частію*, говоря о рыболовствѣ, чтобъ отличить ихъ отъ остяковъ, для которыхъ, напротивъ, основное занятіе составляетъ рыболовство. Но не всюду же тунгусы таковы: вблизи енисейскихъ промысловъ, они уже рѣдко приносятъ свѣжую рыбу, птицу, соболей и оленей, а большею частію промѣняли эти занятія на другія, болѣе выгодныя и сподручныя для ихъ жизни. Занятія ихъ въ настоящее время состоятъ въ отысканіи золотоносныхъ росышей, или въ указаніи содержащихъ золото мѣстъ; въ проложеніи прямой дороги съ промысловъ на какую нибудь резиденцію (*); въ перевозкѣ на промысла небольшихъ тяжестей на оленяхъ, по самому кратчайшему направленію, особенно въ случаѣ крайней нужды, при недостаткѣ лошадей, или при худыхъ дорогахъ; въ консьль сѣна и рубкѣ дровъ; тунгусы также служатъ какъ проводники въ указаніи заблудившимся поисковымъ партіямъ. Эти, по видимому прибыльныя, работы оказались вовсе не по плечу тунгусу, потому что, при легкости и проворствѣ, онъ не любитъ постоянной натужной работы. За всѣ свои труды, тунгусы большею частію удовлетворяются виномъ, а за тѣмъ мукой, солью, чаемъ, сахаромъ, табакомъ, сукнами, холстомъ и т. п. Здѣсь интересно бы заняться современнымъ и для гг. золотопромышленниковъ интереснымъ вопросомъ: свободны ли были, или принадлежани тунгусамъ земли, занимаемыя теперь золотыми промыслами, и какія мѣста принадлежатъ какимъ родамъ; далѣе: на какомъ основаніи владѣли тунгусы, (если владѣли), т. е. на основаніи ли жалованныхъ имъ грамотъ, по отводу земель, или вслѣдствіе просто захвата поземельной собственности? Я спрашиваю: можно ли считать право владѣнія потому только, что инородцы произвольно взяли землю, сколько имъ было угодно? Наконецъ интересно знать: въ какой степени золотопромышленность имѣла вліяніе на обѣднѣніе тунгусовъ,

(*) Заведеніе съ конторою, находящееся въ центрѣ между городомъ и промысломъ, какъ правленіе, завѣдывающее доставкой всѣхъ припасовъ и снарядовъ, расчетомъ людей и проч.

оттѣсненныхъ отъ своихъ родныхъ мѣстъ и должны ли искатели золота заплатить имъ (если не платили), а также обязаны ли вносить за нихъ накопившуюся, во время существованія на ихъ земляхъ промысловъ, недоимку? Вотъ вопросъ, который навѣрное и былъ уже возбужденъ между правительствомъ и золотопромышленниками; но обсужденіе объ этомъ предметѣ предоставляю администраторамъ.

17) На стр. 104 сказано: *Главный языскій богъ тунгусовъ названъ «Шеваки-Окмары»* и нарисованъ, какъ «*мужчина среднихъ лѣтъ*» и проч. Правда, я незнаю тунгускаго языка, но всетаки считаю долгомъ сказать, на случай, что тотъ же много уважаемый пастырь назвалъ мнѣ этого бога иначе: «Шеваки-Окжари», что въ переводѣ будетъ значить икона-небо, слѣдовательно, этимъ именемъ, по его мнѣнію, называется богопочитаніе видимой тверди, а обрисовки этого божества человѣкомъ онъ не слышалъ. Главнымъ же дѣвателемъ религіи тунгусовъ и предметомъ ихъ вѣрованій является шаманъ. Это ихъ пророкъ, ихъ жрецъ—прорицатель, ихъ докторъ. Вліяніе шамановъ, нѣкогда бывшее безусловно магическимъ, не только у тунгусовъ, но даже и между русскими туземными обитателями, теперь ослабѣваетъ. Нынѣ онъ по большей части призывается къ больнымъ и этимъ главнѣе всего поддерживаетъ свое вліяніе надъ тунгускими умами.

Призываемый къ больному, онъ долго не соглашается шаманствовать. Согласившись—является, нѣсколько дней не ѣстъ, не пьетъ, получаетъ болѣе и болѣе таинственно—мрачный видъ и ждетъ, пока не снидетъ на него вдохновеніе. Чувя приливъ въ себя особыхъ чародѣйственныхъ силъ, шаманъ съ вечера кладетъ себѣ въ голову отказъ (*) и ножъ. На основаніи видѣній, приснившихся ему, онъ приказываетъ изъ гнилья сдѣлать до аршина величиной тотъ или другой родъ *лекановъ* (божковъ), а въ углубленія на мѣстахъ глазъ, вставляетъ имъ синіе или желтые

(*) Замѣняющій русскую рогатину.

королюшки. Потомъ велитъ разгрести снѣгъ, загородить отъ вѣтру вѣтвями и разложить огонь; за тѣмъ, вокругъ огня кладетъ деревянныя изображенія рыбъ, а противъ больного вѣшаетъ деревянную же птицу. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказываетъ убить оленя или двухъ. Мясо отдаетъ на съѣденіе. Ухо животного, либо голову вѣшаетъ около больного; а кишки или бѣлку развѣшиваетъ на дерево, какъ жертву. Растягиваетъ около больного также и шкуру, снятую съ оленя. Снимаетъ камысы и если ноги болятъ, то дѣлаетъ какъ бы животную ванну, потому что обкладываетъ ими ноги больного. Кровью свѣжею обмазываетъ болящія части и кровь за тѣмъ слизываетъ. Той палкой, обтянутой желѣзнымъ листомъ, которою бьетъ въ бубенъ, шаманъ поколачиваетъ по больной ногѣ. Если же болятъ не оконечности, а другія части, то дѣлаетъ на болящемъ мѣстѣ кругъ, въ кругѣ крестъ кровью и кровь за тѣмъ слизываетъ. Кости ногъ животного обыкновенно разбиваетъ и мозгомъ мажетъ больныя части, а если есть у шамана пособники подпѣвальщики, то мозгъ съѣдаютъ уже они. Шаманятъ иногда и надъ только что пойманнымъ живымъ тайменемъ; потомъ рыбу съѣдаютъ, а на деревѣ вырѣзываетъ шаманъ подобіе этой рыбы.

Я не стану здѣсь описывать всѣхъ продѣлокъ шамана, его скачковъ, прыжковъ, метаній въ разныя стороны, дикихъ вскрикиваній, ударовъ въ бубны и проч. Всѣ эти неистовства шаманъ производитъ будучи одѣтъ въ особое платье, на которомъ нашито множество желѣзокъ, изображающихъ птицъ, звѣрей и другихъ самыхъ разнообразныхъ побрякушекъ; платье шамана такъ тяжело, что его слабосильный и не подниметъ. Въ заключеніе акта шаманства, шаманъ совершенно ослабѣваетъ, черты лица его страшно искажаются и онъ падаетъ безъ чувствъ, такъ что его стараются отшаманить, и для того бросаютъ въ огонь ладонь. Суевѣрные убѣждены, что лучшіе шаманы вылетаютъ изъ чума на воздухъ. На завтра, очнувшись, объявляетъ шаманъ, живъ будетъ или умретъ больной.

Приведу здѣсь рассказъ одного моего знакомаго казака,

бывшаго разъ до 10 при шаманствѣ. «Много пришло насъ въ темную юрту. Въ рукахъ у шамана была лопаточка, въ видѣ щетки, изъ оленьяго волоса. Вотъ онъ скачетъ, скачетъ, да и броситъ лопатку; кому броситъ, тотъ долженъ подать, хоть и изъ русскихъ, потому что дескать—это шаманъ. Ну, а кто его знаетъ, что за шаманъ и какъ его знать. Всѣ нехристи сидятъ мирно; а если есть тутъ же изъ старухъ, либо вообще изъ женщинъ, шаманки, то ужъ не утерпятъ, а начнутъ хотя бы на одномъ мѣстѣ, тоже скакать. Диковинки же они дѣлаютъ! Лѣтъ 20 назадъ, орда не перемерла еще, ясакъ не былъ собранъ, орды было много и купцы тутъ; былъ приставленъ казакъ блюсти, чтобъ не начинали торга; казаку, какъ водится, дали, ну и пошло дѣло, а черезъ нѣсколько времени смотримъ—тунгусъ лежитъ, оретъ и какъ медвѣдь землю деретъ, такъ сердечный пьянъ; смотримъ, пришли три шамана, прикрыли его своими парками, побормотали что то и черезъ часъ онъ пошелъ какъ ни въ чемъ небывало. Мы изъ дивъ вышли.—А вотъ еще разъ, при шаманствѣ, въ юртѣ я зачиталъ «да воскреснетъ Богъ,» шаманъ повернулся ко мнѣ, да и говоритъ; Аванасій! ступай—у тебя глазъ нехорошъ. Да много, много, всего неперескажешь».

В, С А М О Я Д Ъ.

На стр. 145 кн. Костровъ говоритъ: «Юраки самый сѣверный народъ самоедскаго племени».

Какъ здѣсь понимать слова: «народъ и племя»? Юраки имѣютъ очень много отличительнаго отъ самоеди и слѣдовательно—составляютъ ли часть ея, будто особый родъ, это еще вопросъ. Хотя юраки дѣйствительно бродятъ по очерченной кн. Костровымъ мѣстности, но нельзя ихъ называть самымъ сѣвернымъ народомъ, да еще и самоедскаго племени, потому что жильцы сѣвера, далѣе отъ Туруханска, распределены такъ: къ востоку отъ Енисея, по Нижней Тунгускѣ и нѣсколько къ сѣверу отъ нея—тунгусы, сѣвернѣе ихъ—долганы и якуты, наконецъ властители пустынныхъ зыбучихъ тундръ—енисейская самоедь, раздѣ-

ляющаяся на три орды: двѣ затундринскихъ, одну по Енисею; на западной сторонѣ, ближе къ Туруханску—остяки, за тѣмъ юраки, а къ самому морю выходитъ самаядъ березовская.

Я буду говорить здѣсь не объ юракахъ, а о настоящей енисейской самаяди, о чемъ нѣтъ въ ст. кн. Кострова.

У нихъ переносье возвышеннѣе и носъ длиннѣе, чѣмъ у тунгусовъ; цвѣтъ лица желтоватый; волосы различные: есть прямая, есть курчавые, то черные, то и русые, и у иныхъ длинные, у другихъ острижены не ровно, какъ бы оборваны; бороды и усовъ нѣтъ. Самоядская одежда теплая и чистая, по большей части, бѣлаго цвѣта, изъ оленины, опущенной или козломъ, или шкурой черной коровы, или песцомъ, но украшеній на одеждѣ мало и вообще красотою и изяществомъ вкуса (по ихъ понятіямъ) самаядъ далеко уступаетъ юракамъ. У нихъ нѣтъ почти *малицъ*, т. е. разрѣзанныхъ одеждъ, а болѣе употребляется *ктихарь*, т. е. рубаха съ воротомъ, шерстью внизъ зимой и шерстью вверхъ лѣтомъ; сотуры такой формы, какъ у тунгусовъ, а сверхъ того *сокуй*, т. е. мѣшокъ съ мѣстомъ для головы, гдѣ вырѣзка для лица, и съ рукавами на своихъ мѣстахъ. Оленей имѣютъ по многу: отъ 100 даже до 1000; потому въ пищѣ мало имѣютъ нужды и, за недостаткомъ дикихъ, колютъ домашнихъ оленей, только олени у нихъ значительно изнурены, потому что ѣздятъ на нихъ въ саняхъ и зимой и лѣтомъ, когда на оттаявшей на четверть землѣ и выпустившей растительности не проваливаются ширококопытныя ноги оленя. Остановившись въ тундрѣ, иногда и нѣсколькими семействами, каждое беретъ изъ своего табуна оленя и приносить въ жертву, распарывая горло вдоль шеи и брюхо, не отнимая ни одной части и не снимая даже кожи; затѣмъ ставятъ на нѣсколькихъ колышкахъ, будто на ногахъ, съ поднятымъ къверху рыломъ прямо на югъ. Этою жертвою хотятъ умиловить божество свое, что бы оно было защитникомъ противу злѣйшихъ враговъ самаяди—волковъ, которые рѣшительно одолеваятъ самаядъ, являясь стаями всегда въ пургу, т. е., когда ни хозяинъ, ни олень ниче-

го не видятъ и не могутъ защищаться. Мѣсто, гдѣ останавливается самоедь, представляетъ какъ бы видъ ярмарки, потому что на особаго устройства саняхъ возится съ мѣста на мѣсто не только все семейство, со всѣми его домашними принадлежностями, но и лѣсъ, изъ котораго составляется чумъ,—на тундрѣ рѣшительно не гдѣ взять матеріалу. Сани самоедскія устраиваются по прилагаемому рисунку (смотри. рис. 1), а именно: а) полозья, имѣющіе до 5 аршинъ отъ одного конца до другаго; б) копылья, до 1 аршина; с) *хорей*—палка, которою оленей погоняютъ, она длиною до 5 аршинъ; д) костяная *пышка* и е) рукоятка. Палка (*хорей*) склеена изъ изломанныхъ полозьевъ, потому что дерева такого нѣтъ. Сани узки, въ нихъ свободно можетъ сидѣть только одинъ человекъ, а если двое, то по одной ногѣ каждый свѣшивается. Ремни, употребляемые для упряжи, чрезвычайно крѣпки, сдѣланы изъ шкуры какой-то морской рыбы, толщиною болѣе трети дюйма. Очевидцы говорятъ, что шкура эта бываетъ покрыта толстымъ слоемъ скользкаго вещества, въ родѣ того, какъ у гриба подберезника подъ шляпкой и такого же цвѣта, но этотъ слой прежде всего оскабливаютъ. Самоедскій чумъ (смотри. рис. 2) устраивается изъ готоваго уже сухаго лѣсу, всегда возимаго съ собою, какъ драгоценность; величина, прочность и теплота далеко отличаютъ его отъ тунгускаго; ставится онъ на саняхъ съ высокими копыльями (до аршина), и вмѣщаетъ въ себѣ человекъ 30; высотой по крайней мѣрѣ вдвое болѣе тунгускаго, и потому дымъ выходитъ въ верхнее окно гораздо свободнѣе и не душитъ такъ, да и окно это съ желѣзнымъ листомъ. Обить чумъ двумя шкурами оленьими, такъ, что внутренняя безъ шерсти, а наружная—съ шерстью. Съ одного боку дверь въ чумъ; посреди его, противъ двери, устроенъ на желѣзномъ листѣ очагъ; въ чумѣ есть скамьи и разная домашняя утварь. Такіе то чумы возить съ собою самоедь и лѣтомъ и зимою на оленяхъ, безъ которыхъ плохо было бы самоеди, особенно лѣтомъ, когда тундристая земля на четверть оттаиваетъ и выпускаетъ растительность,—тутъ ширококопытый олень только не проваливается.

Въ тѣхъ мѣстахъ, съ осени начинается постоянный мракъ
Кн. VI.—Отд. I.

ночи, и онъ былъ бы ужасенъ, если бы природа не развлекала безутѣшнаго, напряженно—мрачнаго состоянія духа обитателей, отраднымъ величіемъ сѣверныхъ сіяній; къ веснѣ же апрѣльское солнышко какъ будто пролетѣть изъ себя не исчислимое количество звѣздочекъ, — такъ играетъ оно самыми разноцвѣтными тѣнями въ каждой отдѣльной, какъ бисеръ, снѣжинкѣ; тутъ ужь некуда скрыть глазъ: куда ни повернете ихъ, всюду эта разноцвѣтная игра, и нѣтъ мѣста, гдѣ бы ея небыло. Не даромъ у самоеды сѣуженные глаза и широкія опущенныя верхнія вѣки. Не даромъ самоеды считаютъ лакомствомъ—пить кровь животнаго, по преимуществу оленя. Кстати объ употребленіи крови: всегда оно есть плодъ лекарственной необходимости, или отчасти и результатъ того безвыходно—мрачнаго состоянія духа, которое необходимо должно овладѣвать особенно самоедью, какъ самымъ сѣвернымъ племенемъ, испытывающимъ болѣе всѣхъ впечатлѣнія отъ отсутствія солнца, съ его свѣтомъ и теплотой. У нихъ то (какъ говорятъ и какъ пишетъ г. Яроцкій) и происходитъ особенная, въ родѣ водобоязни, болѣзнь, состоящая въ непреодолимой алчности къ насыщенію себя человѣческимъ мясомъ и кровью (*). Сперва человѣкъ дѣлается мраченъ, молчаливъ, страненъ и какъ бы не чувствителенъ; глаза имѣетъ дикіе, сверкающіе, ищущіе будто чего—то, или останавливающіеся на одномъ и томъ же предметѣ; задумчивость переходитъ въ безпамятство, прерваніе котораго приводитъ больного будто въ какое то замѣшательство, кончающееся не обыкновеннымъ звѣрствомъ, и первый встрѣчный подвергается истязаніямъ зубами. Иногда припадки эти, случаясь по разу въ годъ, проходятъ безъ особыхъ послѣдствій, и у укушеннаго не бываетъ припадковъ, какъ въ водобоязни; иногда же припадокъ останавливается только тогда, какъ больной уже довольно напился человѣческой кровью. Лекарствъ противъ нея ни какихъ не извѣстно, но вѣроятно можно бы предотвращать ее кровопусканіями.

(*) Мнѣ говорили преступники по сѣденью дѣтей своихъ, что человѣческое мясо необыкновенно вкусно.

Кстати ужь, говоря о жителяхъ тундры, описать здѣсь и тотъ экипажъ, въ которомъ чиновники ѣздятъ за тундру. Это *балокъ* (смотри рис. 3). Копыля у него въ четверть вышины; полозья 20 четвертей длины; самый коробъ въ длину три аршина и болѣе, въ ширину 2 аршина, а въ высоту до $2\frac{1}{2}$ аршинъ. Основаніе короба состоитъ изъ нѣсколькихъ таловыхъ или черемуховыхъ дугъ, тонкихъ, скрѣпленныхъ между собою длинными, тонкими драницами и ремешками, привязанными къ дугамъ. Такимъ образомъ балокъ весь двигается, что именно и нужно, а если бъ сдѣланъ былъ крѣпко и не имѣлъ этой подвижности, то скоро распался бы. Съ одного боку, для входа въ него, есть дверь, и одно или два окна. Весь остовъ обтянутъ оленьею кожей цѣликомъ, шерстью наружу; а такъ какъ снаружи въ шерсть можетъ набиваться снѣгъ, а внутри оленина можетъ отпачивать отъ дыханья сѣдоковъ, то балокъ и обтягивается еще съ обѣихъ сторонъ холстомъ. Въ такомъ балокѣ могутъ находиться свободно 2 человекъ, въ лежачемъ положеніи, и даже не особенно тепло одѣвшись. Подъ балокъ впрягаютъ по 4 оленя; отправляется онъ всегда подъ руководствомъ особыхъ передовыхъ саней, запряженныхъ двумя оленями.

Г, Я К У Т Ы.

На стр. 139 и 140, кн. Костровъ говоритъ объ якутахъ Туруханскаго края, говоритъ, правда, кратко, да и сказать объ нихъ нечего, ибо этотъ народъ подробно уже описанъ въ своемъ главномъ жителствѣ Якутской области. Онъ раздѣляетъ ихъ на два рода: Шарахинскій и Нижне—затундринскій. Но такъ какъ есть якутскія семейства и на пути изъ Енисейска къ Туруханску, въ станкѣ Костинскомъ, то мнѣ кажется совершенно излишнимъ считать за особый родъ и тѣ нѣсколько семействъ, кои живутъ 40 верст. отъ Туруханска, на станкѣ Шорохинскомъ. Считаю излишнимъ также и потому, что они и жилищемъ и всѣмъ другимъ не отличаются отъ русскихъ, кромѣ развѣ фізіономіи. Все ниже изложенное будетъ относиться къ массѣ якутовъ, названныхъ кн. Костровымъ родомъ Нижне—затундринскимъ.

У кн. Кострова сказано, между прочимъ, что живутъ якуты по рр. Хетъ и Боганидѣ, тогда какъ мною еще въ замѣткахъ о тунгусахъ сказано, что Илимпейскій родъ бродитъ около Ессейскаго озера, гдѣ и ссорится постоянно съ якутами. Слѣд., мѣсто жительства якутовъ есть и у озера Ессейскаго; къ рѣчкамъ же Хетъ и Боганиду выходятъ они только на промыселъ и раззоряютъ тамъ песцовыя гнѣзда, лишая тѣмъ песца возможности являться лѣтомъ для приплода. По крайней мѣрѣ такъ жалуются обитатели этихъ рѣкъ. А такъ какъ эти якутскіе выходы давно, и неизвѣстно когда, заняли самыя лучшія мѣста съ озерами, изобилующими бѣлою рыбою, то и имѣютъ много оленей, живутъ, въ сравненіи съ другими, богато и даже, по слухамъ, занимаются скупомъ горностаевъ, росомахъ, песцовъ, волковъ и шкуръ оленей, для вывоза и перепродажи въ область Якутскую. Сосѣдъ этихъ предпримчивыхъ и трудолюбивыхъ якутовъ—Илимпейскій родъ тунгусовъ оказался слабымъ соперникомъ. Онъ постоянно ссорится съ якутами и жалуется на то, что якуты, въ числѣ 250 душъ м. п., поселились у Ессейскаго озера на ихъ родовой искони землѣ, завели часовню и зимники, живутъ подъ управленіемъ 3 старостъ, стѣснили ихъ промыселъ, берутъ должниковъ въ кабалу и не позволяютъ имѣть тунгусамъ ни *пастей*, ни другихъ промысловъ. Вслѣдствіе этого, какъ Илимпейскій родъ тунгусовъ, такъ и сосѣдній съ нимъ Чаногирскій, перестали взносить ясакъ соболями, горностаями и лисицами, а уже платятъ его деньгами. Замѣчательно, что эти якуты, живя на землѣ Туруханскаго края, по крайней мѣрѣ верстъ на 500 отъ границы Якутской области, до сихъ поръ (сколько мнѣ извѣстно) не состоятъ въ вѣденіи туруханской администраціи.

За тѣмъ, на стр. 141 и 142, у кн. Кострова описаны жилища якутовъ не сообразно съ дѣйствительностію. Назвать якутскіе зимники «дворцами» передъ чумами самоеди—невозможно. Начать съ того, что, сперва по тонкости и мелкости, а далѣе по совершенному отсутствію лѣса—и русское, и якутское, и самоедское жильѣ за Туруханскомъ равно строится, по большей части, изъ барочныхъ досокъ. При такихъ условіяхъ, плохо

было бы отъ вѣтровъ русскимъ избамъ, стоящимъ на высокихъ берегахъ, если бы онѣ не были защищены лѣскомъ и сугробами снѣга, въ которыхъ и стоятъ; вѣтры же проносятся большею частию съ напоромъ, по лощинѣ Енисея. Но и при такой защитѣ, все таки незавидна жизнь въ этихъ курныхъ избахъ: едва затопили печь, съ полу повалило такимъ холодомъ, что пріѣзжій по неволѣ въ шубѣ лѣзетъ на полати, а тамъ новая бѣда: онъ можетъ задохнуться отъ дыма. Къ этому надо прибавить еще постоянно дурной запахъ отъ пищи, состоящей изъ муки, варящейся въ водѣ съ соленою рыбою и скоро протухающей, отъ малаго количества соли; да тутъ же варится пища для существеннѣйшихъ и необходимѣйшихъ животныхъ, собакъ, и всегда изъ рыбы протухшей. Якутскіе зимники (смотри рис. 4) (*) устроиваются на подобіе черной бани, безъ кровли. Внутри жилье раздѣлено, какъ будто корридоромъ, на 2 части, а именно: отъ входа къ передней стѣнѣ положены брусья, вышиною въ полъ-аршина, а другъ отъ друга аршина на 2; отъ этихъ брусевъ, между которыми, такимъ образомъ, образовался проходъ, положены къ стѣнамъ доски, на подобіе татарскихъ наръ, съ проходами въ свою очередь къ окнамъ; въ сторонкѣ въ одномъ углу казенка (для складки по домашности), а въ другомъ углу, недалеко отъ входа, — печь, которая топится дважды въ день. О переменахъ температуры судите потому, что во все время топки, передъ каменкой парятся, а черезъ нѣсколько часовъ бываетъ такой холодъ, что снова нужно топить; окна затягиваются рыбьей, особенно налимьей, шкурой, или заставляются льдинками, болѣе всего держащими тепло. Для пріѣзжихъ господъ отдѣляютъ во всю половину, гдѣ нѣтъ печи, свѣтлицу съ крышкой, что бы не попадалъ дымъ и небезпокойлъ непривычныхъ; для собакъ особый хлѣвъ, а для оленей, пригоняемыхъ на случай нужды въ нихъ, крытый дворъ. Въ обыкновенное же время олени свободно гуляютъ, будучи отогнаны на моховое мѣсто, потому что

(*) А, печь, в, казенка, с, окна, d, отгороженная свѣтлица съ дверью.

на томъ мѣстѣ, гдѣ въ прошломъ году выѣденъ мохъ, онъ не успѣлъ еще вырости. Описавъ такимъ образомъ, незавидное для здоровья, жильѣ якутовъ, мы должны прибавить, что въ мѣстахъ, занимаемыхъ якутами, есть довольно дикихъ оленей и много озеръ, изобильныхъ рыбою. Живутъ якуты безбѣдно, потому и болѣзней между ними менѣ слышно.

М. КРИВОШАПКИНЪ.

IV.

ОЧЕУЛЬСКІЕ И ТУТУРСКІЕ ТУНГУСЫ ВЪ ВЕРХОЛЕНСКОМЪ ОКРУГѢ. (*)

Очеульскіе тунгусы бродятъ между сѣверозападнымъ берегомъ Байкала, рѣками Манзуркою и Ангою, впадающими въ Лену, и хребтами, сопровождающими сѣверные притоки рѣки Киренги. Тунгусы эти, для взноса ясака, собираются къ озеру Очеуль, лежащему отъ Качугской слободы на сѣверовостокъ въ 50 верстахъ, и обыкновенно два раза въ годъ: къ 9 мая, или, какъ они говорятъ, къ *вешнему Николу*, и къ половинѣ ноября. Отъ этого озера они и получили названіе Очеульскихъ.

По послѣдней (10) народной переписи, оказалось Очеульскихъ тунгусовъ: мужчинъ 241 и женщинъ 229; по предшествовавшей же переписи ихъ было: мужчинъ 256 и женщинъ 254. Уменьшеніе тунгусовъ повсемѣстно, и въ этомъ отношеніи послѣдняя народная перепись, по всей вѣроятности, под-

(*) Иркутской губерніи.

твердить ихъ умаленіе. Прежде цѣлыя поколенія тунгусовъ искоренялись оспою; нынѣ цѣлыя семьи ихъ вымираютъ отъ горячки.

Хотя оспопрививаніе, несмотря на сознаваемую тунгусами его пользу, плохо между ними распространяется; но надо замѣтить, что и натуральная оспа нынѣ не свирѣпствуетъ между ними; ея мѣсто заступила горячка, развитію которой и большею частію несчастному исходу содѣйствуютъ ихъ жилища, образъ жизни, скудость и не разборчивость пищи, ими употребляемой; къ тому же заболѣвшій, что бы облегчить, хотя временно, палящій жаръ горячки, кидается въ снѣгъ и не рѣдко умираетъ въ снѣжномъ сугробѣ.

Тутурскіе тунгусы, называющіеся такъ по имени рѣчки Тутуры, впадающей съ правой стороны въ Лену, ниже города Верхотенска, въ 90 верстахъ, бродятъ по р. Тутурѣ и ея притокамъ: Обурѣ, Чикану и Буркамѣ и по р. Ильдѣ, впадающей въ р. Илгу.

По послѣдней переписи Тутурскихъ тунгусовъ оказалось: 116 мужчинъ и 137 женщинъ; по 9-же переписи ихъ было: мужчинъ 124 и женщинъ 139.

Будучи вытѣснены русскими и бурятами отъ значительныхъ рѣкъ и рѣчекъ, какъ-то: Лены, Манзурки, Илги и Анги, Очелульскіе и Тутурскіе тунгусы раздѣлили между собою второстепенныя рѣчки и ключи, и бродятъ нынѣ въ своихъ *ухожьяхъ*, или такъ называемыхъ *покатяхъ*.

Покать вполне характеризуетъ эту мѣстность, постепенно возвышающуюся отъ устьевъ рѣчекъ къ ихъ вершинамъ. Эти покати, составляющія распадки между горами и цѣлыми цѣпями хребтовъ, въ которые уходятъ тунгусы, и называются *ухожьями*. Здѣшнія покати покрыты дремучимъ лѣсомъ, наполненнымъ лосями, называемыми въ Сибири сохатыми, дикими оленями, козами, изюбрями, бѣлками, лисицами, зайцами, волками и медвѣдья-

ми. Звѣри эти служатъ тунгусамъ вседневною и единственною пищею; изъ шкуръ ихъ дѣлаютъ они себѣ одежду, ушачиваютъ ими ясакъ и остальные вымѣниваютъ на хлѣбъ, порохъ, свинецъ, дабу и китайку. Нѣкоторые изъ тунгусовъ, болѣе другихъ обрусѣвшіе, держатъ лошадей и коровъ и потому выбираютъ для жилищъ мѣста пастбищныя, не удаляясь въ глубь лѣсовъ. Они живутъ или въ срубленныхъ черныхъ избахъ, или въ конусообразныхъ шалашахъ, укрытыхъ листвяничною корою, тогда какъ уходящіе въ даль ихъ сородцы, имѣя лишь оленей, почти каждый день переносятъ съ мѣста на мѣсто свои берестяныя урасы, и большую часть лѣта проводятъ вблизи тѣхъ высокихъ хребтовъ, покрытыхъ снѣгами, на которыхъ олени ихъ, въ знойные дни лѣта, спасаются отъ жара и комаровъ. Эти хребты облегаютъ побережья Байкала и вершины рѣкъ Лены и Киренги.

Вершины горъ, называемыя гольцами, покрыты большею частию вѣчнымъ снѣгомъ, и лишь второстепенные по высотѣ гольцы обнажаются отъ снѣга въ послѣднихъ числахъ іюня. Здѣшніе гольцы, между прочимъ, тѣмъ замѣчательны, что иногда попадаютъ на нихъ соболи, лучшаго качества, какъ по темнотѣ цвѣта, такъ и по нѣжности шерсти, извѣстные подъ названіемъ каменныхъ. Хребты эти лишены всякой растительности, исключая моха, составляющаго любимую пищу оленей.

Бродячій тунгусъ безъ оленей какъ, говорятъ они, —человѣкъ пропащій. Вообще здѣшніе тунгусы до того бѣдны, что между ними тотъ считается богатымъ, кто имѣетъ до сорока оленей.

Берестяныя урасы оленныхъ тунгусовъ не доставляютъ ни простора, ни другихъ какихъ либо удобствъ, кромѣ защиты отъ дождя и вѣтра и легкости при ежедневной перевозкѣ и установкѣ ихъ на новомъ мѣстѣ кочевья. Десятка два жердей, связанныхъ въ концѣ, ставятся стойкомъ на землю; конусъ этотъ покрывается вываренной въ водѣ берестой, сшитой въ длинныя, широкія полотнища; на верху урасы оставляется отверстіе для выхода дыма, отъ постоянно горящаго въ урасѣ огня. Ковры, сшитые изъ кожъ оленьихъ или дикихъ козъ, служатъ постелью

тунгусамъ, а берестянные побочни, сдѣланные въ видѣ не большихъ овальныхъ чемодановъ, замѣняютъ мебель. Въ побочни эти кладутъ продовольственные припасы, лишнюю одежду и прочій скарбъ, и попарно навьючиваютъ на оленя. Котель, нѣсколько деревянныхъ чашъ и ложекъ, берестянные туезки или бураки, составляютъ весь домашній скарбъ оленнаго тунгуса. Къ числу этого скарба должно отнести также люльки для грудныхъ дѣтей, сшитыя изъ бересты. Дитя, зашнурованное ремнемъ въ этой люлькѣ и висящее на одной изъ жердей урасы или съ боку оленя при перекочевкѣ, сосетъ кусокъ жиру, привязаннаго къ палочкѣ, не допускающей проглотить этотъ питательный сосокъ.

Оленьи кожаные унты, лосинные шаровары и дабовая или китайчатая, всегда синяя, рубаха, общая принадлежность костюма тунгусовъ обоого пола. Лѣтомъ они носятъ короткіе кафтаны, сдѣланные или изъ крестьянскаго темнокоричневаго сукна или изъ китайки и дабы. Женщины предпочитаютъ голубой и зеленой цвѣтъ. Зимой короткія оленьи или козьи шубы, которыя обыкновенно носятъ шерстью вверхъ, а у богатыхъ можно встрѣтить крытыя сукномъ и китайкой. Русскія шапки и лѣтніе картузы, общая принадлежность мужчинъ и женщинъ. Тунгуса отъ тунгуски можно отличить только по числу косъ, заплетенныхъ на головѣ: мужчины носятъ одну коротенькую и на самомъ затылкѣ, а женщины двѣ косы, опущенныя по обѣимъ сторонамъ лица; дѣвушки же заплетаютъ волосы въ нѣсколько мелкихъ косъ, заплетенныхъ на затылкѣ.

Тунгусы, можно сказать, живутъ по русской пословицѣ: «Богъ дастъ день, Богъ дастъ и пищу». Едва начинается свѣтать, тунгусъ, съ винтовкою за плечами и съ собакою, идетъ уже на звѣриную охоту, или осматриваетъ свои добычи и плашки, козьи ямы и капканы для звѣрей. Между тѣмъ жена, снявъ съ мѣста урасу, и навьючивъ ее и прочій багажъ на оленей, отправляется на условленное мѣсто. Не рѣдко случается, что нѣсколько дней сряду несчастье въ уловѣ птицъ и звѣря преслѣдуетъ тунгуса, и тогда онъ и семья его голодуютъ, въ особен-

ности если истощился у нихъ и тотъ не значительный запасъ ржаной муки, которымъ снабжаютъ ихъ русскіе *покрутчики*. Названіе это вполне характеризуетъ отношенія тунгусовъ къ зажиточнымъ крестьянамъ и торговцамъ, снабжающимъ ихъ въ долгъ хлѣбомъ, солью, порохомъ, свинцомъ, китайкою и дабой, за что потомъ отбираютъ отъ тунгусовъ почти весь звѣриный ихъ уловъ, представляя имъ такіе расчеты, что бѣдный тунгусъ не въ состояніи во всю жизнь уплатить своего долга *покрутчику*, и потому первый всегда въ *покрутъ*, т. е. не можетъ ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ своего *покрутчика*, входить въ сношенія и расчеты.

Каждый тунгусъ въ своемъ участкѣ тайги полный хозяинъ. Тутъ вырыты имъ въ удобныхъ мѣстахъ, прикрытыя хвоемъ, глубокія ямы для лосей, изюбрей, козъ, волковъ; тутъ разставлены имъ для хитрыхъ лисицъ желѣзные капканы и въ разныхъ мѣстахъ, на большомъ пространствѣ, насторожены плашки. Эти послѣднія длиною обыкновенно сажени въ двѣ, походятъ устройствомъ на простыя мышеловки, состоящія изъ двухъ досокъ; ихъ не ставятъ на землю, но поднимаютъ на аршинъ и даже выше и укрѣпляютъ между двумя деревьями. Верхняя доска, на которую для тяжести кладутся камни или обрубки лѣсинъ, держится на сторожкѣ, или тонкой жердочкѣ, вышиною въ три вершка, и обрушается на нижнюю, когда сторожка будетъ сдвинута; плашки размѣщаются обыкновенно по кедровнику, переносить ихъ не удобно, и потому онѣ не трогаются съ мѣста, пока не изветшаютъ или не изломаются; тогда на томъ мѣсто становятся другія. Если бѣлка бросается на кедровникъ, орѣхи котораго преимущественно составляютъ ея пищу, то ловъ ея плашками бываетъ обилень; но когда случается не урожай орѣховъ и бѣлка ищетъ пищи въ борахъ—на ельникѣ, пихтѣ, лиственнѣ, березѣ, то она добывается въ меньшемъ количествѣ. Нѣкоторые тунгусы имѣютъ въ кедровникахъ отъ 500 до 1000 плашекъ и вновь раскидываютъ ихъ большею частію по той тропинкѣ, по которой ходятъ осматривать ихъ, вынимая при давленныхъ звѣрковъ и снова настораживая ловушки или возоб-

новляя, въ случаѣ надобности, наживы, которыя выѣдаются иногда мышами. Наживу эту дѣлаютъ изъ древесныхъ опенковъ или кусочковъ мяса и рыбы; на сто плашекъ полагается въ хорошей уловъ до пятидесяти бѣлокъ; но въ плохое время, хорошо, если попадется и десятокъ ихъ.

Самый прибыльный ружейный промыселъ бѣлки начинается въ октябрѣ, съ паденіемъ снѣга, и продолжается до половины декабря, когда бѣлка, отъ морозовъ, начинаетъ прятаться въ гойна—гнѣзды, дѣлаемая или на вѣтвяхъ, или въ дуплахъ деревьевъ. Затѣмъ этотъ промыселъ снова начинается въ февралѣ и прекращается въ мартѣ. Многие тунгусы, какъ говорится здѣсь, бѣлкують во всю зиму, слѣдя бѣлокъ по *шактарь*, т. е. снѣжнымъ порошинкамъ, которыя бѣлки, выбѣгая изъ гойнъ, роняютъ съ вѣтвей. Живя постоянно въ лѣсахъ и существуя звѣропромышленностію, тунгусы пріобрѣтаютъ въ звѣрованъ удивительный навыкъ и въ этомъ случаѣ гораздо искуснѣе крестьянъ и бурятъ, для которыхъ звѣриный промыселъ составляетъ второстепенное занятіе. Навыкъ этотъ такъ великъ, что тунгусъ даже въ непогоду узнаетъ на какихъ деревьяхъ скрываются звѣрки, или гдѣ гнѣзда ихъ пусты, ибо привычный глазъ его отличаетъ шактору отъ снѣга, падающаго въ непогоду. Подмѣтивъ притаившуюся на деревѣ бѣлку, тунгусъ ставитъ винтовку на сошки или двѣ деревянные рогульки, прикрѣпленные къ винтовочной ложѣ близъ дула, и, дорожа каждымъ зарядомъ, старается стрѣлять прямо въ голову звѣрка; промахъ тунгусъ дѣлаетъ очень рѣдко. Счастливымъ стрѣлокъ, въ хорошей годъ, убиваетъ бѣлокъ до четырехъ сотъ, въ плохой же едва упромышливаетъ и четвертую долю.

Здѣшняя бѣлка изъ первыхъ рукъ цѣнится отъ 7 до 12 к., смотря по слабому или сильному требованію ея на Нижегородской и Ирбитской ярмаркахъ; но тунгусу, если строго контролировать расчетъ его съ покрутчикомъ, едва ли приводится получать за бѣлку болѣе 4 копѣекъ.

Въ то время, когда мужья и взрослые сыновья промысла—

ютъ звѣря, а лѣтомъ ловятъ рыбу, женщины выдѣлываютъ нуж-
ныя для одежды звѣриныя шкуры; крутятъ изъ жилъ животныхъ
нитки и шьютъ ими, для себя, дѣтей и мужей своихъ, обувь и
одежду, наблюдаютъ за оленями и доятъ ихъ, а осенью собира-
ютъ бруснику.

Тунгусы между собою чрезвычайно дружелюбны; съ рус-
скими обходительны и гостепріимны и вообще характера крот-
каго; къ вину очень падки и готовы отдать за него все, что
имѣютъ. Сами же ни вина, ни тарасуна не дѣлаютъ.

Многіе изъ тунгусовъ приняли православіе; но, сколько по
своему невѣжеству, столько и по безпечности и не пониманію сво-
его долга, могутъ назваться христіанами только по имени; боль-
шая же часть ихъ придерживается грубаго шаманства.

При рожденіи дитяти, даютъ ему имя перваго вошедшаго
въ урасу посторонняго человѣка или перваго понавшагося на
встрѣчу животнаго и при этомъ никакого религіознаго обряда
не происходитъ.

Бракъ совершается какъ и у бурятъ. Высватавъ, не рѣдко
еще въ дѣтствѣ, невѣсту, выплачиваютъ за нее условленный ка-
лымъ оленями или звѣринными шкурами. Если же у жениха есть
сестра, а у невѣсты братъ, то дѣлается обмѣнъ невѣстами, безъ
платы калыма, цѣнность котораго не бываетъ менѣе старублей.
Всегда лѣтомъ или весною, въ день назначенный для смотрѣнія
невѣсты, ежели только она уже въ совершенномъ возрастѣ, у
жениха убиваютъ оленя и сваривши все его мясо, отецъ, мать
и родственники жениха везутъ это мясо къ невѣстѣ, у которой
ожидаютъ пріѣзда жениха ея родные и гости, собравшіеся къ
свадьбѣ. Если могутъ на этотъ случай достать вина или бурят-
скаго тарасуна, то женихъ привозитъ и его съ собою; мясомъ
и виномъ угощаются всѣ. При отъѣздѣ домой, назначается день
свадьбы. Наканунѣ свадьбы, подруги невѣсты собираются къ ней
и пляшутъ всю ночь. Единственная пляска тунгусовъ состоитъ
въ слѣдующемъ: безъ различія лѣтъ, всѣ взрослые мужчины и

женщины, взявшись подъ руку, становятся въ кружокъ и, подъ монотонный припѣвъ: «ехоръ—ехоръ», движутся по солнцу, переступая съ припрыжкой съ ноги на ногу; это движеніе дѣлается то медленно, то быстро, но всегда въ тактъ, соображаясь съ пѣніемъ.

Въ обыкновенное время тунгусы раскидываютъ урасы свои почти всегда въ лѣсахъ, на склонахъ или у подошвы хребтовъ, но въ день свадьбы выбираютъ поляны и мѣста открытыя.

Въ день свадьбы невѣста, тщательно обыкновеннаго одѣтая, со всѣми родственниками и гостями, идетъ къ жениху. Собравшіеся тамъ родные и гости, завидѣвъ толпу, сопровождающую невѣсту, становятся въ кругъ и, въ честь ея пріѣзда, начинаютъ обыкновенную пляску; потомъ принимаютъ невѣсту и, въ сопровожденіи трехъ или пяти женщинъ, отводятъ ее подъ приготовленный деревянный навѣсъ, или особую урасу, гдѣ ждетъ ее женихъ, съ которымъ ее и оставляютъ, а отецъ жениха ведетъ отца невѣсты и прочихъ мужчинъ въ свою урасу. Тутъ подають имъ двѣ деревянные чашки съ виномъ, или тарасуномъ, а за неизбѣніемъ того и другаго съ оленьимъ молокомъ. Отливъ раза два—три изъ чашки на огонь, въ знакъ благодарности бурхану за благополучное прибытіе невѣсты, обмѣниваются чашами, привѣтствуя другъ друга по своему словомъ «здравствуй», и испивъ изъ чашекъ, передають ихъ прочимъ; потомъ всѣ выходятъ изъ урасы и усаживаются кружками, по срединѣ которыхъ ставятся котлы съ вареною олениною или козьимъ мясомъ. Когда все приготовленное будетъ съѣдено и выпито, отецъ жениха уходитъ въ свою урасу, надѣваетъ на себя шубу и подпоясавшись такъ, чтобъ шуба отъ груди далеко отставала, садится въ передней части урасы, передъ огнемъ; тогда женщины, пріѣхавшія съ невѣстой, завѣшиваютъ ее лицо платкомъ и давъ ей мелконарѣзаннаго сваренаго какого либо жиру, вводятъ ее въ урасу свекра. Подойдя къ нему, невѣста кидаетъ на него жиръ и ежели онъ весь попадетъ ему подъ шубу, на груди распахнутую, то невѣста признается за честную дѣвицу. Тогда всѣ, быв-

шіе въ урасѣ, кидаются на свекра и вырываютъ изъ запазухи его жиръ, почитая его за лучшее свадебное угощеніе. Послѣ этого начинается на всю ночь пляска, и только утромъ всѣ разъѣзжаются. Молодая жена съ этого дня или остается у мужа или отвозится обратно къ своему отцу на ранѣе определенное время, и это зависитъ или отъ возраста жениха и невѣсты, или отъ особенныхъ о томъ условій.

Въ несчастіи и болѣзняхъ тунгусы прибѣгаютъ къ шаманамъ и просятъ ихъ умилоствовать духа тьмы. Обрядъ этотъ они называютъ, какъ и буряты, *кырыкомъ*. Прибѣгающій къ помощи шамана долженъ принести ему заднее стегно оленя, козы, изюбря или сохатаго. Шаманъ сжигаетъ принесенное и, разсмотрѣвъ обгорѣлую кость, впередъ объявляетъ: можетъ или нѣтъ оказать онъ помощь, и ежели духъ тьмы дозволяетъ ему оказать помощь, то указываетъ при томъ, какую жертву требуетъ за то, и обыкновенно назначаетъ одного или двухъ оленей. Въ день кырыка или жертвоприношенія, являсь въ назначенное время къ пригласившему, шаманъ надѣваетъ особый короткій кафтанъ изъ оленьей кожи, съ нашитыми на немъ, кованными изъ желѣза или мѣди, разными фигурами людей, животныхъ, растеній и орудій, а на голову островерхую шапку, обвѣшанную такими же вещами, и беретъ продолговато—овальный бубенъ и небольшую булаву. Сдѣлавъ нѣсколько ударовъ въ бубенъ, шаманъ раздираетъ кусокъ приготовленнаго бѣлаго, зеленаго или палеваго коленкору на ленты, навязываетъ ихъ на нѣсколько березъ, воткнутыхъ въ землю или въ снѣгъ передъ урасою и прицѣпляетъ на нихъ шкурки: заячьи, бѣличьи и хорьковыя. За тѣмъ, взявши въ руки повязанную лентою пихтовую вѣтвь, зажигаетъ ее, и начинаетъ громко произносить какія-то заклинанія, сперва около березъ, потомъ у котловъ, въ которыхъ варится ранѣе назначенная имъ жертва, колотя въ бубенъ.

Тѣло умершаго не крещенаго тунгуса, одѣтое въ обыкновенное его платье, увозятъ далеко въ лѣсъ, и положивъ на землю, закидываютъ множествомъ сухаго валежника и сучьевъ. Под-

жегши эту кучу, оставляютъ ее горѣть, и потому не рѣдко полюбгорѣлое тѣло достается въ пищу звѣрямъ.

Какъ Очеульскіе, такъ и Тутурскіе тунгусы завѣдываются отдѣльными инородными управами. Въ Очеульской и Тутурской инородныхъ управахъ по одному тунгускому головѣ и старостѣ и письмоводителю изъ русскихъ. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, въ видѣ опыта, управы эти присоединены: первая къ Манзурскому, а вторая къ Верхоленскому волостнымъ правленіямъ.

П. КЛАРКЪ,

Чл. Сотр. Отд.

V.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ АРГУНИ

И

ОБЪ ИСТИННОМЪ ИСТОКѢ ЭТОЙ РѢКИ (*)

До сихъ поръ еще всѣ предполагаютъ, что рѣка Аргунь беретъ свое начало изъ Китайской Монголіи и впадаетъ въ озеро *Далай* или *Хулунъ* и на этомъ протяженіи извѣстна подъ различными названіями, по крайней мѣрѣ на картахъ обозначается то именемъ *Херлоне*, то *Керлонъ*, то наконецъ *Керулэнъ*; монголы же зовутъ ее *Херлунъ*, что вѣроятно будетъ правильнѣе. Наполнивъ оз. Далай, Херлунъ, по общему предположенію географовъ, выходитъ изъ него уже подъ названіемъ Аргуни. Это мнѣніе совершенно несправедливо: Аргунь не имѣетъ ни

(*) Свѣдѣніями объ Аргуни я обязанъ одному чиновнику, жителю Дурухайтуевской крѣпости, А. М. Муромову.

какого сообщенія съ озеромъ Далай, а слѣдовательно и выте-
кать изъ него уже ни какъ не можетъ.

Озеро *Далай* или *Хулунъ* (первое названіе монгольское и
значить по русски *море*; значенія же втораго названія я не
могъ узнать) лежитъ въ сѣверо—восточной части Гоби, можно
сказать, при началѣ этой степи и имѣетъ въ окружности около
200 верстъ; на самой срединѣ озера находится большой островъ,
берега озера довольно пологи, песчанны и мѣстами поросли ка-
мышомъ. Озеро весьма богато рыбою, которая часто, во время
бурь, волненіемъ воды, выбрасывается въ множествѣ на измен-
ныя прибрежья, гдѣ и собирается близъ Далая кочующими мон-
голами (калхасами), или же просто гниетъ на мѣстѣ. Надобно
еще замѣтить, что рыба Далай очень худа и безвкусна, — вѣроятно
озеро доставляетъ рыбѣ скудную пищу; изъ рыбъ водятся въ
немъ только щука, сомъ, карась, сазанъ и таймень; другихъ же
породъ тамъ нѣтъ.

Верстъ на десять южнѣе, уже почти въ самой Гобійской
степи, лежитъ другое огромное озеро, много обширнѣе Далай,
и называется *Бойръ—поръ* или *Пуиръ*, что значитъ *богатое озеро*;
оно соединяется съ первымъ посредствомъ довольно широкаго
протока. Въ Далай впадаютъ рѣки: Уршунъ, принимающая
свое начало недалеко отъ Акшинской крѣпости и Херлунъ, вы-
ходящая изъ горной группы Кентей. Начало рѣки Херлуна на-
ходится между Кяхтою и первымъ китайскимъ небольшимъ
уѣзднымъ городкомъ *Ургою*, слѣдовательно Херлунъ течетъ на
весьма значительномъ протяженіи; такъ съ большей вѣроятнос-
тію можно положить длину теченія ея верстъ въ 900 и болѣе.
Что же касается до вытекающихъ изъ озера Далай рѣкъ, то та-
ковыхъ оно ни одной не имѣетъ, а слѣдовательно и наша Ар-
гунъ изъ него не вытекаетъ.

Истинное начало р. Аргуни находится дѣйствительно въ
Монголіи, или лучше сказать въ *Китайской Дауріи*, гдѣ она
вытекаетъ изъ хребтовъ, которые составляютъ отроги или про-
долженіе Малаго Кентей, направившихся на югъ, въ глубь Мон-

голин. Тамъ рѣка Аргуни известна вообще подъ именемъ *Хайлара*. Хайларъ имѣетъ свое направленіе съ востока на западъ и течетъ подъ этимъ названіемъ на разстояніи 300 верстъ. На лѣвой сторонѣ рѣки, противъ стараго Цурухайтуя, въ 150 верстахъ въ прямомъ отъ него направленіи, лежитъ небольшой уѣздный городъ *Хайларъ*, получившій свое названіе вѣроятно отъ орошающей его рѣки Хайларъ.

Хайларская котловина представляетъ мѣстность ровную, частію болотистую, кое гдѣ поросшую камышомъ и въ ширину простирающуюся верстъ на 30; южная и юго—западная сторона окаймлена прекраснымъ строевымъ сосновымъ лѣсомъ. Ширину рѣка Хайларъ по большей части имѣетъ около 30 сажень; берега низменны, по нѣкоторымъ мѣстамъ поросли камышемъ и ивнякомъ; грунтъ рѣки глинистый, иловатый, глубина весьма значительная, втрое глубже Аргуни, теченіе очень покойное и весьма медленное, при полноводіяхъ разливается по всей котловинѣ на далекое пространство.

Хайларъ, вытекая съ юго—востока, направляется на западъ, гдѣ противъ озера Далай, въ сорокаверстномъ отъ него разстояніи, дѣлаетъ поворотъ на сѣверо—западъ и потомъ на востокъ и около Абагайтуйскаго караула теряетъ свое имя и называется уже Аргунию, но впрочемъ монголы зовутъ ее не Аргунию, а Аргуномъ, что значитъ: приторный, жирный.

Я сказалъ, что Хайларъ имѣетъ теченіе медленное, тогда какъ Аргуни довольно быстра; но медленное теченіе Хайлара продолжается даже и въ то время, когда рѣка носитъ названіе Аргуни, и именно медленность теченія водъ продолжается до стараго Цурухайтуя, т. е. на 130 верстъ еще отъ того мѣста, гдѣ Хайларъ теряетъ свое имя. Быстрота Аргуни начинается отъ впаденія съ правой ея стороны двухъ очень быстрыхъ рѣчекъ: Гана и Дербула, послѣдняя принимаетъ еще въ себя съ правой стороны тоже довольно быструю рѣчку Хаулъ, впадающую въ Дербуль въ 20-ти верстахъ до впаденія этой послѣдней въ Аргуни. Всѣ эти рѣчки вытекаютъ изъ тѣхъ же

мѣсть, гдѣ начинается Хайларъ, текутъ параллельно этой рѣчкѣ, т. е. начинаясь съ юго—востока и направляясь на западъ и сѣверо—западъ, впадаютъ въ Аргунь между Старымъ и Новымъ Цурухайтуемъ, не въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи.

Хайларъ даже при полноводіяхъ своихъ не доставляетъ прибыли водамъ Аргуни; но причина этого весьма понятна: разливы этой рѣки по отлогой котловинѣ ея, а также медленность теченія, много препятствуетъ водополю. Впрочемъ хотя и бываетъ прибыль воды, но эта прибыль обыкновенно весьма ничтожна и отъ Абагайтуйскаго караула до Стараго Цурухайтуя, на разстояніи 130 верстъ, воды Хайлара едва достигаютъ сего послѣдняго въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Все это показываетъ медленность теченія водъ Хайлара.

Отъ поворота Хайлара на сѣверо—западъ до озера Далай, считается 40 верстъ; на этомъ пространствѣ есть сухое русло, шириною сажень въ десять; русло это паденіемъ своимъ направляется прямо въ озеро Далай и имѣетъ названіе *Мутный протокъ*. Этотъ то протокъ вѣроятно и заставлялъ предполагать, что Аргунь вытекаетъ изъ Далая. Но противъ этаго мнѣнія представляются слѣдующія опроверженія:

а) Мутный протокъ паденіемъ своимъ направляется въ озеро Далай.

б) Ширина протока не соотвѣтствуетъ ни Аргуни, ни Хайлару. Аргунь и Хайларъ имѣютъ ширину одинаковую, около 30 саж, тогда какъ Мутной протокъ шириною только десять сажень.

в) Мутной протокъ сообщается, и то въ очень рѣдкіе года, болѣе съ Хайларомъ, чѣмъ съ Аргуною. Однимъ словомъ сліяніе это бываетъ только при сильныхъ разливахъ Хайлара, какъ было это въ 1852 г. и тогда вода Хайларская только частью бѣжитъ по руслу Мутнаго протока въ озеро Далай.

г) Далай, какъ уже извѣстно, очень обилуетъ рыбою; при разливѣ же Хайлара и сообщеніи водъ Хайларскихъ съ водами

Далай, посредствомъ протока Мутнаго, рыба огромными стадами направляется въ этотъ протокъ и проходитъ такимъ образомъ частию въ Хайларъ и частию въ Аргунь. Это тоже служитъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія, что Аргунь не выходитъ изъ Далай: ибо всѣмъ конечно извѣстно, что рыба очень рѣдко идетъ по теченію и то только осенью, а весною всегда противъ, какъ это и случается въ Мутномъ протокѣ.

е) Окончательно должно сказать, что если бываетъ сообщеніе Аргуни или Хайлара съ водами озера Далай, то только весною и при томъ въ нѣкоторые года при снѣжной зимѣ; такъ напримѣръ съ 1852 года не было этаго сообщенія по настоящее время, чѣмъ объясняется также совершенное отсутствіе нынѣ рыбы въ р. Аргуни; протокъ же Мутной теперь представляетъ одно сухое песчаное русло.

И такъ Аргунь, принимая свое начало изъ горъ Китайской Дауріи, течетъ съ юго-востока, подъ именемъ Хайлара, на западъ, гдѣ дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверо-западъ, длиною верстъ на 30, и отсюда уже, подъ именемъ Аргуни, поворачиваетъ на востокъ и сѣверо-востокъ до соединенія съ Шилкою, съ которою, слившись при Усть—Стрѣлочномъ караулѣ, составляетъ Амуръ. Такимъ образомъ длина теченія Аргуни, отъ истока ея до соединенія съ Шилкою, простирается на 1177 верстъ.

Котловина Аргуно—Хайларская, при началѣ истока, на протяженіи 300 верстъ, до переименованія Хайлара въ Аргунь, представляетъ мѣстность ровную, низменную, болотистую, въ ширину простирающуюся верстъ на 30, откуда уже потомъ начинается монгольская степь Гоби. Такая же ширина Аргунской котловины продолжается почти до Стараго Цурухайтуя, слѣдовательно эта котловина есть какъ бы начальный пунктъ степи Гоби, и въ эти мѣста изъ великой степи выходятъ не рѣдко огромными косяками дикія лошади, называемыя туземцами *чигитей*, также сайга у туземцовъ *дзеренъ*, и дикія бараны, по здѣшнему *эргелей* (*Aegoceros Argali*).

Начиная съ Старога Цурухайтуя, Аргунская котловица болѣе и болѣе сѣуживается, берега изъ отлогихъ дѣлаются болѣе возвышенными, крутыми, которые съ дальнѣйшимъ направлениемъ Аргуни на сѣверо—востокъ возвышаются еще значительно и наконецъ, образуютъ обрывистые утесы или щеки; за тѣмъ берега правой стороны Аргуни снова понижаются и около р. Быстрой представляются уже значительно отлогими и низменными. Даурско—Китайскія горы служатъ главнымъ водораздѣломъ рѣкъ, впадающихъ въ Аргунь съ китайской стороны; такъ рѣки Гань, Дербуль, Келари и Маретка текутъ съ востока на западъ и сѣверо—западъ, а рѣки Быстрая, Хамунъ и другія, начинаясь съ юго—западной стороны этихъ горъ, направляются на сѣверъ и сѣверо—востокъ.

Съ лѣвой стороны, или, лучше сказать, со стороны Русской Даурии, въ Аргунь впадаютъ: *Грулуинуй Верхняя Борзя, Зорголь, Карабанъ, Прямая, Коруй, Средняя Борзя, Нижняя Борзя Костихъ, Попова, Булакъ, Байцаканъ, Килма, Чаубуча, Озерная Ожегонъ, Серебрялика, Онохой, Олоча, Глубокая, Ключи, Сухая, Луговая, Межевая, Ишага, Грециха, Боршовка, Суровая, Камара, Моронъ, Тарасовка, Записина, Веря, Уровъ*, (замѣчательный вреднымъ своимъ вліяниемъ на жителей деревень, расположенныхъ по берегамъ этой рѣки, производя кретенизмъ и зобатость) *Лубья, Урюмканъ, Будюмканъ, Покая, Чамбарагуца, Газимуръ, Доставалиха, Чендой, Мушканъ, Жалиръ, Лугаканъ, Чекоя, Лучья, Ськаниха, Кудиканъ, Жагдача, Галетька, и Тычимаръ.*

По лѣвому берегу Аргуни размѣщены пограничные караулы конныхъ и деревни пѣшихъ казаковъ забайкальскаго войска, а именно—караулы: *Абагайтуйевскій, Кайластый, Дуройскій, Старо — Цурухайтуйевскій, Ново — Цурухайтуйевскій, Зоргольскій, Буринскій, Борзинскій, Булдуруйскій, Чаубучинскій*; селенія и деревни: *Булдуруйская, Килминская, Горбуновская, Заводъ кожевенный* (принадлежащій вѣдомству нерчинскихъ горныхъ заводовъ), *Дубленая, или Усть—Серебрянская, Онохойская, Олочинская* (гдѣ нынѣ штабъ 1-й пѣшей бригады забайкальскаго ка-

зачьяго войска и № 2 баталіона); *Ключевская, Луговская, Ишанинская, Усть—Борисовская, Дамасинская, Аргунскій островъ* (перенесенный съ праваго берега Аргуни на лѣвый въ 1689 г. Нынѣ штабъ № 3—го пѣшаго баталіона), *Комаринская, Мулаинская, Илинская, Записянекая, Верхне—Вереинская, Жоктанская, Башуровская, Усть—Уровская, Марьинская, Типкурауцкая* (Урюпина) и, наконецъ, караулы: *Амучиканскій, Жалдачинскій, Тыммарскій* и *Усть—Стрѣлочный*, расположенный на стрѣлкѣ, образовавшейся при сліяніи рѣкъ Шилки и Аргуни.

Аргунь отъ Абагайтуйскаго караула до сліянія съ Шилкою разграничиваетъ Русскую Даурію отъ Китайской. Отъ сей послѣдней впервые начинается растительность дуба, орѣшника и ильмовника, тогда какъ на лѣвой совершенно нѣтъ подобныхъ растений.

Названіе Аргуни, какъ выше упомянуто, монгольское и значитъ по русски: приторный, жирный. Рѣка Аргунь въ особенности славится своими сазанами и щуками; послѣднія ловятся преимущественно близъ Стараго и Новаго Цурухайтуевъ, которые отъ того конечно и получили свое названіе, потому что *Цурухайтуй* значитъ *щука*.

Обиліе рыбы въ Аргуни зависитъ отъ большаго или меньшаго разлива какъ Хайлара, такъ и Аргуни. При большомъ весеннемъ разливѣ аргунскихъ водъ, рыба идетъ сюда изъ Амура, но амурская рыба весьма рѣдко доходитъ до впаденія въ Аргунь Гана и Дербула, и то только нѣкоторая, напримѣръ: таймень, сазанъ, ленокъ и другія мелкія породы; бѣлуга же и осетръ никогда до этихъ мѣстъ не достигаютъ. За то верховья Аргуни снабжаются обильно рыбою при весеннихъ разливахъ Хайлара, когда воды этой рѣки соединяются съ озеромъ Далай, изъ котораго, при такомъ благопріятномъ случаѣ, рыба стаями спѣшитъ и въ Хайларъ и въ Аргунь.

Къ зимѣ аргунская рыба уходитъ или въ Амуръ или же въ побочныя рѣки Аргуни: Быструю, Газимуръ, Маретку, Ганъ,

вообще въ рѣчки, болѣе глубокія, чѣмъ въ особенности отлича-
ются Гань и Быстрая, гдѣ много мѣстъ зимою промерзающихъ
до дна и даже вовсе не замерзающихъ, — эти послѣднія мѣста
называются проталинами, или по туземному тальцами.

Аргунь, въ весенній разливъ, всегда и вездѣ судоходна, лѣ-
томъ же образуются отмели, много мѣшающія сплаву. Про-
чищеніе отмелей и карчей могло бы принести для аргунскаго края
существенную пользу, такъ какъ рѣка эта соединяется съ
Амуромъ.

Нерчинско—заводскіе купцы затрудняются въ строеніи по
Аргуни баржъ и паромовъ, для сплава товаровъ на устье Амура,
а нѣкоторые изъ этихъ купцовъ большіе капиталисты, которые
могли бы даже и со своей стороны способствовать развитію тор-
говли съ краемъ При-амурскимъ. Постройка же судовъ на Шил-
кѣ, хотя разстояніе этой рѣки отъ большаго Нерчинскаго завода
всего на 200 верстъ, все таки представляетъ затрудненіе для куп-
цовъ заводскихъ, которое совершенно уничтожилось бы съ су-
доходствомъ по р. Аргуни, отстоящей отъ Нерчинскаго завода
только на 15 верстъ.

Впрочемъ, изъ нерчинскаго—заводскихъ купцовъ Толмачевъ
первый показалъ возможность судоходства по Аргуни; онъ не по-
боялся отмелей, и въ самую низкую воду, уже въ іюнь мѣсяцъ,
построивъ огромную барку и два парома, проплылъ благопо-
лучно въ Амуръ и тѣмъ далъ примѣръ другимъ торговцамъ за-
водскимъ, которые теперь уже не думаютъ строить свои баржи
на Шилкѣ, а намѣреваются сплавать товары по р. Аргуни.

Въ заключеніе прибавлю, что нужно только небольшое
усиліе для очистки нѣкоторыхъ отмелей и карчей аргунскихъ,
съ уничтоженіемъ которыхъ наша Аргунь сдѣлалась бы навсегда
судоходною рѣкою, и это разумѣется было бы полезно для всего
здѣшняго края, доставивъ ему ближайшій, сподручный и удобный
путь для сплава естественныхъ произведеній въ область Амурскую.

Н. КАШИЦЪ,
Дѣйстви. Чл. Об.

ЗАМѢТКИ НА СТАТЬЮ:**«НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ Р. АРГУНИ».**

Статья г. Кашина заключаетъ въ себѣ совершенно новыя свѣдѣнія объ истокахъ р. Аргуни и ея теченіи, до соединенія съ р. Шилкою.

Взглядъ на топографію долины Аргуни и описаніе особенностей этой рѣки вообще вѣрны; но г. Кашинъ не имѣлъ у себя подъ рукою средствъ повѣрить собранныя имъ свѣдѣнія.

Сличивъ настоящее описаніе Аргуни съ дневниками: Ланге 1736 г., Жербиліона 1699 г., картами и съемками, имѣющимися въ управленіи генеральнаго штаба, я полагаю не безполезнымъ сдѣлать слѣдующія дополненія къ статьѣ г. Кашина:

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что р. Керулынъ или Херлонэ (такъ называютъ ее калхасцы) составляла одну рѣку во время 8-го путешествія іезуита Жербиліона; онъ имѣлъ все средства собрать самыя вѣрныя объ ней свѣдѣнія и передалъ ихъ намъ въ своемъ дневникѣ, а оттуда перешли свѣдѣнія эти и въ наши географіи.

Со времени путешествія Жербиліона прошло безъ малаго 200 лѣтъ; въ этотъ промежутокъ времени, могла измѣниться и топографія страны и теченіе рѣкъ.

Кяхтинская торговля, основанная Буринскимъ трактатомъ, привлекла изъ Пекина къ большому пути, въ Маймачинъ, множество кочеваго и осѣдлаго народа. По дорогѣ отъ Кяхты къ Ургѣ найдено въ прошломъ году множество обработанныхъ полей съ ирригаціонными каналами, свидѣтельствующими о бывшемъ здѣсь народонаселеніи. Этотъ приливъ населенія и разработка земли повлекли за собою истребленіе лѣсовъ, которое и есть главнѣйшая причина уменьшенія водъ въ р. Керулынъ, берущій начало близъ большаго торговаго пути, въ пологихъ, привольныхъ для скотоводства и земледѣлія, отрогахъ Малаго Кентея, носящихъ разныя частныя названія: Хинганъ-дабанъ и Терелки-дабанъ и Кейтуганъ. Рѣка Керулынъ, по словамъ Жербиліо-

на, имѣла весьма тихое теченіе и мѣстами до 2 ф. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ настоящее время она мѣстами совсѣмъ пересыхаетъ, если принять въ соображеніе, сверхъ вышесказаннаго, что $\frac{3}{4}$ теченія Керулына сопровождаются равниною совершенно песчаною и безлѣсною; что по берегамъ рѣки лежатъ подвижные бугры песку, пересыпаемаго вѣтромъ, отъ чего дно рѣки постоянно возвышается, а поверхность ея становится шире, и затѣмъ увеличивается расходъ воды на испаренія. Все это вмѣстѣ повлекло за собою значительное пониженіе уровня воды и въ Далай—норѣ.

Нужно ѣхать 7 дней, а въ день дѣлать отъ 60—70 ли, чтобы кругомъ объѣхать это озеро; наибольшая длина его 200 ли, берега, какъ и всѣ окрестности, песчаны. Горы прикрываютъ озеро отъ вѣтровъ съ сѣвера и востока, а съ юга и запада вѣтры свободно пересыпаютъ песокъ съ мѣста на мѣсто, чрезъ что постепенно возвышались сѣверныя и восточныя окраины озера; а потому и старое русло Аргуни, отъ пониженія уровня воды въ Далай—норѣ и отъ постепеннаго возвышенія окрестной почвы, обмелѣло и высохло.

На картѣ Китая, составленной іезуитами, показаны два рукава, которыми Аргунь выливалась изъ озера, и одинъ изъ нихъ еще въ то время былъ означенъ пунктиромъ, что означаетъ, по общепринятымъ условнымъ знакамъ на картахъ, сухую протоку.

Далай—норѣ очень мелокъ. Еще Жербиліонъ видѣлъ на немъ голыя песчаныя банки, въ видѣ острововъ; при немъ рыбаки отходили отъ берега на 5—6 ли, чтобы достигнуть глубины 3 футовъ. При такомъ мелководіи, въ знойные дни, солнце нагревало воду до дна и значительно увеличивало расходъ воды на ночныя испаренія.

Почтенный іезуитъ, во время своихъ путешествій, извѣдывалъ проходимую имъ страну со всею тщательностію, не упуская изъ виду никакихъ мелочей; онъ говоритъ, что рыбаки, ловившіе рыбу въ Далай—норѣ, поймали 3—4 карпа и не значительное число мелкой рыбы, значитъ, въ его время, въ озерѣ

было очень мало рыбы; теперь же оказывается ее тамъ очень много, тогда какъ въ Аргуни, напротивъ, уловъ рыбы съ каждымъ годомъ становится бѣднѣе. Натуральною причиною этому можно допустить разъединеніе рр. Керулына и Аргуни: рыба не имѣетъ выхода изъ озера. Это разъединеніе рѣкъ имѣло вліяніе и на пониженіе уровня рѣки Амура.

За симъ остается еще нѣсколько мелочей, которыми можно пополнить статью г. Кашина.

Озеро Боирь—норъ отъ Далай—нора отстоитъ не на 10, а на 65 верстѣ.

Рѣка Уршунъ (не вытекаетъ изъ окрестностей Абагайтуй) есть протока, соединяющая озеро Боирь и Далай.

Ланге переѣзжалъ р. Хайларъ въ бродъ и не видѣлъ на ней камышу.

Точка соединенія Хайлара съ Аргуною отстоитъ отъ озера Далай—норъ не на 40 верстѣ, а не болѣе какъ на 25 верстѣ.

Котловина Хайлара, сколько можно заключить изъ дневника Ланге, представляетъ мѣстность степную, безлѣсную, а не болотистую.

Отъ Цурухайтуй въ направленіи къ г. Хайлару мѣстность ровная, безлѣсная, съ отдѣльно стоящими возвышенностями; далѣе вверхъ по р. Хайлару постепенно замѣчаются предгорія Хингана, перевалы изъ одной долины притоковъ Хайлара въ другую высоки и круты.

Изъ притоковъ лѣвой стороны Аргуни поименованы г. Кашинымъ безъ различія рѣки, рѣчки и ручейки; изъ притоковъ же правой стороны названы только важнѣйшіе и не достаетъ р. Язовки, впадающей въ Аргунь 10 верстѣ выше Усть—стрѣлочнаго караула; р. Хамунъ вѣроятно названа на нашихъ съемкахъ Ума.

На правомъ берегу Аргуни растутъ: дубъ, орѣшникъ и ильмовникъ, говоритъ г. Кашинъ; но Ланге до прохода Ялу называетъ, изъ растущихъ здѣсь деревьевъ, березу, большею частию черную, осину и тополь; онъ постоянно нуждался на ноч-

легахъ въ топливѣ. На восточныхъ скатахъ Хингана растутъ липа и ильмовникъ.

Во время бытности Ланге, въ р. Хошларѣ ловились карпы, щуки и таймени.

Конечно, все упомянутое не составляетъ особенно важныхъ замѣтокъ; для точнаго изслѣдованія вообще при-аргунскаго края нужны болѣе солидныя изслѣдованія, которыя могутъ совершиться только при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

К. БУДОГОССКІЙ,

Дѣйствительн. членъ.

VI.

КАЙБАЛЫ.

Недавно, по распоряженію главнаго начальства Восточной Сибири, уничтожена кайбальская степная дума, завѣдывавшая кайбалами, небольшимъ племенемъ кочевыхъ инородцевъ, обитающихъ въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи. Пять ихъ родовъ причислены по мѣстамъ кочевьевъ къ вѣдомству Сагайскихъ татаръ, а два къ вѣдомству Качинскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что пройдетъ десятокъ, другой лѣтъ, и имя кайбаловъ, какъ отдѣльнаго племени, исчезнетъ изъ памяти народа, какъ исчезли имена катовъ, ариновъ, асановъ, и другихъ инородцевъ, которыхъ едва-едва успѣла замѣтить исторія. По этому я считаю не лишнимъ сказать теперь нѣсколько словъ объ этомъ племени.

Кайбалы считаютъ себя старожилами верхней части долины Енисея или Кайбальской степи. По ихъ сказаніямъ, они жили здѣсь тогда, когда въ верховьяхъ Енисея кочевали киргизы, борвшіеся въ теченіи всего XVII вѣка съ нашими завоевателями, и вытѣсненные въ началѣ XVIII ст. въ предѣлы Китая. Въ старинныхъ актахъ, земля ихъ постоянно называется Кайбальскою землею. На владѣніе ею, въ царствованіе Императрицы

Екатерины II, имъ выдана была особая владѣйная грамота. Она хранилась у одного изъ родоначальниковъ и сторѣла вмѣстѣ съ его юртою. Кромѣ Кайбальской степи, два рода кайбаловъ изъ стари владѣли землями на правой сторонѣ Енисея, по рѣчкѣ Салбѣ, впадающей въ Тубу.

Кайбальская степь есть продолженіе Сагайской степи, широко раскинувшейся между рѣками Абаканомъ и Енисеемъ. Къ сѣверу она ограничивается рѣчкой Аскызомъ, къ югу горою Иттемъ и предгорьями Омай—Туры. По приблизительному измѣренію, сдѣланному въ 1772 году, ширина ея болѣе не простирается, какъ на 12 географ. миль или на 80 верстѣ. Она болѣе ровна, нежели возвышенна, и менѣе обильна травою, чѣмъ Сагайская степь. Выразиться объ ней такъ, какъ выразился г. Степановъ (*) и именно, что эта степь покрыта густою, высокою травою, кустами и перелѣсками—не возможно. Напротивъ, должно даже сказать, что это каменистая степь, хотя и она заключаетъ въ себѣ самую удобнѣйшую пищу для скота и защиту отъ солнца, потому что, какъ справедливо говорить на этотъ разъ тотъ же писатель, въ низкомъ западномъ хребтѣ (Сабинскомъ) слоистые утесы краснаго песчаника образуютъ природныя кровы и помѣщенія для табуновъ и стадъ, а на самой равнинѣ и въ долинахъ хребта растутъ въ изобиліи солонцоватыя травы, лакомыя для скота и полезныя для его утучненія. Южная оконечность этой степи—гора Иттемъ, или Этемъ, и предгорья Омай—Туры, обнажаютъ только гранитъ, склоняющійся огромными массами на востокъ и отчасти на югъ. Изъ разсѣлинъ этихъ горъ вытекаетъ семь или восемь рѣчекъ мелкихъ и быстрыхъ, впадающихъ въ Абаканъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ суть: Табать, Бея, Калы и Уты. Во время Палласа (въ 1772 г.), здѣсь сибирскіе крестьяне собирали ревенъ, который продавали въ аптеки. Теперь здѣсь этой промышленности не существуетъ, такъ какъ ревенъ, привозимый изъ Кяхты, далеко превышаетъ его добротою.

(*) Енисейская губернія. С. П. Б. 1835 г. ч. I, стр. 151.

Въ смыслѣ ботаническомъ, здѣшній ревень и привозимый изъ Кяхты принадлежатъ даже къ двумъ различнымъ родамъ. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе объ этомъ ботаника Сиверса, путешествовавшего здѣсь въ концѣ прошлаго вѣка, для отысканія настоящаго китайскаго ревеня. Впрочемъ и здѣшній ревень годенъ къ употребленію: инородцы и русскіе крестьяне пользуются имъ отъ многихъ болѣзней и, между прочимъ, отъ цынги. Около рѣчекъ, по крутымъ берегамъ, здѣсь растеть дикая конопля, высокая и крупная стволемъ, съ узкими и длинными листьями. Она покрываетъ здѣсь мѣстами довольно значительныя пространства. Попадаетя иногда дикій ленъ, дикая гречиха (карлыкъ), съ весьма мелкими сѣменами, употребляемыми инородцами въ пищу и сибирская акація или бобовникъ, лыко которой изъ нужды размочаливается, вьется какъ веревка и употребляется для домашнихъ надобностей. Лѣсъ видѣется только вдали на горахъ. Лѣтомъ, въ сильныя жары, Кайбальская степь кажется пустынною и безжизненною: земля трескается, ручьи пересыхаютъ, опушающіе ихъ кустарники блекнутъ. Но въ особенности она пустынна и безжизненна около мѣстъ, облегающихъ Бейское соляное озеро, находящееся между рѣчками Беей и Утами, и имѣющее въ окружности около—3 версты, изъ котораго, Впрочемъ, казна никогда не пользовалась солью. По этому бываешь необыкновенно радъ, когда дорога, выходя изъ глубины степи, приближается къ горамъ, между которыми кайбалы теперь преимущественно и распахиваютъ землю. У подошвы скалъ Омай—туры и Иттема появляется даурскій рододендронъ или багульникъ, поднимающійся до высоты 5 футовъ. Нѣкогда по Кайбальской степи бродили огромныя табуны дикихъ лошадей; но ужъ во время Пестерева, бывшаго здѣсь въ 1780 году, они одомашнились. Вообще, отъ старыхъ нашихъ путешественниковъ по Сибири извѣстно, что на Кайбальской степи было нѣкогда множество драхвъ, вѣсь которыхъ иногда простирался до полупуда, лебедей, большихъ куликовъ, и т. п. Степановъ, въ своемъ описаніи Енисейской губерніи, нечисляя породы птицъ, которыя въ ней водятся, вовсе не упоминаетъ о драхвѣ. Между тѣмъ, большія стада ихъ и теперь попадаются въ Кайбальской

степи. Тоже должно сказать и о куликахъ. Но лебедей мнѣ здѣсь никогда не случалось видать, несмотря на многократные мои разъѣзды по степи. Впрочемъ, это птица водная, а здѣсь воды очень мало.

Въ настоящее время въ Кайбальской степи находится уже нѣсколько русскихъ селеній. Таковы деревни: Означенная, Камы, Табинская и село Бея. Кромѣ того, на земляхъ, уступленныхъ кайбалами казакамъ енисейскаго коннаго казачьяго полка, предполагено устроить Алтайскій казачій форпостъ.

Мѣстность по Салбѣ, гдѣ кочуетъ такъ же два рода кайбаловъ, представляетъ ту же самую характеристику, какъ и Кайбальская степь, кромѣ того только, что она менѣе камениста, а потому болѣе удобна для хлѣбопашества. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она покрыта остатками древнихъ могилъ и зарастаетъ березникомъ. Здѣсь такъ же, почти подлѣ самыхъ кочевьевъ кайбаловъ, устроилась русская деревня Верхне—Салбинская. Она населена переселенцами изъ внутреннихъ губерній.

Земли кайбаловъ неизмѣрены. По официальнымъ свѣдѣнiямъ, весьма невѣрнымъ, ихъ показывается до 11,000 десятинъ, изъ которыхъ будто бы болѣе половины находится подъ лѣсами, водами и болотами. Въ дѣйствительности, земли ихъ не сравненно обширнѣе.

Кайбалы или койбалы, называющіе сами себя кайба или койба, получили свое названіе, какъ должно полагать, отъ имени одного изъ своихъ князевъ. Незадолго до завоеванія этихъ мѣстъ русскими, они состояли изъ нѣсколькихъ родовъ. Одни изъ нихъ вмѣстѣ, съ киргизами (хакасъ), ушли на западъ, въ предѣлы Китая, и были у нихъ въ совершенномъ порабощеніи, какъ племя малосильное. Поэтому русскіе, въ первое время завоеванія, называли кайбаловъ киштымскими татарами, отъ слова *киштымъ*, что, по объясненію Клапрота, значитъ рабъ, слуга. Баккаревичъ, составлявшій по Высочайшему повелѣнію Статистическое обозрѣніе Сибири (въ 1810 г.), различаетъ киштым-

скихъ татаръ отъ кайбаловъ, относя первыхъ къ татарскому племени, а вторыхъ къ самоедскому. Замѣчательно, что въ настоящее время фамилія Киштымъ встрѣчается еще между качинскими татарами, но ни гдѣ между кайбалами. Въ нарѣчіяхъ здѣшнихъ татаръ оно имѣетъ нѣсколько другое значеніе, нежели рабъ или слуга.

Паласъ и Пестеревъ нашли жилища кайбаловъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они находятся и теперь, — въ степи между Енисеемъ и Абаканомъ, подъ вѣдѣніемъ Красноярскаго воеводства. Вотъ роды ихъ по Паласу: 1) Таражакъ—32 лука, или плательщика ясака, 2) Большой Байкатовъ—36 душъ; 3) Карнатъ 32 души; 4) Ургень 30 душъ, всего 130 работниковъ; да на востокъ отъ Енисея: 5) Архуповъ (Архиповъ?) 23 души; 6) Шилековъ 15 душъ; 7) Аскосовъ 8 душъ; 8) Кольскій 16 душъ и 9) Ангоровъ 31 душа, всего 93 работника. Георги прибавляетъ еще къ нимъ 5 маторскихъ родовъ, и считаетъ всего между кайбалами 415 работниковъ. При открытіи Енисейской губерніи, въ 1822 г., ихъ было 7 родовъ, подъ тѣми названіями, которыя будутъ поименованы ниже, въ числѣ 862 душъ мужскаго пола; въ 1835 году, по свидѣтельству Степанова, было 594 души; во время послѣдней ясачной коммисіи, въ 1843 году, по свидѣтельству Щукина, 635 душъ и, наконецъ, во время уничтоженія Кайбальской степной думы, въ 1858 году—672 души мужскаго пола. Въ послѣднее время ихъ считалось 7 родовъ: 1) Таражакъ или Таражаковъ; 2) Коель или Кольскій; 3) Буйгаджи или Абугачаевъ; 4) Аръ или Арши; 5) Большой Байгудъ или Больше—Байкатовскій; 6) Кичикъ или Мало—Байкатовскій и 7) Хайдыпаръ или Кандыковъ. Два послѣдніе рода причислены теперь къ вѣдомству качинскихъ татаръ, а всѣ остальные къ вѣдомству сагайскихъ, подъ именемъ—первые два Салбинскаго Кайбальскаго рода, а всѣ остальные подъ именемъ Больше—Кайбальскаго рода. Причиною такого соединенія родовъ было желаніе со стороны мѣстнаго начальства сократить издержки инородцовъ по внутреннему управленію, на содержаніе старшинъ

или князцовъ, на разъѣзды ихъ по кочевьямъ и т. п. издержки, существованіе которыхъ относится къ весьма давнему времени.

Кромѣ этого общаго раздѣленія, каждый родъ кайбаловъ имѣетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ имѣть особыя подраздѣленія. Названія нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма любопытны. Такъ напри- мѣръ: въ родѣ Таражакъ есть подраздѣленіе Маторъ; въ Коель-Цигра; въ родѣ Хайдынаръ—Бельтеръ.

Поколѣніе Маторъ, Матъ, Маторъ—Аймакъ извѣстно и те- перь еще въ Китаѣ. Между соіотами, кочующими близъ нашей границы на Кемкемчикъ—Бомъ, есть два рода, изъ которыхъ одинъ называется Багари или Багаринъ, а другой Матларъ или Маттаръ. Въ предѣлахъ южной части Енисейской губерніи, ма- торы кочевали нѣкогда близъ горы Камыш-тагъ, по рѣчкѣ Та- яте, которая впадаетъ въ Тубу. Наши завоеватели познакоми- лись съ ними и принудили ихъ платить ясакъ съ 1609 года. Впрочемъ и послѣ этого часто случалось, что они приставали къ безпокойнымъ киргизамъ. Весьма вѣроятно, что соіотскій родъ Матларъ или Маттаръ есть ничто иное, какъ часть маторовъ, кочевавшихъ нѣкогда въ Минусинскомъ округѣ и уведенныхъ съ собой киргизами. Какъ это, такъ и свирѣпствовавшая между ними оспа, такъ опустошила этотъ народецъ, что при бывшей въ 1760 году народной переписи положено было въ подушный окладъ только 30 душъ. Нѣкоторые изъ нихъ перешли къ ка- чинцамъ, а нѣкоторые къ кайбаламъ. Почему г. Степановъ го- воритъ, что всѣ они причислены къ Качинскому родоначалию, — неизвѣстно. Въ Минусинскомъ округѣ они оставили свое имя двумъ мѣстностямъ—Маторской степи, находящейся близъ ны- нѣшней Каратузской казачей станицы, гдѣ они кочевали еще во время Степанова, и рѣчкѣ Матуръ, протекающей близъ гра- ницы Бійскаго округа. Въ сказкахъ сагайскихъ татаръ очень часто упоминается объ одномъ богатырѣ, по имени Маторъ или Матуръ.

Названіе Ингра напоминаетъ слово Югра, отъ котораго произошли слова Югры и Венгры.

Названіе бельтиръ показываетъ, что между кайбалами во- дворилась часть бельтировъ, составляющихъ теперь довольно значительную часть Сагайскаго родоначалія. Объ нихъ помѣ- щена моя статья въ V книжкѣ Записокъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества.

Палласъ находитъ кайбаловъ различными отъ другихъ та- тарскихъ племень, не столько по одеждѣ и образу ихъ жизни, сколько по происхожденію, языку и наружному облику. Ихъ лица походятъ на лица тунгусовъ; такъ они плоски, круглы и нѣсколько бородаты. По мнѣнію Риттера, Палласъ глубокомысле- ленно относитъ этотъ народецъ къ самоедскому племени въ вер- шинахъ Енисея. Палласъ въ этомъ отношеніи соглашался съ Фишеромъ о финнскомъ поколѣніи кайбаловъ. Многие писатели слѣдовали этому авторитету, пока не вооружился противъ него Степановъ, въ своемъ описаніи Енисейской губерніи. На ос- нованіи того, что кайбалы его времени говорили тѣмъ же язы- комъ, какимъ сагайскіе и качинскіе татары, онъ утверждаетъ что кайбалы—татары. «Языкъ, обычаи, древнѣйшее пребываніе на одномъ урочищѣ, рука объ руку съ другими татарами, древ- нѣйшая извѣстность имени кайбаловъ не только жителямъ, но и всѣмъ ордамъ соплеменнымъ, заставляють, говоритъ онъ, каж- даго и всякаго, кто только, путешествуя въ тѣхъ мѣстахъ, за- хочетъ обратить самое обыкновенное вниманіе на окружающіе предметы, признать кайбаловъ за поколѣніе татарское». Одна- кожъ, едва ли не лучшій судья въ этомъ дѣлѣ Кастрень. Онъ нахо- дилъ, что три рода кайбаловъ остяцкаго происхожденія, а всѣ прочіе самоедскаго. Онъ нашелъ даже стариковъ, помнившихъ нѣсколько словъ прежняго своего языка. Теперь всѣ кайбалы совершенно отатарились.

Уже во время Палласа почти всѣ кайбалы были христіане и оставили свои старые языческіе обычаи, хотя въ иныхъ случаяхъ прибѣгали еще къ своимъ шаманамъ. Изъ дѣлъ видно, что при открытіи Енисейской губерніи, изъ числа всѣхъ 862 душъ мужескаго пола кайбаловъ, не крещеныхъ считалось 184

души. Но уже Пестовъ (*) говоритъ, что въ его время они были все крещены. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ случаѣ болѣзней, падежа скота и т. п. кайбалы и теперь прибѣгаютъ за помощью къ шаманамъ,

Во время Паласа кайбалы занимались звѣроловствомъ, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

На звѣроловство кайбалы обыкновенно отправлялись два раза въ годъ, весною и осенью на востокъ отъ Енисея, къ источникамъ Ои и Тубы, въ снѣговья, покрытыя дремучей тайгой горы, (Таскылъ, ах-таскылъ, у маторовъ-Бейга). Въ первый разъ это бывало въ мартѣ мѣсяцѣ, когда на снѣгу дѣлался уже настъ, — за сохатыми, оленями, козами; во второй, въ августѣ и послѣдующихъ мѣсяцахъ, — за соболемъ, бѣлкою, бобримъ и т. п. Ясакъ они оплачивали преимущественно оленьими и козлиными шкурами, а соболя сбывали въ частныя руки и вырученными за него деньгами уплачивали недостатокъ ясака, если онъ случался. Вообще кайбалы считались хорошими звѣроловами. Тоже самое можно сказать о звѣропромышленности ихъ и въ настоящее время. Теперь свой ясакъ они почти всегда уплачиваютъ деньгами.

Землю, во время Паласа, кайбалы воздѣлывали сибирскимъ плугомъ или сабаномъ и засѣвали хлѣба даже болѣе, нежели сколько нужно его было имъ самимъ: избытки свои они продавали другимъ татарамъ. Теперь почти все кайбалы имѣютъ хлѣбопашество и засѣваютъ, какъ видно изъ официальныхъ отчетовъ, до пятисотъ десятинъ. Хлѣбъ сѣется преимущественно яровой и идетъ только на продовольствіе однихъ инородцевъ.

Георги зналъ кайбаловъ, у которыхъ были стада до 100 лошадей и по стольку же крупнаго и мелкаго рогатаго скота; у нѣкоторыхъ были даже верблюды, и это была, вѣроятно, самая сѣверная граница, до которой доходило разведеніе этихъ животныхъ. Пестовъ, издавшій свои записки объ Енисейской губерніи въ 1833 г., совершенно не справедливо говоритъ, что буд-

(*) Записки объ Енисейск. губерніи Москва. 1833 г. стр. 87.

то-бы верблюды водились у кайбаловъ и въ его время. Напротивъ никто даже и не помнитъ, когда они здѣсь перевелись. Нынѣ кайбалы довольно бѣдные скотоводы. Причина этому отчасти бывшіе прежде падежи скота, отчасти преимущественное занятіе хлѣбопашествомъ; но главнѣе всего—свойственная всѣмъ инородцамъ лѣность въ заготовленіи корму для скота. Какъ во время Паласа, такъ и теперь, сѣно на зиму кайбалы заготавливаютъ только для больнаго скота; здоровый же цѣлую зиму находится на подножномъ корму, истощается и очень часто гибнетъ.

О древнихъ обычаяхъ кайбаловъ Паласъ не находитъ сказать ничего особеннаго. Жили они тогда въ обыкновенныхъ юртахъ, но у многихъ были деревянные зимники. Теперь у многихъ кайбаловъ есть прекрасные дома. Кайбальская деревня Уты, гдѣ до послѣдняго времени находилась степная дума, ни чѣмъ не отличается отъ порядочныхъ русскихъ деревень. Наряды женщинъ, и особенно головной уборъ, показывали любознательному путешественнику многое заимствованное у монголовъ. Теперь и то и другое точно такое же, какъ у всѣхъ прочихъ минусинскихъ татаръ. Своихъ покойниковъ они хоронили въ землѣ, а мертвыхъ дѣтей, по обычаямъ бельтировъ, сажали на деревья. Нынѣ о послѣднемъ обыкновеніи нѣтъ и помину. Вообще должно сказать, что теперь кайбалы такъ отатарились, какъ замѣчено выше, что говорить объ ихъ образѣ жизни, нравахъ, обычаяхъ и т. п., значило бы говорить о существованіи того же у всѣхъ минусинскихъ татаръ. Это я постараюсь сдѣлать въ другой разъ.

КНЯЗЬ Н. КОСТРОВЪ,

Членъ—Сотрудникъ.

VIII

ШУШЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ МИНУСИНСКАГО ОЪРУГА.

До 1822 года, или до открытія Енисейской губерніи, нынѣшняя Шушенская волость Минусинскаго округа называлась Минусинскою волостью, потому что волостное правленіе ея находилось въ селѣ Большая Минуса, которое переименовано потомъ городомъ. Въ то время Шушенская волость состояла изъ 3 селъ и 14 деревень, съ 1718 душами мужескаго пола.

Шушенская волость тянется съ сѣвера на югъ, отъ самаго города Минусинска до китайской границы. Начинаясь сейчасъ за чертою городскаго выгона, она къ востоку прилегаетъ къ Тесинской волости, а къ западу къ землямъ инородцевъ разныхъ вѣдомствъ. Вся южная часть ея, покрытая дремучими тайгами, упирается въ Китайскую Монголію.

Какое пространство земли занимаетъ Шушенская волость — неизвѣстно, такъ какъ она еще не обмежевана надлежащимъ порядкомъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ, впрочемъ весьма сомни-

тельнымъ, въ ней считается до 110.000 десятинъ, изъ которыхъ болѣе половины подъ лѣсами и водами. Пашенной и сѣнокосной земли показывается по 10 тысячъ десятинъ каждой.

Поверхность площади, занимаемой Шушенскою волостью, на югѣ покрыта довольно значительными горами, отдѣляющими ее отъ Монголіи. Въ нашихъ географіяхъ эти горы называются вообще Саянскими, а одна изъ нихъ отрасль Сабинскими. У мѣстныхъ жителей они носятъ одно общее татарское названіе—Ахтаскыль, то есть Бѣлогорье, Альпы, потому что высочайшія изъ нихъ почти цѣлый годъ покрыты снѣгомъ. Ни связь этихъ горъ съ другими горами, ни протяженіе ихъ, ни возвышеніе надъ уровнемъ моря, ни даже самый составъ не изслѣдованы какъ должно и обѣщаютъ въ будущемъ богатую жатву для науки. Бѣлогорье, болѣею частію, покрыто сплошною тайгой, главнымъ пріютомъ пушнаго звѣря въ настоящее время; только подходя къ китайской границѣ, оно дѣлается малолѣснымъ. У перваго нашего селенія къ Монголіи, Означеннаго, собственно горы (Ахтаскыль) окончиваются и только въ видѣ небольшихъ холмовъ покрываютъ остальную часть Шушенской волости, площадь которой, по направленію къ сѣверу, постепенно склоняется. Эти холмы идутъ грядами по различнымъ направленіямъ, оставляя между собою, въ особенности на лѣвой сторонѣ Енисея, обширныя ровныя пространства, почти совершенно безлѣсныя, которыя здѣсь называютъ степями и которыя въ настоящее время составляютъ главный пунктъ скотоводства въ Минусинскомъ округѣ. На правой сторонѣ Енисея подобныя долины удобны для хлѣбопашества. Здѣсь почва земли болѣею частію черноземъ, на которомъ хлѣбъ родится очень хорошо; но въ Шушенской волости скотоводство далеко пересилило хлѣбопашество, потому что солонцоватыя степи лѣваго берега Енисея представляютъ жителямъ всевозможныя выгоды къ развитію этой отрасли хозяйства.

Вся площадь Шушенской волости пересѣкается поперекъ рѣкою Енисеемъ, которая начинаетъ быть судоходною сейчасъ послѣ появленія ея изъ Саянскихъ горъ. Изъ притоковъ этой

знаменитой рѣки, начало которой положительно неизвѣстно, можно указать на Усь, замѣчательную тѣмъ, что въ тайгахъ, сопровождающихъ берега этой рѣки, весьма много всякаго звѣря, а въ водахъ ея рыбы. Тоже самое должно сказать и о другомъ значительномъ притоцѣ Енисея, рѣкѣ Оѣ. О небольшихъ рѣчкахъ, протекающихъ по Шушенской волости, какъ неимѣющихъ для жителей никакого особеннаго значенія ни въ какомъ отношеніи, здѣсь не упоминается.—Нѣкоторая часть Шушенской волости прилегаетъ также къ рѣкѣ Абакану, съ вершины которой жители пользуются лѣсомъ. Усь, Оя и Абаканъ—рѣки не судоходныя: по нимъ можно только сплавлять плоты.

Изъ прѣсныхъ озеръ, находящихся въ Шушенской волости, можно упомянуть только о двухъ: Черномъ и Карасьемъ. Первое лежитъ на самой Китайской границѣ, весьма обширно и окружено со всѣхъ сторонъ тайгами; изъ него вытекаетъ рѣка Усь. Второе находится верстахъ въ 20 отъ деревни Лугавской и окружено почти не проходимыми топями и болотами. Оба эти озера довольно глубоки и богаты рыбою; но изъ Чернаго крестьяне пользуются весьма мало, по отдаленности его отъ жилыхъ мѣстъ и по трудности сообщеній. Кромѣ того, здѣсь еще два соляныхъ озера: Бейское, близъ села Бейскаго и Тагарское—не далеко отъ города Минусинска. Соль какую можно бы было, при особыхъ усиліяхъ, вываривать изъ этихъ озеръ, какъ дозволено по опыту, никуда не годится.

Хотя хребетъ Ахтаскыла, со всѣми его развѣтвленіями, совершенно еще не изслѣдованъ, однакожъ достаточно одного бѣглаго взгляда, что бы убѣдиться, что онъ почти вездѣ изобилуетъ гранитами разнаго рода. Выше Арбатской казачьей станицы, на Абаканѣ, есть агаты и яшмы разныхъ цвѣтовъ, а на Енисеѣ, выше деревни Означенной, сѣрый порфиръ, зеленая полосатая яшма и отличный горный мраморъ, въ смѣшеніи съ бѣлымъ и оливковымъ. Попадается также мраморъ зеленый, дикій и чорный съ красными пятнами. По берегамъ Абакана и впадающей въ него рѣчки Арбаты, находится глина голубая, красная и желтая, а по Енисею—чорная.

Изъ рудъ въ Шушенской волости извѣстны: превосходная желѣзная, не далеко отъ Арбатской станицы, по Абакану, и мѣдная, на лѣвой сторонѣ Енисея, близъ деревни Іудиной. Изъ этого мѣста мѣдная руда нѣкогда доставлялась на Лугажскій мѣдноплавильный заводъ, существовавшій въ старину верстахъ въ осьми отъ села Лугажскаго, близъ Минусинска. Наконецъ, въ Шушенской волости, на правой сторонѣ Енисея, верстахъ въ 25 отъ села Ермаковскаго, есть одинъ золотой пріискъ, впрочемъ самаго ничтожнаго содержанія.

Выше замѣчено, что хребетъ Ахтаскыла покрытъ сплошною тайгою. Эта тайга состоитъ изъ лиственницы, ели, сосны, пихты, гигантскаго тополя, березы, осины и разныхъ мелкихъ кустарниковъ. Тѣже самыя породы деревьевъ растутъ почти повсемѣстно въ Шушенской волости. Изъ дикорастущихъ кустарниковъ здѣсь должны быть замѣчены: дикая черешня, смородина черная, красная и бѣлая, крыжовникъ, акація, черемуха и т. п.

Въ тайгахъ Шушенской волости, изъ звѣрей водится медвѣдь, волкъ, лисица, барсукъ, соболь, довольно плохаго качества, рысь, выдра, бѣлка, дикая коза, мораль, олень и сохатый. Птицы преимущественно много болотной и водяной. Рѣки этой волости, особенно притоки Енисея, богаты разными породами бѣлой рыбы. Изъ красной иногда попадаетъ осетръ, но только въ одномъ Енисеѣ. Исчислять пресмыкающихся и насѣкомыхъ считаю излишнимъ, потому что всѣ они общи другимъ мѣстамъ Минусинскаго округа.

Климатъ Шушенской волости, несмотря на довольно южное положеніе ея, не постоянный и довольно суровый. Причиною этому вѣроятно хребты горъ, во многихъ мѣстахъ покрытые почти цѣлый годъ снѣгомъ. Весна начинается здѣсь не раньше апрѣля мѣсяца. Какъ апрѣль такъ и май бываютъ очень холодны, не рѣдко даже въ концѣ мая выпадаетъ довольно большой снѣгъ. Іюнь и іюль—лѣтніе мѣсяцы и пора сѣнокосная. Въ это время жаръ очень часто доходитъ до 35° по Р; грозы весьма обыкновенны и градъ не рѣдко выпадаетъ величиною съ

голубиное яйцо и больше. Въ началѣ августа начинается жатва хлѣба, а съ половины его становится уже чувствительно холодно, особенно по ночамъ. Въ сентябрѣ падаютъ иньи и бываютъ морозы, а съ половины сентября выпадаетъ иногда снѣгъ и начинается зима. Въ это время года, слѣдующее очень незамѣтно послѣ лѣта и оставляющее не замѣтно короткій промежутокъ для осени, морозы простираются, особенно въ декабрѣ и январѣ, до 30°, 35° и 40° по Р.—Снѣга выпадаютъ не глубокие, а на мѣстахъ степныхъ ихъ нѣтъ почти цѣлую зиму, потому что они постоянно сметаются вѣтрами, дующими съ горъ.

Въ настоящее время въ Шушенской волости считается 5819 душъ мужескаго пола и 5315 женскаго, всего 11134. Всѣ они отчасти крестьяне старожилы, отчасти переселенцы изъ внутреннихъ великороссійскихъ губерній, отчасти ссыльные и, наконецъ, отчасти осѣдлые инородцы.

При образованіи Шушенской волости, въ ней было всего 1718 душъ мужескаго пола. Слѣдовательно, съ 1822 года народонаселеніе въ ней увеличилось на 4101 душу мужескаго пола. Среднее число рождающихся, по приблизительной пятилѣтней сложности, простирается до 450 душъ мужескаго пола; среднее число умирающихъ до 250. Смертность въ особенности замѣтна между переселенцами изъ внутреннихъ губерній. Причиной ея должно полагать перемѣну климата и постоянныя лишенія разнаго рода, необходимо сопряженныя съ продолжительнымъ и утомительнымъ путемъ, который они дѣлаютъ, приходя въ Сибирь.

Всѣ села и деревни крестьянъ старожиловъ, переселенцевъ и поселенцевъ расположены на мѣстахъ удобныхъ, при рѣкахъ и рѣчкахъ. Особенно много селеній расположено по рѣкѣ Енисею, и это лучшая часть Шушенской волости. Деревни крестьянъ старожиловъ выстроены безъ плановъ и хотя содержатся въ примѣрной чистотѣ и исправности, однакоже безобразны и безпорядочны. Деревни переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній и поселенцевъ выстроены всѣ по планамъ, утвержденнымъ губернскимъ начальствомъ.

При разноплеменности населенія Шушенской волости, было бы трудно и даже не возможно въ краткомъ очеркѣ представить образъ его жизни и нрава. Здѣшніе крестьяне старожилы и во всемъ походящіе на нихъ осѣдлые инородцы во всѣхъ отношеніяхъ живутъ такъ, какъ и другіе крестьяне Минусинскаго округа и очерки ихъ быта легче всего могутъ быть представлены въ особыхъ общихъ статьяхъ. Что же касается до быта переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній и поселенцевъ, то онъ столь же разнообразенъ, сколько разнообразны мѣстности тѣхъ губерній, изъ которыхъ они прибыли сюда.

Не смотря на то, что весьма многія мѣста Шушенской волости очень удобны для хлѣбопашества, однако же оно составляетъ здѣсь только второстепенную отрасль промышленности, уступая первое мѣсто скотоводству, такъ какъ это послѣднее требуетъ гораздо менѣе труда со стороны поселнина. О правильномъ и сколько нибудь раціональномъ способѣ здѣсь хлѣбопашества не можетъ быть и помину: все дѣлается такъ, какъ дѣлалось при дѣдахъ и прадѣдахъ, лѣтъ за 100 и болѣе; удобреніе земли здѣсь неизвѣстно. Если земля выпахалась въ одномъ мѣстѣ, крестьянинъ пашетъ вновь и сѣетъ хлѣбъ на ней. Есть пашни, брошенныя съ незапамятныхъ временъ. Въ случаѣ недостатка нови, крестьяне расчищаютъ лѣса, въ особенности роши молодого березника. Для этого деревья подсушиваютъ, на корни такъ, что бы они совершенно высохли, потомъ сжигаютъ посредствомъ паловъ, а корни вырываютъ плугомъ. Употребительнѣйшія земледѣльческія орудія для приготовленія земли подъ пашни суть: соха—колесянка, родъ плуга, и борода съ желѣзными зубьями. Если хлѣбъ густъ, то его жнутъ, если же рѣдокъ и низокъ, то косятъ горбушами и литовками. Въ Шушенской волости сѣется преимущественно хлѣбъ яровой; озимовой же весьма мало. По официальнымъ свѣдѣніямъ, перваго засѣвается въ годъ до 2700 десятинъ, пшеницы до 1150, ячменя до 650 и овса до 1050; между тѣмъ, какъ озимовой ржи только до 1150 десятинъ. Средній урожай самъ 5 и самъ 6.

Кромѣ обсемененія полей, собственнаго своего продовольствія и

взноса установленной пропорціи хлѣба въ сельскіе экономическіе магазины, крестьяне Шушенской волости ежегодно продаютъ его до 30 тысячъ пудовъ на золотые промысла Минусинскаго округа и до 50 тысячъ въ другіе округа, преимущественно Красноярскій и Енисейскій, сплавляя его по Енисею. Въ 1856 году, по случаю не слишкомъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ на мѣстѣ, нѣкоторые предприимчивые крестьяне сплавляли его отсюда даже до Туруханска, слѣдовательно на всемъ пространствѣ теченія Енисея въ Сибири.

Сельскіе запасные магазины Шушенской волости обезпечены хлѣбомъ весьма достаточно: въ нихъ находится озимоваго хлѣба до 6 тысячъ четвертей и яроваго до 1800 четвертей.

Изъ огородныхъ овощей жители Шушенской волости разводятъ, для домашняго употребленія, а отчасти и для продажи въ г. Минусинскѣ, огурцы, арбузы, рѣдьку, рѣпу, морковь, брюкву, капусту и т. п. Здѣсь разводится даже въ небольшомъ количествѣ табакъ, который идетъ для чернорабочихъ на золотые промысла.

Но самая важнѣйшая отрасль хозяйства Шушенскихъ жителей есть, безъ сомнѣнія, скотоводство. По официальнымъ свѣдѣніямъ, здѣсь считается лошадей до 12 т. головъ, рогатаго скота до 10 т. и овецъ до 12 т. Породы скота здѣсь самыя обыкновенныя и объ улучшеніи ихъ никто и не думаетъ. Какъ объ исключеніи изъ общаго правила, въ этомъ отношеніи должно упомянуть только о крестьянахъ деревни Іудиной. Лошади ихъ извѣстны по всему округу: снѣ орловской породы.

Въ Шушенской волости продается ежегодно лошадей на золотые промысла до 1000 головъ и до 2000 рогатаго скота.

Рыбная и звѣриная ловля приноситъ крестьянамъ Шушенской волости весьма мало дохода. И тою, и другою они занимаются только во время, свободное отъ другихъ занятій, и при томъ главнымъ образомъ для собственнаго своего продовольствія.

Многіе крестьяне—переселенцы Шушенской волости знаютъ плотничное мастерство, построеніе барокъ и столярную работу; но они занимаются ими весьма мало, такъ какъ должны устраивать собственныя свои жилища.

Въ селѣ Ермаковскомъ Шушенской волости въ 1856 году открыто, на пожертвованіи золотопромышленниковъ, приходское училище. Нынѣ въ немъ учащихся 2, а учащихся до 60 челов.

КНЯЗЬ КОСТРОВЪ,

Членъ—Сотрудникъ

IX.

БИРЮСЫ.

Въ IV книжкѣ «Записокъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества» была помѣщена статья моя о бельтирахъ, небольшомъ племени инородцевъ Минусинскаго края. Въ ней я старался опровергнуть многія, весьма важныя ошибки, допущенныя объ этомъ племени въ V томѣ Энциклопедическаго Лексикона изданія Плюшара. Составляя эту статью, я имѣлъ цѣлю показать, какъ даже въ серьезныхъ нашихъ сочиненіяхъ мы неосновательны и поверхностны, говоря о предметахъ, весьма близкихъ къ намъ. На нынѣшній разъ, съ такимъ же побужденіемъ, я намѣренъ разобрать другую статью того же изданія о бирюсахъ, такъ же небольшомъ племени сибирскихъ инородцевъ Минусинскаго края, которыхъ нынѣ подъ этимъ названіемъ уже не существуетъ здѣсь.

Вотъ статья Энциклопедическаго Лексикона (томъ IV стр. 38-39:). «Бирюсы, или Бирюскіе татары, кочуютъ въ Тобольской губерніи, при рѣкѣ Абаканѣ. Они раздѣляются на четыре аймака, изъ которыхъ Моекиской живетъ на высокихъ горахъ и всѣхъ скуднѣе. Всѣ аймаки управляются однимъ общимъ башлыкомъ, или старостою, который такую же должность исправля-

еть и у бельтировъ. Бирюсы платятъ ясакъ. Говорятъ Татарскимъ, но весьма испорченнымъ нарѣчіемъ. Одежда ихъ походитъ на Качинскую, только дѣлается по большей части изъ кожи. Звѣроловство составляетъ главный ихъ промыселъ. Принадлежатъ къ шаманскому вѣроисповѣданію. Въ прежнее время кочевали при рѣкѣ Бирюсѣ, впадающей въ нижнюю Тунгуску: неизвѣстно, отъ нихъ ли произошло названіе рѣки, или они получили отъ нея свое имя. При завоеваніи Сибири, они жили на горахъ около вершинъ Кондомы и платили иногда ясакъ, кромѣ русскихъ, еще зюнгарамъ, киргизамъ или китайцамъ, и оттого пришли въ бѣдность».

Статья эта принадлежитъ г. Языкову, извѣстному своими изысканіями по части русской старины. Удивительно, какъ г. Языковъ, читавшій навѣрно нашихъ старинныхъ путешественниковъ по Сибири: Палласа, Гмелина, Георги и др., не воспользовался ихъ указаніями, чтобъ избѣжать тѣхъ грубыхъ ошибокъ, которыя допустилъ въ нѣсколькихъ строкахъ о бирюсахъ.

Бирюсы, нынѣ уже не существующіе, какъ замѣчено выше, подъ этимъ названіемъ принадлежали къ восточно—тюрскому племени. Первоначально они кочевали на восточной сторонѣ Енисея у рѣки бирюсы, составляющей нынѣ на нѣкоторомъ пространствѣ границу между Енисейской и Иркутской губерніями. Если принять въ руководство атласъ 1745 года, то эта рѣка дѣйствительно впадаетъ въ Нижнюю Тунгуску или Ангару; но въ настоящее время эта Нижняя Тунгуска постоянно называется Верхнею, а наименованіе Нижней приписывается той Тунгускѣ, которая впадаетъ въ Енисей, не много выше Туруханска, у Туруханскаго Троицкаго монастыря, почему и имѣетъ еще названіе Монастырской. Бирюсы ли получили свое имя отъ рѣки, близъ которой обитали, или она отъ нихъ, — вопросъ почти не разрѣшимый. Но дѣло въ томъ, что они должны были оставить берега ея, вытѣсненные, вѣроятно, болѣе сильнѣйшими финскими племенами, камачинцами и карагасами, которые всѣ

тайги по бирюсѣ всегда считали своею наследственною собственностью. На самой бирюсѣ мнѣ случалось даже слышать объ этомъ преданіе отъ самыхъ карагасовъ, хотя они и не могли припомнить названіе народа, который они когда—то выжили изъ своихъ мѣстъ. Перейдя огромные хребты горъ, топи и дремучія тайги, бирюсы удалились на юго—западъ и поселились въ каменныхъ горахъ у источниковъ Мрасы и Кондомы, въ нынѣшнемъ Кузнецкомъ округѣ, Томской губерніи. Здѣсь пробивались они съ горемъ пополамъ, занимаясь только звѣроловствомъ. Какъ племя малосильное, они принуждены были платить ясакъ то намъ, то киргизамъ, то зюнгорцамъ. Платили ли они въ тоже время ясакъ китайцамъ, — дѣло сомнительное. Такое стѣснительное положеніе вынудило нѣкоторую часть ихъ оставить свои горы и спуститься въ долины рѣчекъ Таштыпа и Теи, на земли бельтировъ. Эти двѣ рѣчки впадаютъ въ Абаканъ, вершина котораго въ Томской губерніи, а все теченіе въ Енисейской. Показаніе Энциклопедическаго Лексикона, сдѣланное въ 1836 г., что бирюсы кочуютъ при рѣкѣ Абаканѣ въ Тобольской губерніи, имѣло смыслъ развѣ тогда только, когда мѣстность, составляющая нынѣшнюю Томскую губернію, была въ вѣдомствѣ Тобольскаго намѣстничества, т. е. въ 1719 году. Переселеніе бирюсовъ къ истокамъ Мрасы и Кондомы случилось лѣтъ за 40 или 35 до посѣщенія этихъ мѣстъ извѣстнымъ натуралистомъ Паласомъ и сержантомъ геодезіи Пестеревымъ, который былъ комиссаромъ при проведеніи русско—китайской пограничной линіи; слѣдовательно, около 1740 года. Паласъ былъ въ этихъ мѣстахъ въ 1772 году; Пестеревъ въ 1780.

Рѣчка Таштыпъ вытекаетъ изъ отроговъ малаго Алтая и впадаетъ въ Абаканъ съ лѣвой стороны, имѣя направленіе отъ W къ O, почти подъ 53° сѣверной широты. Эта рѣчка составляетъ южную границу высокими горамъ по Абакану, потому что на сѣверномъ берегу его нѣтъ уже замѣчательно высокихъ горъ а тянутся только одни холмы. Мнѣ довелось быть довольно далеко по рѣкѣ Таштыпу, — версть за 150 отъ устья. Это очень рыбная рѣчка, правый берегъ которой весьма гористъ и

покрытъ едва проходимою тайгою. Долины по Таштыцу изобильны травою, а возвышенныя мѣста, по замѣчанію Палласа, имѣютъ ту же самую Флору, какую онъ встрѣчалъ около Бѣлаго и Чернаго Юса и на Алтаѣ. Впрочемъ и здѣсь уже появляются нѣкоторыя растенія, свойственныя только Восточной Сибири. Въ 1772 г. Палласъ встрѣтилъ, не далеко отъ Таштыцкаго казачьяго фарпоста, нѣсколько человѣкъ бирюсовъ. Они были въ весьма жалкомъ положеніи: скота было у нихъ очень мало, земледѣлія они почти не знали, питались кореньями кандыка и сараны и занимались преимущественно звѣроловствомъ. Впрочемъ и эта промышленность не доставляла имъ особенной пользы, потому что ловля самаго цѣннаго звѣря—соболя шла здѣсь плохо. То же самое о Таштыцкой тайгѣ должно сказать и теперь: лѣтъ 60 тому назадъ, она горѣла и слѣды этого пожара видны еще и теперь. Но за то во время Палласа было въ этихъ мѣстахъ множество медвѣдей, которые нынѣ составляютъ уже рѣдкость. Боясь ихъ, Палласъ не рѣшился даже пуститься вверхъ по рѣкѣ Таштыцу. Вообще онъ описываетъ бирюсовъ дикими и язычниками. Проживая все лѣто въ долинахъ между горами, къ зимѣ они постоянно приближались къ берегу Таштыца, чтобъ доставить хоть сколько нибудь корму своему малочисленному скоту, такъ какъ здѣсь снѣга выпадали меньше.

Нѣсколько лучше было положеніе тѣхъ бирюсовъ, которые прошли далѣе на сѣверъ въ земли бельтировъ, на рѣчку Тею.

Тей тоже лѣвый притокъ Абакана, нѣсколько ниже Таштыца. Отсюда уже ясно замѣтенъ южный Саянскій хребетъ. По берегамъ Теи тянутся небольшія скалы, которыя татары называютъ *Кокойя*. Здѣсь Палласъ собиралъ рѣдкія сѣмена. На теплой полуденной сторонѣ скалъ, онъ видѣлъ многочисленныя стада куропатовъ, чего нельзя сказать о настоящемъ времени. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ тянулись съ сѣвера черезъ степь огромныя рои маленькихъ птичекъ, называемыхъ *charadrius marginellus*. Степь по Теи вездѣ заросла дикою коноплей, которою тогда никто не пользовался. На этой то степи, въ томъ же 1772 г., Палласъ встрѣ-

тиль бирюсовъ, подь именемъ Кобинскихъ татаръ, которые жили лучше, нежели ихъ сродичи по Таштыпу. Въ ихъ юртахъ Паласъ нашелъ радушное гостепріимство. Князцы трехъ ихъ родовъ Кобинскаго, Каргинскаго и Каинскаго были вмѣстѣ. Въ Кобинскомъ родѣ считалось тогда 53 лука, или родовича, могущихъ владѣть лукомъ, въ Каргинскомъ 40 и въ Каинскомъ вмѣстѣ съ Шошкинскимъ или, слѣдуя Георги, Шашкинскимъ—50. Вся численность бирюсовъ простиралась тогда до 1000 душъ. Родовичи Каинскаго и Шошкинскаго родовъ кочевали, впрочемъ, въ то время не здѣсь, а подь Кузнецкомъ. Языкомъ, очертаніемъ лицъ, нравами и образомъ жизни бирюсы нисколько не отличались отъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей бельтировъ и жили, какъ всѣ ономадившіяся татарскія племена по Енисею, въ юртахъ. Лѣтомъ эти юрты были изъ бересты, зимою изъ кошмы.

Пестеревъ, посѣтившій этотъ народецъ нѣсколько позднѣе Паласа, говоритъ, что спустясь на Тею, Бирюсы выучились косить сѣно и обрабатывать землю, отчего положеніе ихъ годъ отъ году улучшается. Самыми богатыми скотоводами въ его время считались каргинцы. Впрочемъ, богатство здѣсь, какъ и вездѣ, понималось по своему: ни одинъ бирюсъ этого рода не могъ продать болѣе 5 или 6 быковъ. Кромѣ хлѣбопашества и скотоводства, бирюсы занимались еще звѣроловствомъ, вѣроятно, въ тайгахъ по Теѣ, Балыксѣ, Камголу и т. п. Они довольно много добывали соболей, бѣлокъ, куницъ, бобровъ и т. п. Въ настоящее время о бобрѣ и куницѣ въ этихъ мѣстностяхъ нѣтъ и помину: говорятъ они вывелись лѣтъ 40 или 30 тому назадъ.

Крещеныхъ бирюсовъ во время Пестерева было весьма не много; большею частію они были шаманствующіе.

Не смотря на свою бѣдность, нѣкоторые изъ бирюсовъ, конечно богатѣйшіе, имѣли у себя рабовъ, или лучше сказать кабальныхъ. По замѣчанію Пестерева, они обходились съ ними гордо и надменно, въ пищу давали только одно мясо, а на зимнюю одежду самыя негодныя кожи.

Вотъ почти всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя о бирюсахъ наши-

ми старинными путешественниками по Сибири.

Въ послѣдствіи времени, четыре рода бирюсовъ: Кобинскій, Каргинскій, Канскій и Шошкинскій соединились въ два рода—Кубуй или Кивинскій и Карга или Каргинскій. Подъ этими именами они состоятъ и нынѣ въ вѣденіи Сагайской степной думы. Въ первомъ считается по девятой народной переписи 711 душъ мужес: пола и 682 женскаго, и во второмъ, раздѣляющемся на Дальнекаргинскій и Ближнекаргинскій роды, 1183 муж: и 1151 женс:, всего 3726 душъ.

Въ настоящее время бирюсы нисколько не отличаются отъ другихъ минусинскихъ татаръ ни языкомъ, ни обликомъ, ни образомъ жизни. Кочуютъ они и теперь въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, на которыхъ засталъ ихъ Паласъ и Пестеревъ, именно по притокамъ рѣки Абакана, Теѣ, Есѣ и Аскису. Дальнекаргинскій родъ кочуетъ еще и теперь, по большей части, въ Кузнецкомъ округѣ Томской губерніи, по рѣкѣ Таштыцу, верстахъ въ двадцати отъ Таштыцкаго казачьяго фарпоста, составляющаго почти границу двухъ губерній—Томской и Енисейской. Кромѣ земледѣлія и скотоводства они занимаются также звѣроловствомъ.

КНЯЗЬ Н. КОСТРОВЪ,

Членъ—Сотрудникъ.

II.

С М Ъ С Ъ.

О ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, ПРЕДПРИНИМАЕМОЙ ДОКТОРОМЪ

ГАЙЕСОМЪ (Hayes) (*).

Полярныхъ экспедицій было очень много и некоторая изъ нихъ однако же не достигала полныхъ, желанныхъ успѣховъ. Одни изъ моряковъ хотѣли видѣть сѣверный полюсъ, и не достигли до него, другіе старались сѣвернымъ путемъ проплыть изъ Атлантическаго океана въ Тихій, и не могли этого сдѣлать; третьи искали слѣды знаменитаго Франклина и не нашли. Но это еще не конецъ морскимъ предпріятіямъ: нашлись четвертые, между представителями которыхъ является докторъ Гай-

(*). Статья эта была представлена г. Аргентовымъ въ Отдѣлъ до открытія слѣдовъ экспедиціи Франклина, Ред.

есть. На этотъ разъ дѣло идетъ объ открытіи большаго сѣвернаго бассейна, постоянно будтобы свободнаго отъ льдовъ и совершенно удобнаго для плаванія.... Для чего все это было и будетъ! Достиженіе полюса не представляло никакой особенно важной практической цѣли для человѣчества; въ этомъ случаѣ обогатилась только наука землевѣдѣнія. Открытіе сѣвернаго пути изъ Атлантическаго океана въ Тихій не стоило трудовъ, оттого, что путь этотъ для плаванія оказался совершенно не годнымъ. Только поиски Франклина выражаютъ собою высокій подвигъ человеколюбія, которому всѣ сочувствовали; но и эти попытки, къ сожалѣнію, остались тщетными. Касаясь идеи ознакомленія съ странами приполярными, мы недоумѣваемъ, на что пригодится свободный сѣверный бассейнъ, предполагаемый за полосой арктическихъ льдовъ?! По словамъ доктора Гайеса, это огромное вмѣстилище водъ составляетъ главное жилище для китовъ, которыхъ, съ открытіемъ доступа туда, можно будетъ ловить и зимою. Но ктожъ не знаетъ, что въ широтѣ 70°, зимою, солнце не показывается въ теченіи слишкомъ двухъ мѣсяцевъ и что въ широтѣ 80° оно свѣтитъ только 134 дня. При такой продолжительной тьмѣ, при невыносимомъ холодѣ, съ какими трудностями долженъ бороться путешественникъ и какимъ опасностямъ подвергается онъ въ этихъ водныхъ пространствахъ холоднаго сѣвера! Хотя журналы и описанія арктическихъ экспедицій всегда въ высочайшей степени интересны, но ихъ нельзя читать равнодушно и не поражаться картинами неисходныхъ ужасовъ, превышающихъ своею дѣйствительностію все, что только можетъ создать самое пылкое воображеніе. Настойчивое стремленіе моряковъ къ возобновленію своихъ смѣлыхъ походовъ на глубокой сѣверъ въ особенности достойно удивленія. Они пускаются съ большою радостію въ тѣже самыя не гостепріимныя мѣста, откуда по видимому путники не вынесли никакихъ отрадныхъ воспоминаній. Докторъ Гайесъ сперва посѣщалъ полярныя моря вмѣстѣ съ докторомъ Кэномъ, и чего тамъ не вытерпѣли они, чего не испытали въ странѣ мрака и вѣчныхъ снѣговъ. Далекіе отъ родныхъ и друзей, труженики эти за большее для себя счастье почитали даже незавидную дружбу бѣд-

ныхъ и жалкихъ эскимосовъ. Послѣ многихъ лѣтъ своей отлучки, они воротились наконецъ въ свою отчизну, и чтоже?—не много спустя, одинъ изъ нихъ уже опять спѣшитъ въ страну льдистаго сѣвера, на воды полярнаго моря. Такова натура этихъ людей—моряковъ по призванію.

Въ концѣ 1858 года г. Гайесъ о своихъ новыхъ намѣреніяхъ сдѣлалъ предложеніе Нью—Йоркскому географическому обществу, заслужилъ одобреніе тамошнихъ ученыхъ и въ пользу своего предпріятія нашелъ дѣятельное участіе и пособіе многихъ капиталистовъ, вызывавшихся помочь Гайесу деньгами на снаряженіе новой полярной экспедиціи, имѣющей цѣлью открытіе на сѣверѣ, постоянно свободнаго отъ льдовъ, обширнаго бассейна или моря, по ту сторону окраины полярныхъ льдовъ (*). Денежныя средства находятся въ распоряженіи г. Гайеса, и экспедиція его будетъ готова къ отплытію весною 1860 года.

Но разсмотримъ здѣсь, на чемъ основываетъ г. Гайесъ убѣжденія свои о существованіи воображаемаго на сѣверѣ огромнаго воднаго бассейна. Въ числѣ своихъ доводовъ онъ между прочимъ выставляетъ на видъ, что во время экскурсій своихъ съ докторомъ Кэномъ, съ прибрежныхъ возвышенныхъ утесовъ западной Гренландіи, въ 1854 году, усмотрѣно въ сѣверной сторонѣ, подъ $80^{\circ} 20'$ широты открытое, совершенно безледное море, надъ водами котораго носились (въ іюнѣ) перелетныя птицы, а въ отдаленіи, на сѣверо—востокѣ, показывались дождевыя облака (nimbus). Далѣе изъясняетъ г. Гайесъ: киты, имѣя горячую кровь и будучи одарены дыхательными органами, поднимаются изъ воды наверхъ, чтобы перевести духъ, безъ чего они немогутъ существовать. Между тѣмъ семейства изъ китовыхъ породъ не видно въ водахъ по южную сторону ледянаго пояса, слѣдовательно киты должны зимовать по сѣверную сторону полярныхъ льдовъ, гдѣ море не замерзаетъ, иначе животные

(*) См. письмо изъ Америки, помѣщенное въ первой февральской книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1859 годъ.

эти неминуемо должны бы погибнуть. Сѣверные берега Вашингтоновой и Гринелевой земли населены эскимосами, продолжаетъ г. Гайесъ, и преданія этого кочеваго народа, распространившагося вообще въ тѣхъ мѣстахъ, указываютъ на сѣверъ какъ на исходный пунктъ своего существованія. Но эскимосы не могутъ жить иначе, какъ на берегахъ постоянно открытаго моря. Полярный бассейнъ нѣкоторымъ образомъ согрѣвается текущими туда теплыми водами Атлантическаго и Тихаго океановъ, а также же водами многочисленныхъ рѣкъ Азии и Америки. Изотермическія линіи видимо изгибаются около двухъ центральныхъ пунктовъ сильнѣйшаго холода, находящихся въ 42 градусахъ отъ полюса; поэтому, на сѣверѣ, надобно предполагать относительно умѣренный климатъ. Вліяніе теплоты съ сѣверной стороны весьма замѣтно во многихъ мѣстахъ даже зимою. Въ Нижнеколымскѣ сѣверные вѣтры теплы даже въ самое холодное время года; тоже замѣчено въ Лапландіи и на Новой Землѣ. Въ Ренселарѣ (Renselaer) постоянно видѣнъ на сѣверѣ туманный столбъ. Изъ всего этого г. Гайесъ заключилъ, что по направленію Вашингтоновой земли и канала Кеннеди должно быть свободное отъ льдовъ море.

Таковы основанія г. Гайеса, но можно ли съ нимъ согласиться и принять эти основанія за непреложную истину? Мы не знаемъ никакого постоянно свободнаго отъ льдовъ бассейна. Намъ всѣмъ извѣстно, что есть Сѣверный океанъ—обширное вмѣстилище водъ, окраенное берегами Европы, Азии и Америки, которое въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ хотя и не замерзаетъ зимою, какъ замерзаютъ постоянно наши рѣки и озера, однакожь и этотъ океанъ не свободенъ отъ льдовъ. Последніе носятся повсюду, по всему этому обширному водному пространству. Во время какого то не объявимаго морскаго сіянія, свойственнаго только арктическимъ водамъ и происходящаго по видимому отъ рефракціи солнечныхъ лучей, преломляющихся о движущіяся массы льдовъ, въ воздушной атмосферѣ, обнимаемой глазомъ, видится не одно только свѣтлое поле, но тутъ же движутся темныя массы, а иногда усматриваются не-

подвижныя скалы и мысы, о которые какъ бы разбиваются волны переливающегося лучезарнаго свѣта. Эти темныя, движущіяся полосы, видимыя въ особенности въ зимнее время, конечно есть ничто иное какъ плавающіе льды, а неподвижныя мысы и скалы, нагроможденные другъ на друга—суть льды, вѣками образовавшіеся на земляхъ не извѣстныхъ намъ острововъ. Г. Анджу и другіе путешественники, достигавшіе въ различныхъ пунктахъ до талыхъ мѣстъ полярнаго моря, видѣли тамъ повсюду плавающія массы льдовъ. Во всякое время года, по этимъ водамъ плавать нельзя уже и потому, что судно отъ всплескиванія волнъ должно обмерзнуть, снасти будутъ ломаться, обледенѣвшею руль перестанетъ вращаться. Мы знаемъ достоверно, какъ личные свидѣтели, что между 70° и 80° широты посятся льды на необозримое пространство; присутствіе ихъ тамъ замѣчается постоянно. Массы полярныхъ льдовъ, токами вѣтровъ, иногда несетъ до самыхъ тропиковъ, точно также, и гораздо скорѣе, льды эти могутъ распространяться къ сѣверу, будучи увосимы морскими теченіями, вѣтрами и не равномернымъ распредѣленіемъ солнечной теплоты. Думать же иначе, мы не находимъ другихъ основаній.

На сѣверѣ отъ западной Гренландіи усмотрѣно свободное отъ льдовъ пространство; но тоже самое было замѣчаемо на сѣверѣ по направленію отъ скалы Эррень и въ другихъ мѣстахъ. Такія обстоятельства были случайныя, тогда какъ въ иное время эти мѣстности были покрыты непроходимымъ льдомъ. Все сказанное нами здѣсь, конечно важно было бы провѣрить, имѣя парходъ, чтобы достоверно узнать—далеко ли, при извѣстныхъ условіяхъ, отходятъ льды отъ береговъ, глубоко ли тутъ море, какъ расположены уступы дна, какой грунтъ, куда направлено морское теченіе и проч. и проч.

Перелетныя птицы и дождевыя облака, въ іюнь мѣсяцѣ усмотрѣнныя, не доказываютъ, что въ январѣ тамъ тепло и море безъ льдовъ. Киты дѣйствительно лѣтуютъ на сѣверѣ, но съ наступленіемъ холодовъ, какъ это вѣрно извѣстно, уходятъ съ сѣвера на югъ. Такимъ образомъ каждую осень можно видѣть

большія стаи китовъ, направляющихся мимо Шелагскаго мыса отъ сѣвера къ югу. Будучи сильны и ловки, киты легко разламываютъ ледъ, если онъ не толще $\frac{3}{4}$ аршина; это даетъ имъ возможность держаться зимою такихъ мѣстъ, которыя не очень промерзаютъ. По южную сторону ледянаго пояса китовъ незамѣтно, оттого вѣроятно, что они, руководимые инстинктомъ самосохраненія, и зимою, по выходѣ съ глубокаго сѣвера, не очень отдаляются отъ льдовъ, а остаются тамъ, и въ этихъ то предѣлахъ, по причинѣ едва выносимыхъ холодовъ и льдовъ, нельзя держаться китоловамъ.

Эскимосы могутъ жить по берегамъ и не постоянно открытаго моря, какъ живутъ наши сѣверные чукчи на Яканѣ и по другимъ мысамъ Ледовитаго моря, замерзающаго зимою, гдѣ притомъ и въ лѣтнее время ледъ плаваетъ почти сплошными массами. Изотермическія линіи, сѣверные вѣтры и столбы тумана—все это доказываетъ, что тамъ зимою, вѣроятно, нѣсколько будетъ теплѣе, чѣмъ въ какомъ нибудь Якутскѣ зимою же, гдѣ въ 50° Р. морозы считаются не рѣдкостью. Говоря о сѣверныхъ вѣтрахъ, г. Гайесъ оставилъ безъ вниманія то важное обстоятельство, что отъ дѣйствія ихъ хотя въ холодное зимнее время ртуть термометра и повышается нѣсколько, но повышение это никогда не достигаетъ степени тепла, и вообще держится ниже точки замерзанія. Въ лѣтнее время вѣтры эти постоянно вѣютъ ощутительнымъ холодомъ и не рѣдко приносятъ обильный снѣгъ, чего нельзя было бы ожидать при существованіи на сѣверѣ большаго теплаго бассейна безъ льдовъ.

Говоря вообще о доводахъ г. Гайеса, должно сознаться, что они не могутъ выдержать безпристрастной критики, и экспедиція его, въ глазахъ нашихъ, не сулитъ успѣха, т. е. мы думаемъ, что г. Гайесъ не найдетъ созданнаго воображеніемъ его обширнаго бассейна, постоянно свободнаго отъ льдовъ, теплаго, удобнаго для плаванія, удобнаго для ловли тамъ китовъ зимою, по той весьма простой причинѣ, что тамъ вовсе нѣтъ такого бассейна.

А. АРГЕНТОВЪ,
Чл. Сотр. Отд.

ГЛУБИНА БАЙКАЛА.

Болѣе двухъ сотъ лѣтъ русскіе плаваютъ по озеру Байкалу, болѣе ста лѣтъ озеро это составляетъ предметъ изслѣдованій географовъ и натуралистовъ русскихъ и иноземныхъ. Много иностранцевъ описывало его, много ихъ перебывало на немъ. Можно почти безошибочно сказать, что нѣтъ ни одного путешествія, нѣтъ ни одного очерка Восточной Сибири, какъ бы кратки они ни были, въ которыхъ бы не упоминалось вовсе о озерѣ Байкалѣ. Каждый сколько нибудь грамотный человекъ, проѣхавъ черезъ Иркутскъ въ Забайкалье, считаетъ своимъ долгомъ упомянуть о Байкалѣ, или въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, или въ письмахъ къ своимъ знакомымъ. Каждый годъ черезъ Байкалъ переплываютъ сотни проѣзжающихъ—ученыхъ и неученыхъ, образованныхъ и не образованныхъ, и поэтому казалось бы, что изъ всѣхъ этихъ источниковъ должна бы была получиться масса свѣдѣній объ этомъ величайшемъ прѣсноводномъ бассейнѣ Стараго Свѣта, по всѣмъ отраслямъ землѣдѣнія и естествознанія. Но на дѣлѣ выходитъ не такъ.—Объ Байкалѣ писали и упоминали въ своихъ трудахъ: Ибрантъ—Идесъ, Бель, Ланге, Миллеръ, Гмелинъ, Фишеръ, Палласъ, Клапротъ, Шоазъ, Георги, Эрманъ, Ганштеенъ, Леонгардъ, Риттеръ, Этцель (O' Etzel), Гумбольдъ, Шварцъ, Раде, Измайловъ, Семивскій, Меглицкій, Турчаниновъ, и др.; не упоминающая уже объ авторахъ многихъ мелкихъ статей, появившихся въ разное время, въ разныхъ журналахъ и газетахъ. Изъ всѣхъ этихъ путешествій и описаній въ настоящее время мож-

но извлечь весьма удовлетворительныя (а по многимъ отраслямъ даже и весьма подробныя) свѣдѣнія о характерѣ береговъ, ихъ образованіи и геологическомъ строеніи, о флорѣ и фаунѣ, окружающей мѣстности, о климатѣ сосѣдней страны и о нѣкоторыхъ особенностяхъ и свойствахъ этого обширнаго водоема. Но гидрографія этого замѣчательнаго бассейна весьма мало обработана, и до сихъ поръ остается какъ бы вовсе нетронутою. Несмотря на длинный рядъ иностранныхъ и русскихъ именъ путешественниковъ, странствовавшихъ по Байкалу и писавшихъ о немъ, не смотря на то, что озеро это находится только въ 60 верстахъ отъ средоточія всей образованной и ученой дѣятельности Восточной Сибири, — о глубинѣ его мы почти ничего не знаемъ положительнаго. Можетъ быть скажутъ, что подобный вопросъ не представляетъ никакого интереса ни въ практическомъ, ни въ научномъ отношеніяхъ, и что поэтому на него не было обращено до сихъ поръ никакого вниманія? Это не со всѣмъ такъ! — Извѣстно, что для вѣрнаго и точнаго понятія о какой либо странѣ, о какой либо отдѣльной мѣстности, недостаточно одного только плана ея съ правильнымъ очеркомъ теченія рѣкъ, направленія горныхъ хребтовъ и проч., но при этомъ важное мѣсто занимаютъ и вертикальныя разстоянія, т. е. возвышенія извѣстныхъ пунктовъ относительно другъ друга. — Какое могли бы мы вывести сужденіе о характерѣ и климатѣ Швейцаріи, имѣя подъ руками одну только вѣрную ея карту, на которой не были бы означены высоты главнѣйшихъ вершинъ Альповъ? Какое бы мы могли имѣть понятіе о свойствахъ и измѣненіяхъ уровня Каспійскаго моря, не имѣя никакихъ свѣдѣній о его глубинѣ? Но кромѣ этого, вопросы о высотахъ и глубинахъ получаютъ особенно важное значеніе при сужденіи о геологическихъ переворотахъ, произведшихъ образованіе извѣстной мѣстности, такъ напримѣръ: геологъ Меглицкій, въ противность мнѣній другихъ путешественниковъ, описывавшихъ Байкалъ, полагаетъ, что русло озера образовалось не отъ внезапнаго провала горъ, но есть скорѣе естественная продольная долина. Натуралистъ Раде замѣчаетъ, что при промѣрахъ глубины озера вблизи береговъ, ему неоднократно приходила мысль,

что столь значительныя крутизны, которыя онъ тутъ находилъ, могли быть произведены лишь внезапными, насильственными дѣйствіями подземныхъ силъ. Слѣдовательно вопросъ о глубинахъ играетъ важную роль въ сужденіяхъ о правильности того или другаго мнѣнія. Народная молва придаетъ Байкалу характеръ *бездоннаго* моря; близъ береговъ его, какъ утверждаютъ, видны въ тихую погоду цѣлыя скалы, цѣлые лѣса огромныхъ деревьевъ, какъ бы провалившіеся вмѣстѣ съ берегами въ бездну озера, въ эпоху переворота. Всѣ эти рассказы могутъ подтвердиться, всѣ эти вопросы могутъ разрѣшиться только съ помощію точныхъ и опредѣлительныхъ свѣдѣній о глубинѣ Байкала, о характерѣ и составѣ его дна.

Въ книгѣ Семивскаго: *Новѣйшія любопытныя и достоверныя повѣствованія о Восточной Сибири, Спб. 1817 года*, находимъ слѣдующія свѣдѣнія: «Глубина Байкала не во всѣхъ еще мѣстахъ извѣстна и опредѣлительна. Но тамъ, гдѣ въ разныя времена дѣланы были наблюденія, или измѣренія, особенно близъ южныхъ береговъ его, начиная отъ Посольской гавани, иначе Прорвою называемой, къ устью рѣки Селенги и далѣе къ сѣверо-востоку, найдено, что Байкаль имѣетъ глубины отъ 6 до 50 футовъ, или отъ одной до 7 сажень, а при нѣкоторыхъ сѣверозападныхъ его берегахъ, не подалеку отъ истеченія изъ него Ангары измѣрено до 150 сажень (*); во многихъ же мѣстахъ дна его никакъ достать не могли». Г. Радде находилъ во многихъ мѣстахъ (вдоль западнаго берега, отъ острова Ольхона до истока Ангары), на разстояніи не болѣе одной версты отъ берега, глубину въ 500 и 600 фут., а при одномъ промѣрѣ не нашелъ дна и на 700 футахъ (Вѣстн. Импер. Рус. Геогр. Общ. кн. V 1857 года). Гг. Сельскій и Кюхельбекеръ, дѣлавшіе промѣрѣ Баргузинской губы зимою 1837 года, нашли въ полуверстѣ отъ берега 15 саж., въ 5 верстахъ далѣе 20 саж. и въ 10 верстахъ 25 саж (**). Въ статьѣ г. Щукина:

(*) Вѣроятно 7-ми футовой мѣры.

(**) Сажени 7-ми футовой мѣры.

Море или озеро Байкаль, просто сказано, что глубина озера вообще очень велика, и при этомъ помянуто, что *когда-то кто-то* опускалъ въ воду веревку въ нѣсколько сотъ саженой, съ привѣшенною къ концу ея большею тяжестью, но что дна достать не могли. Вотъ всѣ наши свѣдѣнія о глубинѣ Байкала.

Предположеніе о проведеніи телеграфной линіи отъ Казани до береговъ Тихаго океана, послужило поводомъ къ измѣренію глубины Байкала. Для проложенія черезъ Байкаль телеграфнаго каната, надобно было получить точныя свѣдѣнія о фигурѣ и свойствахъ грунта его дна.—Поэтому, въ октябрѣ 1859 года, было поручено лейтенанту Кононову произвести промѣръ Байкала отъ Листвяничной пристани къ Посольскому монастырю, причемъ завѣдывающей байкальскимъ пароходствомъ членъ сотруд. Сибир. Отдѣла г. Безносиковъ, со всегдашней готовностью содѣйствовать успѣху всякаго полезнаго дѣла, предложилъ въ безвозмездное распоряженіе г. Кононова пароходъ «Бернардаки».

Для удобнѣйшаго бросанія лота и подниманія его изъ воды, на кормѣ парохода (на ютѣ) были установлены вьюшки, на которыя навивался лотлинь (веревка, назначенная для промѣра). Двѣ свинцовыя гири (лоты) были вѣсомъ: одна въ 15 фунтовъ, другая въ 1 пудъ.—Первая назначалась для измѣренія малыхъ глубинъ, а вторая большихъ; но при большихъ глубинахъ обыкновенно привязывались обѣ гири къ лотлиню. Длина всего лотлиня была до 1000 саж. (*), а вѣсъ до 19 пудовъ.

Окончивъ всѣ предварительныя приготовленія и установивъ на кормѣ парохода вьюшки для спуска лота, лейтенантъ Кононовъ, 26 октября, въ 10 часовъ утра, снялся съ якоря и направился отъ Листвяничной пристани къ Посольску. Глубина у пристани была 8 фут., но чрезъ 50 саж. отъ нея брошенный лоть показалъ уже до 90 саж. Грунтъ—камень, продолжающій-

(*) 6-ти футовой мѣры.

ся отъ самаго берега. Слѣдуя далѣе, снова бросили лоть противъ мыса Сытаго: глубина была 196 саж., грунтъ иль съ пескомъ. Продолжая слѣдовать этимъ курсомъ, на траверзѣ (на противъ) зимовья въ Солонцовой пади, въ разстояніи отъ берега около 250 саж., лоть показывалъ глубину уже 700 саж., при томъ же грунтъ. Каждое измѣреніе такихъ большихъ глубинъ требовало не мало времени: лоть спускался до дна въ теченіи полчаса; на подъемъ его изъ воды съ такой глубины нужно было употребить отъ 4 до 5 часовъ. Поэтому послѣднимъ измѣреніемъ окончилась работа этого дня.

Столь значительная глубина (700 саж.), встрѣченная только въ 250 саженьяхъ отъ берега, заставляла предполагать, что далѣе, къ срединѣ озера, глубины будутъ столь велики, что имѣвшимся лотомъ нельзя будетъ достать дна. Поэтому лейтенантъ Кононовъ, желая воспользоваться благопріятствовавшею погодою, весьма рѣдкою на Байкалѣ въ осеннее время, рѣшился отправиться къ устью р. Бугульдеихи, отъ котораго до устья рѣки Селенги ширина Байкала по картѣ 26 верстъ, и по свѣдѣніямъ извѣстно было, что озеро становится здѣсь ранѣе прочихъ мѣстъ, а по слухамъ, что глубина здѣсь меньше. Поэтому, подойдя къ устью Бугульдеихи, лейтенантъ Кононовъ, 27 октября, началъ промѣръ отъ берега на шлюпкѣ, правѣе буруновъ Бугульдейскаго мыса, по направленію поперекъ Байкала, къ среднему устью р. Селенги. На этомъ пространствѣ глубина увеличилась весьма соразмѣрно. Начинаясь отъ берега съ 3 футовъ, при грунтѣ изъ песка и дресвы, она постепенно переходила въ 4, 5, $6\frac{1}{2}$ и 7 фут., въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты отъ берега, и потомъ въ 8, 9, 13, 15, 17, 18 и 21 футъ, на разстояніи отъ берега около $2\frac{1}{2}$ версты. Въ первомъ промежуткѣ грунтъ былъ мелкій камень съ пескомъ, во второмъ крупный камень съ пескомъ. Къ вечеру 27 числа окончили промѣръ на $58\frac{1}{2}$ футахъ, въ разстояніи $3\frac{1}{2}$ версты отъ берега.

Утромъ 25 октября промѣръ продолжался на шлюпкѣ, но въ 10 часовъ утра, дойдя до глубины 22 саж., въ разстояніи отъ берега до $5\frac{1}{4}$ версты, начали снова бросать лоть съ паро-

хода. Последовательныя глубины были 29 и 35 саж., грунтъ—камень съ пескомъ. Для того, чтобы пароходъ не сносило съ промѣриваемаго направленія, онъ уклонялся попеременно то въ одну, то въ другую сторону отъ прямаго направленія, т. е., говоря проще, шелъ зигзагами, малымъ ходомъ, по 3 узла ($5\frac{1}{4}$ версть) въ часъ; приходя на избранный курсъ, останавливали машину и бросали лотъ, что повторялось чрезъ каждыя $\frac{1}{4}$ часа. Измѣряемая такимъ образомъ глубина, постепенно возрастая, дошла наконецъ до 80 саж., грунтъ мелкая дресва съ пескомъ, а въ разстояніи 12 версть отъ Бугульдейскаго мыса 210 саж., грунтъ черный илъ. Это была наибольшая глубина, найденная на этомъ направленіи; далѣе къ устью Селенги она начала постепенно уменьшаться такъ, что слѣдовавшій за ней промѣръ показалъ уже 205 сажень, грунтъ черный илъ; далѣе 190, 165, 135 и 105 саж., въ разстояніи 19 версть отъ Бугульдейскаго мыса, и 7 версть отъ средняго устья р. Селенги. Далѣе глубина начала уменьшаться еще быстрѣе, а именно 33 , $24\frac{1}{2}$, $7\frac{1}{2}$, 5 и 4, пока не окончилась $3\frac{1}{2}$ саженьями, въ разстояніи до 3 версть отъ средняго устья Селенги. Ледъ, уже покрывавшій это остающееся пространство, воспрепятствовалъ дальнѣйшему промѣру до берега, который здѣсь впрочемъ и не былъ весьма важенъ потому, что былъ доведенъ уже до весьма небольшой глубины. Грунтъ на всей этой половинѣ ширины Байкала, ближайшій къ р. Селенгѣ, черный илъ.

Окончивъ такимъ образомъ промѣръ поперегъ самой узкой части озера, лейтенантъ Кононовъ отправился къ Прорвинской гавани, отъ которой ему, между прочимъ, было поручено сдѣлать береговой промѣръ къ Посольску. Глубина на этомъ протяженіи, въ разстояніи отъ берега до $2\frac{3}{4}$ версть, была найдена вездѣ ровная, отъ 5 до $5\frac{1}{2}$ саж., грунтъ—песокъ. Дойдя до Посольска, пароходъ взялъ курсъ къ Листвяничной станціи и началъ производить промѣръ на этомъ направленіи. На разстояніи $5\frac{1}{2}$ версть отъ Посольска глубина была найдена $16\frac{1}{4}$ саж., грунтъ—песокъ, далѣе на разстояніи $6\frac{3}{4}$ версть 9.5 саж., при томъ же грунтѣ. Слѣдуя далѣе на траверзѣ (на противъ)

Бакланова камня, въ примѣрномъ разстояніи отъ Посольска $24\frac{1}{2}$ и отъ Листвяничнаго мыса до $58\frac{1}{2}$ верстѣ; глубина была найдена 430 саж., грунтъ илъ, а еще далѣе на траверзѣ Еловыхъ воротъ, въ примѣрномъ разстояніи отъ Посольска 37 верстѣ и отъ Листвяничнаго мыса 46 вер., 802 саж., грунтъ—камень. Это оказалось наибольшая глубина озера, изъ всѣхъ найденныхъ при настоящемъ измѣреніи, потому что слѣдующій за тѣмъ промѣръ на траверзѣ Голоустной, въ примѣрномъ разстояніи $48\frac{1}{2}$ верстѣ отъ Листвяничной, показалъ уже только 670 саж., при томъ же грунтѣ. Этимъ окончился промѣръ Байкала.

Такимъ образомъ точный и довольно подробный промѣръ былъ произведенъ только по одному направленію, а именно, отъ Бугульдейскаго мыса къ устью р. Селенги. Въ другомъ же направленіи, отъ Листвяничной къ Посольску, на разстояніи 83 верстѣ, мы имѣемъ только 10 промѣрныхъ точекъ, изъ которыхъ 6 находятся вблизи береговъ и только 4 около середины озера. Но несмотря на эти, впервые полученные, не полныя и отрывочныя свѣдѣнія, они драгоцѣнны уже потому, что мы изъ нихъ можемъ почерпнуть первыя точныя понятія объ общей фигурѣ дна этого озера. Смотри на составленные по этимъ промѣрамъ разрѣзы, не трудно замѣтить, что сѣверный берегъ озера вообще приглубѣе южнаго, и также, что наибольшая глубина озера находится ближе къ первому берегу, чѣмъ ко второму. Такъ напримѣръ: между Бугульдейхой и Селенгой наибольшая глубина 210 саж. находится въ разстояніи 12 верстѣ отъ сѣвернаго и въ 14 верстахъ отъ южнаго берега.—Наибольшая глубина 802 сажени, найденная между Листвяничной пристанью и Посольскимъ монастыремъ, находится въ $11\frac{1}{2}$ верстахъ отъ перваго берега (отъ Голоустной), и въ $26\frac{1}{2}$ верстахъ отъ втораго (устье р. Ивановки). Кромѣ этого оказывается, что дно Байкала у сѣвернаго берега вдругъ обрывается на значительную глубину, тогда какъ у южнаго имѣетъ склонъ болѣе пологій и болѣе правильный. Въ этомъ отношеніи для насъ особенно интересенъ промѣръ противъ зимовья въ Солонцовой пади: здѣсь, въ 250 сажняхъ отъ берега, глубина оказалась въ 700 саж.

значить береговья кручи падаютъ здѣсь на дно озера подъ угломъ $67\frac{1}{2}^{\circ}$ къ горизонту. — Такое же точно несходство въ фигурѣ дна сѣвернаго и южнаго береговъ Байкала, замѣчается также и на пространствѣ между Бугульдейхой и р. Селенгой. Здѣсь отъ мыса Бугульдейскаго глубина хотя и увеличивается постепенно и равномерно, но конечно это есть слѣдствіе наноса рѣки Бугульдейки, потому что далѣе въ разстояніи 10 верстъ отъ Бугульдейскаго мыса глубина съ 80 саж. вдругъ увеличивается на 200 и потомъ, уменьшаясь весьма постепенно, снова доходитъ до 33 и $24\frac{1}{2}$ саж., въ разстояніи 6 верстъ отъ средняго устья рѣки Селенги, гдѣ конечно точно также дно Байкала подвержено наносамъ изъ этой рѣки. Дѣйствіе таковыхъ наносовъ уже давно замѣчено при устьяхъ всѣхъ большихъ и малыхъ рѣкъ и рѣчекъ, вливающихся въ Байкаль. Но въ особенности это должно быть замѣтно при устьѣ такой большой рѣки, какъ Селенга, что подтверждается на самомъ дѣлѣ. На памяти старожиловъ, устье р. Селенги вдалось въ озеро около 20 верстъ, такъ что изъ этого можно вывести заключеніе, не лишнее нѣкотораго вѣроятія, что можетъ быть и меньшая (сравнительно съ другою частію) глубина Байкала въ этомъ мѣстѣ, происходитъ отъ наносовъ р. Селенги, осаждающихся на дно озера и уменьшающихъ постепенно его глубину. Дѣйствіе таковыхъ наносовъ, конечно, продолжается и теперь, и конечно должно продолжаться и впредь, такъ что со временемъ эта узкая часть Байкала между Бугульдейхой и Селенгой, засоряемая наносами изъ обѣихъ этихъ рѣкъ, сдѣлается конечно еще уже и мельче. Можетъ быть даже, что въ послѣдствіи дельты обѣихъ рѣкъ, вдвигаясь все далѣе и далѣе въ озеро, наконецъ сойдутся, и тогда посреди озера явится низменный перешеекъ, раздѣляющій его на два отдѣльныхъ озера, который въ свою очередь будетъ разрѣзанъ только узкимъ русломъ, чрезъ которое воды притоковъ верхняго озера будутъ вливаться въ нижнее, и изъ него уходить далѣе въ р. Ангару. — Сдѣланный въ настоящее время промѣръ этой узкой части Байкала между Бугульдейхой и Селенгой, важенъ еще потому, что чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ можетъ послужить основаніемъ для повѣрки глубины Байкала, и для из-

слѣдованія измѣненій глубины въ этомъ мѣстѣ, происшедшихъ въ извѣстный промежутокъ времени. А это, въ свою очередь, можетъ повести къ опредѣленію степени вліянія и дѣйствія рѣчныхъ наносовъ изъ Селенги и Бугульдеихи на уменьшеніе глубины Байкала.

За тѣмъ произведенный въ настоящее время промѣръ не рѣшаетъ еще положительнымъ образомъ вопросъ о *наибольшей глубинѣ* Байкала. Мы видѣли, что между Посольскимъ и Листвяничной было измѣрено только 4, или даже только 3 глубины посреди озера, и затѣмъ около наибольшей изъ нихъ—802 сажени, находится неизслѣдованнаго пространства въ одну сторону на $13\frac{1}{2}$ верстъ, а въ другую на $7\frac{1}{2}$ верстъ; на которомъ глубина можетъ быть окажется и болѣе найденной въ настоящее время. Вообще же теперь можно уже допустить съ нѣкоторою вѣроятностію, что глубина Байкала простирается до 1000 саж., или отъ 6000 до 7000 футовъ, и теперь уже можно дать нѣкоторую достовѣрность тому случаю, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ между Листвяничной пристанью и р. Переемной, въ недалекомъ разстояніи отъ здѣшняго берега на 1000 саженой глубинѣ не могли достать дна.—Весьма интересно было бы сдѣлать сравненіе этой огромной глубины озера съ глубинами другихъ озеръ всего свѣта.—Не могу не сожалѣть, что въ настоящее время здѣсь у меня нѣтъ источниковъ, изъ которыхъ можно бы было извлечь матеріалы для подобнаго сравненія.

Д. РОМАНОВЪ,

Дѣйст. Чл. Общества.

МИРАЖЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ Г. СЕЛЕН- ГИНСКА

Въ продолженіи цѣлаго лѣта, мы имѣемъ удовольствіе очень часто смотрѣть на прекрасное зрѣлище, совершающееся предъ нашими глазами—это миражи, являющіеся обыкновенно въ котловинѣ Гусинаго озера, въ Тоенской долинѣ, гдѣ расположенъ Новый Селенгинскъ, и очень рѣдко въ Старомъ Селенгинскѣ. Смотри на сѣверъ изъ оконъ нашего новаго города, въ иное время, мы по нѣскольکو часовъ сряду любимся огромнымъ зеркаломъ Гусинаго озера, окаймленнымъ иногда полосою блестящаго радужнаго цвѣта, по берегамъ котораго, въ разныхъ мѣстахъ, вращаются цѣлыя полки солдатъ и конныхъ всадниковъ гигантской величины; все это, и водная природа съ ея огненнымъ отблескомъ, и массы народа, находятся непрерывно въ движущемся, можно сказать въ трепещущемъ состояніи. Водный бассейнъ самаго озера то увеличивается, то иногда уменьшается въ своемъ объемѣ. Такое мѣстное явленіе, фатаморгана, конечно, происходитъ отъ рефракціи водъ Гусинаго озера, несмотря даже на то, что оно закрыто отъ насъ высокимъ нагорьемъ и, упоминаемые нами миражи, отражаютъ фантастически все находящееся въ долинѣ, гдѣ пасутся большія стада коровъ, барановъ и гдѣ разъѣзжаютъ на верховыхъ лошадяхъ толпы Бурятъ. Подобный миражъ мнѣ случилось видѣть во вре-

ми проѣзда моего изъ Селенгинскаго солевареннаго завода въ г. Селенгинскъ; это было 11 сентября, въ 10 часовъ утра; погода стояла тихая, на небѣ кое-гдѣ разбросаны были перистыя облачка, изъ за которыхъ то показывалось, то закрывалось осеннее солнце. Поверставшись съ Дзагустайскою кумирнею, я былъ пораженъ удивительнымъ зрѣлищемъ: впереди меня, на дальнемъ горизонтѣ, я увидалъ быстрыя эволюціи огромной арміи, вправо двигалась кавалерія, слѣва тянулись ряды пѣхоты, въ срединѣ расположена была артиллерія; люди эти казались необыкновенной величины и были одѣты въ разноцвѣтные платья, съ радужными блестящими отбѣнками. При всемъ видѣнномъ, я слышалъ топотъ лошадей, стукъ колесъ, бряцаніе оружія и невнятные крики; массы народа вращались съ необыкновенною быстротою. Я невольно остановился, что бы наглядѣться на это рѣдкое явленіе и простоялъ на одномъ мѣстѣ съ полчаса времени, покуда не исчезъ изумительный призракъ. На самомъ же дѣлѣ въ Дзагустайской степи въ это время вотъ что происходило: на правой сторонѣ паслось стадо верблюдовъ, на лѣвой также находилось огромное стадо овецъ, а по самой срединѣ, по степной почтовой дорогѣ, тянулся безконечный обозъ изъ Кяхты съ чаями. Наши лошади никогда не могутъ смотрѣть спокойно на верблюдовъ; онѣ испугались этихъ животныхъ и разбѣжались по степи въ разныя стороны; стадо овецъ, перепуганное въ свою очередь лошадьми и стукомъ таратаекъ, стремглавъ бросилось въ сторону. Чтобъ привести въ порядокъ свой обозъ, ямщики бѣгали за лошадьми и немилосердно кричали, — вотъ причина, въ слѣдствіе которой въ воздушной перспективѣ образовался миражъ, столь замѣчательный по общей картинѣ, обнявшей собою обширную мѣстность и представившейся въ такой живой, поразительной дѣйствительности.

Мнѣ памятенъ также еще одинъ случай, встрѣтившійся на старомъ кладбищѣ. Поздно вечеромъ, когда уже стемнѣло, я съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ возвращался съ охоты, и намъ нужно было проходить чрезъ кладбище, находящееся въ верстѣ отъ Старога Селенгинска. Это было въ іюнѣ мѣсяцѣ. Погода

стояла теплая и очень тихая; мы остановились, чтобъ закурить сигары; я началъ выскать огонь, какъ вдругъ товарищъ мой толкнулъ меня стволомъ ружья и указалъ впередъ на человѣка, находящагося отъ насъ въ шагахъ пятидесяти. Фигура этого человѣка показалась намъ необыкновеннаго роста, съ длинными распростертыми къверху руками; товарищъ мой, оробѣвши, закричалъ: кто идетъ?—и вмѣстѣ съ этимъ взвелъ курки своего двуствольнаго ружья, и я также былъ наготовѣ сдѣлать выстрѣлъ; наша собака поджала хвостъ, спряталась за насъ и, робко озираясь впередъ, ворчала. На первый окликъ не было отвѣта; за симъ я закричалъ: ей, говори, кто—ты, или я буду въ тебя стрѣлять!—Но господинъ этотъ упорно молчалъ. Товарищъ мой сказалъ мнѣ тихо: узнаемъ прежде, что это за человѣкъ и что онъ дѣлаетъ на кладбищѣ. Нѣсколько минутъ мы молча смотрѣли на великана; онъ стоялъ не перемѣняя своего положенія, по немногу шевелился, но съ мѣста не трогался. Наконецъ я сказалъ товарищу: «пойдемъ стороной, чтобъ его не трогать, если же онъ вздумаетъ напасть на насъ, тогда мы будемъ стрѣлять въ него». Товарищъ мой однако не согласился на мое предложеніе и уговорилъ меня прямо идти къ великану. Недошедъ до него нѣсколько шаговъ, мы увидали, что это былъ старый деревянный крестъ, поставленный надъ могилою усопшаго, который на самомъ дѣлѣ не былъ такъ великъ, какъ намъ казался. Что бы болѣе удостовѣриться въ видѣнномъ, мы три раза отходили отъ креста и онъ издали дѣйствительно казался человѣкомъ необыкновеннаго роста, и тогда мы вполне убѣдились, что это былъ ночной миражъ. Я сказалъ выше, что подобныя явленія миражей у насъ не рѣдки; путешественникъ слѣдуя по степной мѣстности близъ Гусинаго озера, можетъ быть свидѣтелемъ чудесныхъ отраженій въ природѣ, особенно послѣ большаго ненастья, при восходѣ солнца, когда пары, отдѣляясь густыми массами отъ южной цѣпи Байкальскихъ горъ, несутся надъ долиною.

П. КЕЛЬБЕРГЪ,

Членъ-Сотрудникъ.

МИНЕРАЛЬНЫЙ КЛЮЧЬ НА БЕРЕГУ

РѢКИ ХИЛКА.

Наслышавшись очень много о цѣлебныхъ свойствахъ ключа, называемаго у бурятъ кислымъ, находящагося по р. Хилку, я рѣшился осмотрѣть его. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, въ началѣ іюня, рано утромъ, я пустился въ путь, и въ три часа достигъ деревни Царкиной, находящейся на правомъ берегу рѣки Хилка, отстоящей въ 35 верстахъ отъ г. Селенгинска. Деревня эта состоитъ изъ шести небольшихъ, но довольно чистыхъ, домиковъ, гдѣ живутъ ясачные буряты, не очень давно принявшіе православную вѣру. Довольно замѣчательно, что всѣ они носятъ одну фамилію Итыгаловыхъ.

Перемѣнивши лошадей, я тотчасъ же поѣхалъ по направленію рѣки Хилка, протекающей здѣсь по широкой, безлѣсной равнинѣ, имѣющей едва замѣтное наклоненіе. Скоро мы поворотили направо, начали подыматься на гору, откуда р. Хилкъ вдругъ поворачиваетъ влѣво; здѣсь она течетъ очень извиристо и по ней образовались острова, сплошь покрытые тальниками. Поднявшись на гору, мы достигли до сосноваго бора, по узкой лѣсистой пади и едва проторенной дорогѣ, задѣвая безпрестанно осями тарантаса за деревья и пни. Такою удобною, какъ здѣсь называютъ, дорогою, мы съ величайшимъ трудомъ проѣхали

около пяти верстъ отъ дер. Паркиной; далѣе слѣдовать не было никакой возможности: узкая каменистая дорога, непрерывныя рытвины, вымоины и овраги не позволяли ѣхать въ тарантасѣ, притомъ и лошади наши совершенно пристали.

Бросивъ тарантасъ, я взялъ проводника и пошелъ съ нимъ пѣшкомъ на гору, которая становилась все круче и круче. Большаго труда стоило намъ это путешествіе: глубокіе овраги, огромные камни и свалившіяся деревья на каждомъ шагу затрудняли наше слѣдованіе; но миновавъ эти природныя преграды, мы, наконецъ, достигли до отвѣсной скалы, возвышающейся около 280 футовъ надъ уровнемъ рѣки Хилка. Я былъ изумленъ дикою и вмѣстѣ грозною красотою этой гигантской скалы. Я очень сожалѣлъ, что не могъ срисовать эту живописную скалу, съ ея отдѣльными башнями и зубцами, коронующими верхнее очертаніе стѣнъ. По обѣ стороны громадной скалы природа создала какъ бы отлогія плотины, защищающія эту неприступную высь, мѣстами лежатъ у подножія горы распавшіяся башни, далѣе видны какъ бы искусственные рвы и бойницы съ платформами, на коихъ раскинулись животные сады. Картина по истинѣ великолѣпная!

Надо думать, что скала въ слѣдствіе землетрясеній, которыя здѣсь не рѣдки, постепенно обрушалась въ разное время, потому что въ сосѣдствѣ ея повсюду лежатъ, въ безпорядкѣ, огромные каменные отторженцы.

Съ западной стороны скала падаетъ отвѣсно, имѣя нѣсколько небольшихъ уступовъ; вся она состоитъ изъ перемежающихся пластовъ гранита и гнейса. Въ самой срединѣ скалы образовалась щель, изъ которой бьетъ тонкая струя воды; она падаетъ сперва на уступъ и потомъ льется въ небольшой круглый водоемъ у самаго подножія горы. Здѣсь берутъ воду, которой едва можно собрать около четырехъ бутылокъ, потомъ надобно ждать, пока вода снова накопится въ водоемѣ. Наполнивъ собою углубленіе, вода течетъ черезъ края и змѣится едва замѣтнымъ ручейкомъ, исчезающимъ скоро въ горнокаменныхъ породахъ.

Неизвѣстно, почему инородцы источникъ этотъ на зываютъ кислымъ ключемъ: вода его, напротивъ, неимѣетъ и слѣда кислыхъ газовъ; она прозрачна, мягка и пріятна на вкусъ и въ ней едва можно замѣтить не много вязущее свойство, отзывающееся землянистымъ запахомъ. Отъ прибавленія къ сырой водѣ кофе или чернильныхъ орѣшковъ, она получаетъ зеленоватый цвѣтъ; подверженная кипѣнію, дѣлается бѣловатою и болѣе пріятною на вкусъ, и въ этомъ состояніи она уже не отзывается землею. Судя по послѣднему свойству, вода источника должна содержать въ себѣ углекислую магнезію, а можетъ быть и малую часть минеральныхъ солей. По моему испытанію, температура воды имѣла $4\frac{1}{2}^{\circ}$ R.

Во время осмотра моего мѣстности кислаго ключа, я нашелъ тамъ двухъ бурятъ, которые живутъ уже три недѣли и лечатся водою. Разговорившись съ ними, я узналъ, что одинъ изъ бурятъ, лѣтъ 40; какъ можно судить изъ его разсказа, былъ одержимъ главною болѣзнію, вѣроятно воспаленіемъ глазъ, и посланъ сюда для леченія ламою, который приказалъ ему пить свѣжую воду и ею же промывать глаза восемь разъ въ сутки. Онъ пріѣхалъ на воды почти слѣпой, и при этомъ глаза его ужасно болѣли; теперь этотъ бурякъ совершенно поправился и живетъ един ственно для своего товарища.

Другой бурякъ, отъ роду 28 лѣтъ, грудь впалая, цвѣтъ лица болѣзненный и блѣдный, имѣетъ кашель съ гнойною вонючею мокротою. Онъ передалъ мнѣ, что былъ болѣнъ цѣлую зиму и весну; страдалъ болью въ груди и особенно праваго бока, безпрерывно кашлялъ съ кровью и не могъ пройти по юртѣ, чтобъ не задохнуться. При этомъ онъ одержимъ былъ поносомъ съ опухолью ногъ и, три недѣли тому назадъ, его едва живаго привезли на источникъ. Ему предписано было ламою пить свѣжую воду, взятую прямо изъ ключа, не вдругъ, а глотками и пріемы воды день ото дня увеличивать и, между прочимъ, въ хорошую погоду, ходить по горамъ какъ можно болѣе. Въ пищу позволено употреблять бараній супъ безъ мяса, свѣжее молоко и кир-

пичный чай. После пятидневнаго употребленія воды и усиленной ходьбы по горамъ, буряты почувствовали, что у него въ груди что-то какъ бы лопнуло или оторвалось и вышло горломъ много крови, смѣшанной съ гноемъ, который потомъ отдѣлялся по немногу около пяти дней. Въ настоящее время кашель у него совершенно прекратился; одышки, поносу и опухоли въ ногахъ нѣтъ; онъ чувствуетъ себя крѣпче и бодрѣе и дѣлаетъ большія прогулки безъ усталости; однимъ словомъ буряты выразились такъ, что цѣлебный ключъ переродилъ его. По всему видно, что буряты этотъ страдаетъ чахоткою легкихъ и что вскрывшійся нарывъ улучшилъ его здоровье.

Жители деревни Паркиной передали мнѣ, что въ прежнія времена, лѣтомъ, на источникѣ лечились многіе, преимущественно изъ буряты. Присутствіе бывавшихъ здѣсь инородцевъ весьма замѣтно и потому, что всѣ кусты, растущіе около скалы и ключа, увѣшаны лоскутками разноцвѣтныхъ бумажныхъ и шелковыхъ матерій—это жертвы буряты за свое исцѣленіе.

Я пробылъ на ключѣ двое сутокъ; погода стояла ясная и тихая; среднее состояніе барометра, изъ десяти наблюденій, 27.6, 1 дѣленія русскихъ дюймовъ. Несмотря на эту цифру, съ одной стороны скалы, къ сѣверу, лежало много льду, еще не растаявшаго; проводникъ мой увѣрялъ меня, что ледъ бываетъ здѣсь ежегодно, вслѣдствіе зимнихъ накипей, и растаяваетъ около послѣднихъ чиселъ іюля, а въ иные годы лежитъ и во все лѣто.

Глубокая долина, въ которой находится скала и цѣлебный ключъ, густо поросла высокимъ сосновымъ лѣсомъ; воздухъ здѣсь чистый и бальзамическій; видъ къ западу и сѣверу отъ скалы великолѣпный; широкая безлѣсная долина тянется на далекое разстояніе и по ней извивается потокъ рѣки Хилка. По открытымъ побережьямъ этой рѣки и по островамъ ея повсюду раскиданы юрты буряты Цонголова рода и около нихъ, не въ далекомъ, пасутся многочисленные табуны лошадей и стада коровъ и барановъ, а на горныхъ мѣстахъ, кое-гдѣ покрытыхъ сосновымъ и березовымъ лѣсомъ, красуются поля, засѣяныя различнымъ

хлѣбомъ; вокругъ движеніе и жизнь, рѣзко выражающія характеръ быта настоящаго кочующаго бурята.

Въ сосѣдствѣ кислаго ключа, мѣстами громоздятся высокія скалы, и на неприступныхъ высотахъ этихъ каменныхъ твердынь, буряты достаютъ какое-то вещество, имѣющее по видимому большое сходство съ каменнымъ байкальскимъ воскомъ (нефтигилемъ), употребляемымъ какъ ими, такъ и русскими какъ лекарство. Буряты, завидѣвши массу каменнаго воску, образовавшагося на скалахъ, стрѣляетъ въ нее изъ винтовки и такимъ образомъ отбиваетъ куски воску, которые продаетъ довольно цѣнно. Ламы употребляютъ каменный воскъ, растертый въ мелкій порошокъ и смѣшанный съ разными травами, при леченіи грудныхъ и судорожныхъ болѣзней; нѣкоторые изъ ламъ сравниваютъ дѣйствіе каменнаго воска съ бобровою струей и находятъ, что свойства обоихъ веществъ тождественны.

Мнѣніе ламъ, относительно происхожденія каменнаго воска, различно: одни считаютъ его минеральнымъ происхожденіемъ, другіе говорятъ, что это порожденіе и асѣкомыхъ, третьи, наконецъ, утверждаютъ, что это экскременты одной породы мышей. Последнее свидѣтельство совершенно вѣрно: въ одномъ мѣстѣ высокой скалы, я, съ помощью буряты, былъ опущенъ на веревкѣ къ тому пункту, гдѣ примѣтна была масса образовавшагося вещества. На ровной каменной плитѣ, я нашелъ кучку около двухъ фунтовъ, тщательно уложенную; кругомъ кучки замѣтна большая чистота и опрятность, все доказываетъ, что это произведеніе небольшого животнаго, сохраняющаго свои экскременты можетъ быть для какого нибудь употребленія. Мы видали образцы подобнаго вещества, вывозимаго изъ Тибета, и играющаго не послѣднюю роль въ тибетской медицинѣ. Ламы говорятъ, что лекарство это извѣстно у нихъ подъ именемъ помета бѣлой мыши. Сравнивъ спекшіеся куски, найденные у насъ, съ тибетскими, видно, что они чрезвычайно между собою сходны.

Найденное мною вещество представляетъ почти сплошную

бурую массу, похожую на опиумъ и имѣющее запахъ ревеня; не отъ того-ли, что маленькія животныя ѣдятъ корни растущаго здѣсь ревеня? Въ увеличительное стекло ясно видно, что это калъ именно какой-то мыши, смѣшанной съ густою уриною. Вещество это плавится и горитъ, издавая нашатырный запахъ, по сгорѣніи оставляетъ сѣроватую золу, въ винномъ спиртѣ растворяется около третьей части, а въ горячей водѣ болѣе половины.

И. КЕЛЬБЕРГЪ,

Членъ-Сотрудникъ.

МѢСТОРОЖДЕНІЕ МРАМОРА ВЪ МИНУСИН- СКОМЪ ОКРУГѢ.

Въ отчетѣ о дѣйствіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1858 г., между прочимъ, приведено извѣстіе о путешествіи въ томъ году по Минусинскому округу главнаго астронома сибирской экспедиціи Шварца. «Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ результатовъ этого путешествія, сказано въ отчетѣ, есть открытіе трехъ пластовъ мрамора, пересѣкающихъ р. Енисей въ широтахъ $51^{\circ} 45' 4''$, $52^{\circ} 0' 7''$ и $53^{\circ} 0'$, почти совершенно точно по направленію отъ востока на западъ и поднятыхъ почти вертикально. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ пласты мрамора перемежаются съ пластами зеленоватаго глинистаго сланца. Самый южный пластъ мрамора, подь $51^{\circ} 45'$ широты, не очень толстъ и худаго качества, съ весьма развитымъ наслоеніемъ; въ двухъ другихъ мѣстахъ пласты мрамора распространяются на цѣлую версту, и мраморъ имѣетъ уже совершенно зернистое сложеніе, подь широтою $52^{\circ} 0' 7''$, съ красноватымъ оттѣнкомъ, подь широтой $53^{\circ} 0'$, не много южнѣ села Означеннаго, превосходной доброты: мельчайшаго зерна и безпорочной бѣлизны» (*).

(*) Стр. 11 и 12.

Это извѣстіе не совсѣмъ вѣрно. Г. Шварцъ не открылъ въ Минусинскомъ округѣ ни одного пласта мрамора, а тѣ, положеніе которыхъ онъ опредѣлилъ астрономически, показаны ему крестьянами, сопровождавшими его на р. Усь, съ которой онъ выплылъ на Енисей. Крестьянамъ не села, а деревни Означенной эти пласты мрамора извѣстны съ незапамятнаго времени, и изъ ближайшаго къ ихъ деревнѣ они постоянно приготавливаютъ известъ. Г. Степановъ еще въ 1835 году писалъ, что «возлѣ того мѣста, гдѣ является Енисей изъ горъ на долины (слѣдовательно, именно близъ деревни Означенной), есть превосходнѣйшій мраморъ черный, въ смѣшеніи съ бѣлымъ и оливковымъ», прибавляя къ тому, что «въ Саянскомъ хребтѣ и его окрестностяхъ (слѣдовательно и въ горахъ, тянущихся отъ деревни Означенной вверхъ по берегамъ Енисея) существуетъ мраморъ очень хорошій, бѣлый и возлѣ его селенить». (Енисейс: губер. ч. 1 стр. 67). Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, образцы этого мрамора были нарочно добыты въ мѣсторожденіяхъ его и доставлены въ Красноярскъ къ одному частному лицу, которое, кажется, хотѣло употребить его для отдѣлки каминовъ и нѣкоторыхъ другихъ принадлежностей въ своемъ домѣ; но это намѣреніе, неизвѣстно почему, не осуществилось. Я имѣлъ образцы этого мрамора еще въ 1855 году. Такимъ образомъ это далеко не новое открытіе. Зная благородный характеръ г. Шварца, я вполне убѣжденъ, что онъ и не приписывалъ себѣ этого открытія: въ отчетъ Географическаго Общества вкралась, по всей вѣроятности, не большая ошибка.

Но обращу вниманіе на мѣсторожденія вышеозначенныхъ пластовъ минусинскаго мрамора, положеніе которыхъ еще въ первый разъ опредѣлено астрономически г. Шварцомъ.

Первый пласть мрамора (53° , $0'$ с. ш.) находится верстахъ въ 15 выше послѣдней нашей деревни по Енисею—Означенной. Отъ этой деревни, вверхъ по Енисею, правымъ его берегомъ, на разстояніи 9 верстъ, идетъ телѣжная дорога до рѣчки Сизой, но тутъ она прекращается. Въ 6 верстахъ отъ этого мѣста, пересѣвши рѣчки: Сизую, Голубую и Кибикъ, проложенная здѣсь

тропинка упирается въ гору краснопесчанниковой формаци, возвыщающуюся сажень на 200 отъ берега Енисея. Мѣстность, гдѣ находится эта гора, называется Соколовымъ Займищемъ. Сама гора, неимѣющая особаго названія, около 90 сажень въ окружности у подошвы и до 40 сажень вышины, поросла сосною и березою и соединяется съ хребтомъ горъ, также краснопесчанниковой формаци, имѣющимъ направленіе на западъ. Пласть мрамора, весьма значительно обнажающейся въ разломахъ этой горы, по всей вѣроятности, залегаетъ и во всей грядѣ, съ которою она соединяется. Между горой и рѣкой Енисеемъ, на берегу, растеть довольно густая трава.

Напротивъ этой горы, на лѣвой сторонѣ Енисея, выдается въ рѣку, значительнымъ утесомъ, другая гора, также безъ названія, заключающая въ себѣ мраморъ. Должно предполагать, что дотога времени, когда, въ слѣдствіе какого-то переворота, открылось мѣсто для русла Енисея, эта гора имѣла видимую связь съ хребтомъ горъ, тянущимся по правому берегу этой рѣки. По крайней мѣрѣ она совершенно одинаковой формаци. Эта гора, имѣя до 200 саж. высоты, тянется съ своимъ предгоріемъ на одну версту и потомъ примыкаетъ къ другимъ горамъ. Вершина ея довольно густо покрыта сосной и лиственницей.

Поднимаясь отъ этаго мѣста вверхъ по Енисею, до пороговъ Жоя, Березоваго, Дѣдушкина, Уса и Керенеукской шиверы, гористые берега рѣки на право и на лѣво во многихъ мѣстахъ показываютъ значительныя обнаженія мрамора, но найти тотъ самый пласть его, который астрономъ Шварцъ опредѣлилъ находящимся подъ $52^{\circ} 0' 7''$ широты иначе невозможно, какъ съ помощію астрономическихъ инструментовъ.

Третій и послѣдній пласть мрамора ($51^{\circ} 45' 4''$) находится около 300 верстъ выше деревни Означенной и въ 30 верстахъ выше большаго порога, называемаго Усь. Онъ заключается въ горѣ изъ краснаго песчаника, упирающейся утесомъ въ Енисей съ правой стороны. У подошвы эта гора около 250 сажень, вышиною до 280 саж., поросла березою, сосной и чере-

мухой. Ее окружаютъ другія горы. Напротивъ ея, съ лѣвой стороны Енисея, обнаженія мрамора замѣтны менѣе, чѣмъ съ правой.

Въ отчетѣ Императорскаго Географическаго Общества сказано, что сообщенія отъ этаго мѣста съ городами Енисейской губернии не представляютъ никакихъ затрудненій и въ будущемъ, по всей вѣроятности, этимъ пластамъ мрамора назначено имѣть большую важность для промышленности края. Но это можно сказать только о мраморѣ, залегающемъ ниже пороговъ. Что же касается до пласта, находящагося подъ $51^{\circ} 45' 4''$, то доступъ къ нему такъ труденъ, по быстротѣ рѣки, значительной высотѣ пороговъ и отдаленности отъ жилыхъ мѣстъ, что этотъ мраморъ едва ли можетъ когда нибудь принести какую нибудь пользу здѣшнему краю, тѣмъ болѣе, что и самое качество его весьма низко. Зимняя перевозка мрамора отсюда также будетъ всегда весьма затруднительна, потому что Енисей въ этихъ мѣстахъ плохо замерзаетъ; а о перевозкѣ берегомъ—нечего и думать, по гористости мѣстоположенія и совершенной пустынности края, не имѣющаго даже и такихъ пунктовъ, гдѣ бы можно было удобно поселиться.

Въ Минусинскомъ округѣ мраморъ извѣстенъ не на одномъ Енисеѣ. Я имѣю достовѣрное свѣдѣнiе, что онъ обнажается во многихъ мѣстахъ и по берегамъ р. Абакана, начиная нѣсколько выше Арбатской казачьей станицы. Г. Шварцъ полагалъ, что это должны быть продолженія тѣхъ же самыхъ пластовъ, положеніе которыхъ онъ опредѣлилъ на Енисеѣ. Къ сожалѣнію, позднее время года не позволило ему обследовать абаканскаго мрамора и подтвердить свою догадку или отказаться отъ нея. Но если это предположеніе его справедливо, то въ Минусинскомъ округѣ мраморъ занимаетъ весьма значительное пространство, которое, взявъ въ расчетъ только разстояніе между Абаканомъ и Енисеемъ, равняется приблизительно отъ 50 до 100 верстъ.

КНЯЗЬ КОСТРОВЪ,

Чл. Сотрудникъ,

ЗАМѢТКА О ПЕРЕМѢНАХЪ ПОГОДЫ, ВЪ С. МИХАЙЛОВСКОМЪ, НА Р. АМУРЪ.

Живя здѣсь въ деревнѣ съ 12 сентября 1857 года, я, между другими дѣлами, веду дневную записку о перемѣнахъ погоды и если случится что замѣчательное, то записываю. Изъ этихъ наблюдений я вижу, что многое здѣсь совершается по инымъ законамъ природы, чего мнѣ не доводилось замѣчать во время жительства моего въ Иркутскѣ. Такимъ образомъ я былъ весьма удивленъ, когда здѣсь, 14 февраля, надъ нами разразился громъ. Съ 12 сентября 1857 г. по 22 стояла погода хорошая, ясная, вѣтеръ дулъ непостоянный, то съ юго-востока порывистый, то съ сѣверо-запада—легкій съ одинаковою силою. 23 сентября выпалъ первый снѣгъ, но на другой день растаялъ. До сего числа овощей еще не собирали съ огорода; но послѣ снѣга мы какъ-бы испугались и къ 27 окончательно убрались съ нашимъ хозяйствомъ, потомъ жалѣли: сдѣлалось очень тепло и такая погода продолжалась до 12 октября. Въ этотъ день было, можно сказать, очень жарко и этимъ кончилось наше теплос время. Последній дождь палъ 15 октября. Амуръ покрылся льдомъ 1 ноября, но очень тонкимъ, такъ что до 9 числа можно было черезъ рѣку переѣзжать только на собакахъ, а на лошадяхъ

поѣхали съ 13. До 17 декабря стояла погода ясная, морозы были умеренные, не болѣе 14 градусовъ. 17, 18 и 19 дули сильныя пурги, потомъ опять возобновилась та же погода, какая была и въ началѣ этого мѣсяца; морозы доходили до 27 градусовъ. Такой холодъ продолжался до самаго новаго года. 16, 17 и 18 января снова начались пурги. До 16 февраля погода стояла умеренная, затѣмъ 16, 17 и 18 февраля опять задули самыя свирѣпыя бури съ снѣжными пургами. Замѣчательно, что всѣ упомянутыя мною три вьюги, случились на полнолуніе и снѣгъ палъ только въ это бурное время, поэтому онъ былъ мелокъ, и основывался на словахъ гиляковъ, настоящая зима была безснѣжная. 28 и 29 марта палъ небольшой дождь. Съ 24 марта по 2 апрѣля дулъ юговосточный вѣтеръ, при теплой температурѣ, такъ что снѣгъ уже постепенно таялъ и ни днемъ, ни ночью не замерзали грязи. Путь по Амуру прекратился 14 апрѣля, а 16 прошелъ ледъ противъ Михайловскаго селенія. Шугу несло до 28 апрѣля. Въ этотъ день начался ловъ рыбы, и въ одинъ день поймали около 100 осетровъ. Засимъ до 1 мая стояла пасмурная погода. 10 мая шелъ дождь, и съ тѣхъ поръ до 25 іюня мы не видали его совершенно. Вѣтеръ дулъ постоянно юго-восточный, ослабѣвая только къ ночи. 26 іюня, ночью, былъ сильный дождь, но безъ грозы. 26 іюля, въ 6 часу пополуни, на сѣверо-западѣ показалась темная туча и прогремѣлъ нѣсколько разъ вдали громъ, а въ 6 часовъ подулъ сильный вѣтеръ и пошелъ дождь, при сильныхъ ударахъ грома; затѣмъ палъ градъ необыкновенной величины, почти въ куриное яйцо, неправильной кристаллизаціи со многими гранями и острыми оконечностями; онъ продолжался минуты четыре. Но, Боже мой, что случилось въ эти четыре минуты! Въ церкви, съ сѣверной стороны, выбило во всѣхъ окнахъ стекла и нѣкоторымъ молящимся (это было во время всеобщаго бдѣнія на воскресенье) обломками стеколъ обрѣзало руки; напуганныя лошади бросались въ рѣку; коровы бѣгали по улицѣ, загнувъ головы къ верху и мычали; одному прикащику Россійско—Американской компаніи, проплывавшему изъ Маринскаго поста въ Николаевскъ, пробило фуражку и непромокаемое пальто, пока онъ успѣлъ

укрыться подъ вельботъ. Когда пересталъ дождь и съ нимъ градъ, мы вышли изъ дома и увидали страшное разрушеніе. Такъ какъ большая часть нашихъ домовъ крыты корьемъ, то все кровли истребило; въ нѣкоторыхъ огородахъ побилло все начисто. Двухмѣсячные труды поселянокъ градомъ уничтожило совершенно. Однакожь надо замѣтить, что этотъ губельный градъ несло полосами, такъ на примѣръ, у нѣкоторыхъ огороды, въ томъ числѣ и у меня, мало пострадали, тогда какъ у прочихъ почти все пригнуло и забило въ землю. Жали только рожь и едва получили на сѣмена; нѣкоторые сняли и яровые хлѣба, уцѣлѣвшіе отъ общей гибели. Удивительно, что были и такія полосы земли съ хлѣбомъ, которыя нисколько не пострадали. У меня, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится большая часть пашень, побилло съ прочими все; но въ полуторахъ верст. оттуда, даже признаку града небыло. Я полагаю, что это неравенство вышло потому, что градъ палъ при порывистомъ вѣтрѣ, отчего и гибель случилась не одинаковая. Лѣто наше вообще стояло сухое, но незнойное. 26 августа показалась комета; она видна была до 27 сентября, но когда же она исчезла, за пасмурною погодою, стоявшею до 3 октября, нельзя было опредѣлить. Комета являлась вечеромъ на западѣ и съ каждымъ днемъ возвышаясь, доходила утромъ до востока. Первый иней палъ 3 сентября, но небольшой; 8 былъ сильнѣе, такъ что земля замерзла. До сего числа еще зеленѣло въ огородахъ, нѣкоторые огурцы цвѣли и много ихъ наливалось—это отросшіе послѣ града. 11 сентября я нашелъ кустъ шиповника, только что разцвѣтшій. 22 сентября выпалъ первый снѣгъ, а послѣдній дождь шелъ 30. Съ этого времени по 7 октября погода стояла пасмурная и перепадала снѣгъ; съ 8 по 11 ясно; 12 октября былъ великолѣпный день, солнце жгло невыносимо, даже въ тѣни было жарко. Замѣчаю здѣсь, что въ 1857 году мы помнимъ точно такой же теплый день въ это самое число. Съ 16 по 26 началъ падать снѣгъ, который и не растаялъ, а съ 22 установилась санная дорога. Съ 26 сентября по 26 октября, исключая 12 числа, постоянно дулъ сѣверо-западный вѣтеръ. 31 октября Амуръ покрылся льдомъ; этотъ день былъ очень холод-

ный, я думаю градусовъ 15. 1, 2 и 3 числа была пурга, вѣтеръ дулъ сѣверо-западный; 4 и 5 было ясно, 6 дулъ сильный юго-восточный холодный вѣтеръ, 7 то же, но теплый; съ 8 по 15 было пасмурно и тепло; съ 16 по 19 было ясно и холодно, съ 20 по 24 было пасмурно, съ 25 по 30 было ясно и холодно; съ 1 декабря по 5 дула сильная пурга, съ 6 по 16 сдѣлалось очень холодно—около 30 градусовъ, съ 17 по 21 снизилось до 20 градусовъ, съ 22 по 24 опять была пурга, съ 25 декабря по 28 января хотя стояла погода хорошая, но было холодно. На 29 января, въ часъ пополуночи, на сѣверѣ, освѣтило небосклонъ въ видѣ огненныхъ столбовъ, это было сѣверное сіяніе, продолжавшееся минутъ двадцать. На 30 января повторилось то же явленіе; но при свѣтѣ луны сѣверное сіяніе раздѣлилось на двѣ части, образуя по ту и другую сторону по три огненныхъ столба. Съ 30 по 4 было ясно и съ каждымъ днемъ дѣлалось теплѣе. 5 февраля, въ 5 часовъ пополудни, мы были свидѣтелями луннаго затмѣнія. Въ три четверти 7 часа она совершенно затмилась и свѣту никакого отъ себя не давала, съ $1\frac{1}{2}$ 8 часа начала давать свѣтъ и принимать свое нормальное положеніе съ нижняго конца, въ 9 часовъ кончилось затмѣніе. Съ 6 до 14 было ясно; 14 числа, въ 2 часа пополудни, на сѣверѣ прогремѣлъ громъ и звукъ его долго отзывался.

Вотъ какія явленія случились съ 12 сентября 1857 г. по 14 февраля 1859 года и если Отдѣлу не бесполезны будутъ эти замѣтки, то я впередъ готовъ вести мою сельскую лѣтопись, — быть можетъ она и послужитъ для какихъ нибудь соображеній.

СВЯЩЕННИКЪ ТИТОВЪ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ О НЕРЧИНСКОМЪ ОКРУГѢ.

Предлагаю здѣсь нѣсколько замѣтокъ о путевыхъ сообщеніяхъ въ юго-западной части Нерчинскаго округа, въ горныхъ предѣлахъ Яблоннаго хребта и его отроговъ.

1) *Перевалъ съ вершины Былыра.* Черезъ Нижнюю Давалгу, попадаютъ въ Тарбалджей и выѣзжаютъ по немъ въ Мангутскій карауль. Черезъ Верхнюю Давалгу слѣдуютъ въ Жергалантуй и выѣзжаютъ въ Ульхунскую партію.

2) *Перевалъ съ вершины Кыры.* Черезъ Адарей, попадаютъ въ вершину другаго Адарея, впадающаго въ Ингоду, и отстоящаго отъ крайнихъ селеній въ 150 верстахъ. Отъ Кырынскаго караула до Адарея 60 верстъ.

3) *Путь изъ Ингодинскихъ селеній на Ононъ.* Здѣсь ѣздятъ двумя путями: Джилой и изъ дальней ея вершины, называемой Боронъ-жилой, слѣдуютъ въ Хасуртай, потомъ въ Былыру (*) и рѣчкой Смирилгой; въ послѣднемъ случаѣ берутъ путь съ ея вершины въ Усимунь и Исиндой, слѣдуютъ въ Хасуртай и тѣмъ же путемъ на Кыринскій карауль. Этими двумя путями выѣзжаютъ съ Ингоды на Ононъ на верховыхъ лошадяхъ въ пятый день.

(*) Отъ Хасуртая до Кырынскаго караула 80 верстъ.

4) *Перевалъ съ вершины Ингоды въ вершину Урула и дорога на Алтанскій караулъ.* Отъ устья р. Верен (правый притокъ р. Ингоды) мы шли на S шагомъ $6\frac{1}{2}$ часовъ и поднялись постепенно на Яблонный хребетъ, гдѣ много озеръ. Напротивъ увидѣли Чокондо, направленіе его складокъ N и S. На W видѣлись Болжійскіе и Ашингинскіе гольцы. Потомъ, взявъ немного на O, попали въ вершину р. Урулы, шли по ней весьма медленно $6\frac{1}{2}$ часовъ. Встрѣтили зимовье и тропу, которая оказалась звѣровою дорогою, идущей на Алтанскій караулъ. Потомъ мы пошли на O, перевалили хребтикъ и попали черезъ $1\frac{1}{2}$ часа ходу въ рѣчку Чокондо, лѣвый притокъ Урулы (верстъ 10 длины). Потомъ ѣхали рысю, на O $3\frac{1}{2}$ часа, пересѣкли 3 ключа (Миваки), выѣхали въ Агыцу и по ея долині (SO 10—15°) ѣхали три часа и достигли до караула Алтанскаго.

5) *Изъ Или на Ингуду.* Отъ Куючинской станицы отправились мы по р. Или, которая уклоняется постепенно на W, и противъ устья р. Славянки (въ 35 верстахъ) имѣетъ направленіе прямо на W. Потомъ верстахъ въ 6, начинаетъ уклоняться опять на S, и подъ вершиной имѣетъ направленіе на S (12 верстъ). Всего отъ Куючинской станицы до вершины Верен 50 вер. Въ вершинѣ Или горы понижаются, небольшая незамѣтная возвышенность отдѣляетъ Или отъ Урея (притокъ Акши). Потомъ ѣхали до устья Хахура 2 часа (8 верстъ), вверхъ по Хахуру 4 часа (12 верстъ), верхнимъ извилистымъ Хахуромъ Аленгуйскимъ шли 14 часовъ (42 вер). Перешли на лѣвый берегъ Аленгуя, пересѣкли Граматуху, Джульчукенъ и вышли чрезъ 7 часовъ ходу на Арашентуй. Потомъ вверхъ по Арашентую въ р. Жюльчу и Жюльчей вышли на Ингуду, въ селеніе Орту (вер. 30). Потомъ ѣздили изъ Куючинской станицы черезъ Улотуй на Аленгуй въ Арашентуй. До устья Улотуя 3 часа рысю. Улотуемъ и другимъ Улотуемъ до Аленгуя $4\frac{1}{2}$ часа шагомъ (25 вер.) и, наконецъ, Аленгуемъ, вверхъ до Арашентуя, рысю 6 часовъ (45 вер.).

6) *Объ рѣкѣ Ингодѣ.* Рѣка эта имѣетъ истокъ изъ гольца

Чокондо, который лежит по правой сторонѣ у самой ея вершины. Близъ него есть слѣва притокъ, называемый Бурега, по которому попадаютъ въ Чикойскую Бурегу, и выѣзжаютъ на Чикой отъ Ингоды въ $\frac{1}{2}$ дня. Потомъ вверхъ по Чикою до 7 озеръ въ $\frac{1}{2}$ дня.

7) *Рѣка Чикой*. Она пересѣкаетъ вершину Ингоды и подходитъ своею вершиной къ средней вершинѣ р. Ашинги, изъ лѣваго притока которой по р. Чикою идетъ на Чикой, черезъ такъ называемый перешеекъ (низкое мѣсто, разлогъ или сѣдловина) верховая дорога, по которой ѣздятъ буряты съ 7 озеръ на Ашингинскій пикетъ.

8) *Рѣка Ашинга* бѣжитъ изъ Ашингинскихъ гольцевъ. Въ вершинѣ разбита на 3 вѣтви, по 7 верстъ каждая. Справа впадаетъ р. Голубина.

9) *Рѣка Чиноя*. Въ нее впадаютъ слѣва 2 рѣчки Безъименная и Зимовейная, по которымъ переваливаютъ въ вершины Бальджи.

10) *Рѣка Урула (Букукуи)*. Она примыкаетъ къ западной сторонѣ Чокондо, а къ восточной—р. Алтанъ (Агыца).

11) *Атадайскій хребетъ*. Онъ идетъ изъ вершины Ушмуна и Джины, упирается въ Ингоду, дѣлая въ ней изгибъ. Хребетъ этотъ разсѣченъ вдоль долиною р. Бугарихты.

12) *Алханайскій хребетъ* лежитъ на правомъ берегу р. Или; возвышенная его точка противъ Куячинской станицы. Имѣетъ видъ двугорья, разсѣченъ трещиною, по направленію NO и SW, долиною р. Сайли.

13) *Озеро Бальзино* 7 верстъ въ окружности, лежитъ среди обширной степной котловины, окруженной острогранными горами изъ слюденныхъ сланцевъ, которая отдѣлена отъ долины р. Или небольшимъ возвышеніемъ, оканчивающимся яромъ надъ долиною р. Или, гдѣ стоятъ двѣ станицы Куячи и Краснояръ.

14) Долины рр. Кыры и Агыцы, противъ карауловъ, нераздѣлены хребтами, а обширною площадью степною, гдѣ лежитъ небольшое озеро, называемое Чиндагатайскимъ.

15) Между селеніями Ортою и Доронинскимъ находится небольшое селитряное озеро; по берегамъ его осаждается соленоватая пыль, собираемая мѣстными жителями; вещество это называется *гужиръ* и употребляется въ кирпичный чай.

16) *Снѣга*. Въ юго-западной части Нерчинскаго округа снѣгъ только бываетъ въ гольцахъ и горахъ, въ степныхъ же долинахъ р. Онона, Или, Туры и Ингоды, окружающихъ гористую мѣстность, снѣга нѣтъ. Весьма рѣдко бываетъ санная дорога. Въ горахъ же и вершинахъ рѣкъ снѣгъ выпадаетъ глубокой; въ 1856 году въ иныхъ мѣстахъ былъ до двухъ арш.

17) *О температурѣ на Ингодѣ выше селеній*. Въ началѣ и половинѣ апрѣля были холода и падали снѣга. Въ концѣ апрѣля, на солонкахъ, горахъ и открытыхъ лугахъ, начала обнажаться мѣстами земля.

Въ половинѣ марта ключи начали отдыхать, начали питать горныя рѣчки. Сіи послѣднія замѣтно промыли себѣ русла во льду. Въ концѣ апрѣля рѣки проѣли ледъ до дна, оставались одни забереги. Съ первыхъ чиселъ мая воды сильно прибывли. Было нѣсколько теплыхъ дней. По рѣчкамъ шли льды. Наступившіе морозы все прекратили.

15 Мая начались дожди, при теплыхъ дняхъ. Рѣчки и Ингода прибывли. По первымъ вода шла по направленію всѣхъ падей.

4 Іюня въ ночь былъ сильный иней.

12 Іюня былъ также сильный иней.

Въ маѣ на Ингодѣ было сутокъ ясныхъ

и теплыхъ — — — — 9

Хорошихъ съ кратковременнымъ дож-

демъ и громомъ — — — — 8

Дождливыхъ и холодныхъ — — — — 10

Съ снѣгомъ, холодныхъ — — — — 4

Трава на заранѣе вызженныхъ мѣстахъ начала пробиваться съ первыхъ чиселъ мая. Съ 20 деревья одѣлись зеленью.

25 числа разцвѣла черемуха. Комары начали показываться съ 1 числа мая, оводъ въ послѣднихъ, но весьма мало. Мошки небыло еще. Грязи весьма оттаяли. Вообще климатъ въ долинахъ, упирающихся въ гольцы, суровъ. Дожди бываютъ часто. Ясное безъ тучъ небо можно рѣдко видѣть на солнечномъ закатѣ или на утренней зарѣ. Вѣтры постоянно дуютъ съ вершинъ. Дожди большею частію бываютъ между полуднемъ и шестымъ часомъ. Они крупны, кратковременны, сопровождаются нерѣдко громомъ, а иногда и градомъ, доходящимъ до грѣцкаго орѣха. 18 августа поспѣла малина, смородина и черемуха.

Н. АНОСОВЪ,

Членъ-Сотрудникъ.

ЗАМѢТКИ

ИЗЪ ДѢЛЪ ЯКУТСКАГО АРХИВА.

При разборѣ столбцовъ Якутскаго Архива, намъ попадались весьма любопытныя, отрывочныя свѣдѣнія, касающіяся различныхъ предметовъ какъ общественнаго, такъ и частнаго быта русской старины. По невозможности составить изъ этихъ свѣдѣній что либо цѣлое, мы тѣмъ не менѣе рѣшились представлять ихъ, по мѣрѣ извлеченія изъ дѣлъ, на вниманіе Сибирскаго Отдѣла.

Въ 1678 году (*) населеніе Якутскаго острога состояло изъ слѣдующихъ лицъ: воеводы, 2 священниковъ соборныхъ: черный отецъ Макарій и бѣлый отецъ Степанъ Оомигъ; въ монастырѣ: 1 іеромонахъ Ефимій и іеродіаконъ Алексѣй, 2 дьячка, 1 просвирня и 1 пономарь. Дѣтей боярскихъ 21; сотниковъ стрѣлецкихъ и казачьихъ 3; атаманъ 1. Подъячихъ: приказной избы 13, таможенной избы 1; городской толмачъ 1. Служилыхъ людей: пятидесятниковъ казачьихъ 10, десятниковъ казачьихъ 20, рядовыхъ казаковъ 495, пушкарей 3, изъ нихъ одинъ съ тѣмъ вмѣстѣ казенный кузнецъ, а другой воротникъ городскихъ воротъ; палачей и бирючей 2; посадскихъ людей 56. Въ тюрьмѣ содержалось 11 человекъ русскихъ, въ томъ числѣ 5 казаковъ за бунтъ, и нѣкто Костка Конюховской, какъ сказано

(*) Якутс. Област. Арх. столб. № 582.

о немъ: «по Государевой грамотѣ въ измѣнномъ дѣлѣ, и велѣно его беречь накрѣпко, и изъ тюрмы никому и ни для чего не выпускать, и никого къ нему къ тюрмѣ припускать не велѣно, и чернилъ и бумаги и писать ему не давать, а што учнетъ врать, и того у него ничего и никому не слѣшать». Сверхъ того за убійство содержались 5 якутовъ и 2 тунгуса. Пашенныхъ крестьянъ на Чичюйскомъ волоку находилось 86; на устьяхъ Витима и Пеледую 12; на устьяхъ Олекмы 4, на Амгѣ 10, за Кангаласскимъ камнемъ 2.

Въ 1683 году послѣдовалъ царскій указъ о запрещеніи, подъ смертною казнію, рубить и жечь лѣса въ соболиныхъ угодьяхъ.

Въ 1684 году велѣно было давать по челобитію, кому съ кѣмъ придется, очныя ставки, кромѣ воровскихъ и разбойничьихъ дѣлъ, для того, какъ сказано въ указѣ, «чтобъ наша Великихъ Государей казна—пошлинныя деньги—не пропадала, а истцамъ бы не поводно было затѣвать и не правдою исковъ своихъ искать, а инымъ въ искахъ своихъ лишку приписывать».

Дни тезоименитствъ, бракосочетаній особъ царскаго дома праздновались также, какъ и теперь. По случаю бракосочетанія Іоанна Алексѣевича въ 1684 г. съ Прасковьею Ѳедоровною Салтыковою, митрополитъ тобольскій предписалъ воеводѣ Кровкову, послѣ молебнаго пѣнія, объявить о томъ всѣхъ чиновъ людямъ. Для интереса приводимъ окончаніе этого посланія: «А милость святыхъ неизрѣченныхъ Соѣти премудрости Слово Божіе, и нашего смиренія благословеніе, да есмь и будетъ съ тобою нынѣ и во вѣки».

Въ Якутскѣ (*) находился Софійскій дворъ и домъ въ вѣдѣніи гражданскихъ лицъ; сюда поступали гражданскія дѣла, подлежащія, въ настоящее время, разбирательству духовныхъ властей.

Любимымъ сборищемъ тогдашнихъ жителей былъ квасной дворъ, гдѣ производилась торговля съѣстными припасами.

В. РАЙСКІЙ,
Членъ-Сотрудникъ.

(*) Столб. № 840, 1697 года.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЙСТВІЯХЪ ГОРНО—ПОИСКОВОЙ ПАРТІИ ВЪ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВЪ 1857 И 1858 ГОДАХЪ.

Партія въ это время занималась преимущественно отысканіемъ такой мѣстности въ Приморской области, въ которой, при изслѣдованіи, можно было бы найти россыпи, и кромѣ того, чтобы открытыя россыпи, были доступны со стороны Амура или моря. Однимъ словомъ надлежало отыскать золотоносную мѣстность. Партія не встрѣтила ее на берегу устья Амура; ей нужно было углубиться въ сторону. Идти сухимъ путемъ, за недостаткомъ средствъ, а равно и по гористому положенію и густой лѣсистой мѣстности, было совершенно невозможно. Партія переправилась моремъ на сѣверъ Приморской области, подошла къ устью Уди. Здѣсь, несмотря на скудные средства Удскаго края, могла вполне сформироваться и начать дѣйствіи въ Хинганскомъ хребтѣ, носящемъ здѣсь названіе Удскихъ горъ, которыя отстоятъ отъ моря въ дняхъ десяти пути.

Партія встрѣтила здѣсь въ наносахъ рѣчекъ знаки золота. Переваливъ на W, черезъ хребетъ, она нашла россыпь по р. Кинлянжаку, бѣгущей изъ западнаго отрога Удскаго хребта; россыпь изслѣдована весьма по верхности. Незначительное число людей партіи, было слишкомъ не пропорціонально восьмидесяти верстному протяженію р. Кинлянжака. Работы производились въ нижнемъ теченіи рѣки и обнаружено содержаніе пласта до $1\frac{1}{2}$ золот. въ 100 пудахъ. Толщина торфа 4 аршина; пластъ $1\frac{1}{2}$ аршина.

Работы совершенно остановились за притокомъ воды, по одной обширной и болотистой площади. Съ большимъ трудомъ пробить шурфъ въ боку и въ немъ, на глубинѣ 2 сажень, обнаруженъ пластъ въ одну сажень толщины, но съ слабымъ содержаніемъ.

Окончивъ этимъ свои занятія, партія перешла на оленяхъ горами въ Амурскую область и вышла къ 1 апрѣля 1859 г. въ Албазинъ.

Н. АНОСОВЪ,

Членъ—Сотрудникъ.

ЛѢТОПИСЬ СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 25 января, 1858 года.

Подъ предсѣдательствомъ К. К. Венцеля, присутствовали 4 дѣйствительныхъ члена и 9 членовъ—сотрудниковъ.

Завѣдывающій Отдѣломъ докладывалъ о бумагахъ, полученныхъ за послѣднее время, съ 28 декабря по настоящее число.

Доложено объ отношеніи енисейскаго губернскаго статистическаго комитета, при коемъ представлены замѣчанія, сдѣланныя дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Родюковымъ на Статистическое обозрѣніе Сибири (по Енисейской губерніи), составленное г. Гагемейстеромъ. Определено: замѣчанія г. Родюкова разсмотрѣть въ Сибирскомъ Отдѣлѣ и представить ихъ въ Общество, вмѣстѣ съ свѣдѣніями изъ другихъ мѣстъ Восточной Сибири по предмету разсмотрѣнія сочиненія г. Гагемейстера.

Членъ—сотрудникъ Клейменовъ представилъ въ Отдѣлъ вѣдомость о добычѣ золота на частныхъ золотыхъ промыслахъ южной и сѣверной частей Енисейскаго округа, съ начала открытія работъ по день окончанія ихъ въ 1857 г. Определено: благодарить г. Клейменова за трудъ его и вѣдомость нынѣ же препроводить въ Общество, для напечатанія въ запискахъ Сибирскаго Отдѣла.

Полученъ отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы le Bulletin № III, 1857 года. Определено: съ увѣдомленіемъ

о полученіи книги, благодарить Общество за его вниманіе къ Отдѣлу. Доложено объ отношеніи служащаго при Аянскомъ портѣ доктора Шишкевича, при коемъ онъ препроводилъ въ Отдѣлъ статью свою: «Этнографическій взглядъ на тунгусовъ вѣдомства Майскаго наслѣга.» Определено: благодарить г. Шишкевича за трудъ его и статью эту, по разсмотрѣніи въ Отдѣлѣ, представить въ Общество и просить о помѣщеніи оной въ запискахъ Отдѣла.

Получены отъ Общества 300 экземпляровъ объявленія объ изданіи Вѣстника Общества. Определено: переслать объявленія къ гг. членамъ Сибирскаго Отдѣла и другимъ лицамъ.

Получены отъ Общества для бібліотеки Отдѣла 5 Экземпляровъ № IV книжки Вѣстника на 1857 годъ.

Горный ревизоръ подполковникъ Таскинъ и членъ—сотрудникъ Фитингофъ прислали въ Отдѣлъ вѣдомости о добычѣ золота въ 1857 году: первый на промыслахъ Канскаго, Нижнеудинскаго, Иркутскаго и Олекминскаго Округовъ и второй—на приискахъ Верхнеудинскаго Округа. Определено: благодарить за сообщеніе вѣдомостей и представить ихъ въ Общество, для помѣщенія въ Запискахъ Отдѣла.

Доложено объ отношеніи дѣйствительнаго члена Штубендорфа, въ которомъ онъ благодарить Отдѣлъ за присланныя ему карты—Восточной Сибири и Маньчжуріи и два экземпляра инструкціи Камчатской ученой экспедиціи.

Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 25 февраля, 1858 года.

Подъ предсѣдательствомъ К. К. Венцеля присутствовали 4 дѣйствительные члена и 7 членовъ—сотрудниковъ.

Завѣдывающій Отдѣломъ докладывалъ о бумагахъ, полученныхъ съ 25 января по настоящее время.

Доложено объ отношеніи члена—сотрудника Кельберга, при коемъ онъ представилъ въ Отдѣлъ метеорологическія записки, веденныя имъ въ прошломъ 1857 году и также наблюденія надъ температурою воды въ р. Селенгѣ и свѣдѣнія о перелетѣ птицъ въ 1856 и 1857 годахъ. Определено: благодарить г. Кельберга за особенные труды его въ пользу Географическаго Общества.

Членъ—сотрудникъ кн. Костровъ представилъ въ Отдѣлъ составленное имъ описаніе Шушинской волости Минусинскаго округа. Определено: благодарить кн. Кострова за трудъ его и такъ какъ мѣстность эта войдетъ въ составъ обзора математической экспедиціи, находящейся подъ начальствомъ астронома Шварца, то передать ему копію съ статьи кн. Кострова и просить повѣрить оную,

во время слѣдованія ученой экспедиціи.

Членъ—сотрудникъ священникъ Аргентовъ представилъ въ Отдѣлъ двѣ наглядныя карты, съ разпросными свѣдѣніями, составленныя имъ во время его слѣдованія отъ Алдана къ Нижнеколымску и по Чукотскому поморью. На послѣдней картѣ приполярнаго побережья, Аргентовъ нанесъ до двухъ сотъ пунктовъ урочищъ, населеній, водъ, мысовъ и другихъ географическихъ мѣстностей. Определено: передать обѣ карты на разсмотрѣніе дѣйствительнаго Члена Будогоскаго и благодарить священника Аргентова за его интересныя свѣдѣнія.

Доложено о письмѣ редактора Живописнаго Сборника г. Генкеля, въ которомъ онъ извѣстилъ Отдѣлъ о согласіи своемъ на обмѣнъ своего изданія на Записки Сибирскаго Отдѣла въ теченіи 1858 года.

Получено отъ Общества 250 экземпляровъ программы, о движеніи цѣны въ разное время и на разные предметы и 200 экземпляровъ инструкціи для производства метеорологическихъ наблюденій, съ просьбою разослать оныя гг. членамъ Отдѣла. Определено: благодарить Общество за вниманіе его къ Сибирскому Отдѣлу и означенные экземпляры нынѣ же разослать гг. членамъ и другимъ лицамъ, занимающимся собраніемъ статистическихъ свѣдѣній и метеорологическими наблюденіями.

Доложено объ увѣдомленіи Общества о полученныхъ имъ отъ Отдѣла въ жалованье и порціоны, находящемуся въ С. Петербургѣ члену сотруднику Мааку 445 рублей серебромъ, съ 21 ноября 1857 г., по 21 мая 1858 года.

Доложено объ увѣдомленіи Общества о полученіи имъ 450 руб. сер., пожертвованныхъ г. членомъ—соревнователемъ Соловьевымъ, на изданіе трудовъ Амурской экспедиціи.

Доложено объ отношеніи члена—сотрудника Мордвинова, при коемъ онъ представилъ въ Отдѣлъ описаніе своей поѣздки изъ Енисейска въ Туруханскъ. При этомъ г. Мордвиновъ сообщилъ Отдѣлу, что онъ, по случаю пребыванія своего въ Туруханскѣ по дѣламъ службы, пополнитъ представленное имъ описаніе подробнымъ обзоромъ всего Туруханскаго края. Определено: доложить г. покровителю Сибирскаго Отдѣла Н. Н. Муравьеву объ особенныхъ трудахъ г. Мордвинова, благодарить за постоянныя полезныя его занятія и статью, по разсмотрѣніи, представить въ Общество.

По окончаніи засѣданія, г. председательствующій изволилъ назначить особое засѣданіе, въ первыхъ числахъ марта, по обсужденію вопроса, относительно снаряженія экспедиціи въ сѣверную долину озера Косогола и къ верхнимъ истокамъ рѣки Енисея.

Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 12 марта, 1858 года.

Подъ предсѣдательствомъ К. К. Венцеля, присутствовали 5 дѣйствительныхъ членовъ и 8 членовъ—сотрудниковъ.

Завѣдывающій Отдѣломъ докладывалъ о бумагахъ, полученныхъ съ 23 февраля по 12 марта.

Доложено о полученіи Обществомъ отъ Сибирскаго Отдѣла 450 рублей серебромъ, представленныхъ г. членомъ—соревнователемъ Соловьевымъ, на изданіе трудовъ Амурской экспедиціи изъ той суммы, которую онъ пожертвовалъ на этотъ предметъ.

Доложено о письмѣ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, отъ г. профессора Рулье, въ которомъ онъ благодаритъ Отдѣлъ за сочувствіе къ его изданію Вѣстника Естественныхъ Наукъ и за доставленіе статьи г. Аносова: «Пребываніе въ юго-западной сторонѣ Яблоннаго хребта», которая и будетъ напечатана въ Вѣстникѣ. При этомъ г. Рулье увѣдомилъ, что онъ будетъ писать особенно по предмету возбужденнаго вопроса объ акклиматизаціи животныхъ и о томъ участіи, какое можетъ принять въ этомъ дѣлѣ Сибирскій Отдѣлъ.

Доложено объ отношеніи начальника духовной пекинской миссіи архимандрита Гурія, въ которомъ онъ увѣдомилъ о полученіи отъ Отдѣла различныхъ хлѣбныхъ и огородныхъ сѣмянъ, для опыта посѣва оныхъ въ широтѣ Пекинской, и что впослѣдствіи Отдѣлъ будетъ увѣдомленъ о результатахъ посѣва.

Московское Дворянское Депутатское Собраніе увѣдомило Отдѣлъ, что посланныя отъ него различныя вещи, оставшіяся послѣ смерти подпоручика Зандхагена, по описи получены и выданы по принадлежности матери его, Аннѣ Дмитриевнѣ Зандхагенъ.

Получено отношеніе члена—сотрудника почетнаго гражданина Юринскаго, при которомъ онъ препроводилъ платье племени гольдовъ и различныя сѣмена дикорастущихъ деревьевъ, кустарниковъ и хозяйственныхъ растений, собранныя имъ во время слѣдованія его по р. Амуру, отъ Усть—Стрѣлочнаго караула до Николаевского поста. При этомъ г. Юринскій увѣдомляетъ, что полный отчетъ его, относительно собранныхъ имъ статистическо—коммерческихъ свѣдѣній При-амурскаго края будетъ представленъ имъ въ непродолжительномъ времени.

Прочитано письмо члена—соревнователя Соловьева, въ которомъ онъ увѣдомляетъ Отдѣлъ, что будучи заинтересованъ первыми свѣдѣніями, собранными въ прошедшемъ году г. Пермикинымъ въ неизвѣстныхъ мѣстахъ земли урянховъ и дархатовъ, онъ очень бы

желалъ въ подробности изслѣдовать этотъ приграничный къ намъ край и что на предметъ такого изслѣдованія, онъ готовъ съ своей стороны пожертвовать денежную сумму, какая для сего потребна будетъ. По поводу письма г. Соловьева, было разсуждаемо, какимъ образомъ исполнить поѣздку въ землю урянховъ, какіе именно пункты должно избрать для осмотра и кто изъ г. г. членовъ можетъ принять на себя подобное порученіе. По смыслу предложенія г. Соловьева, сущность ученой экспедиціи должна заключаться въ двухъ главныхъ отношеніяхъ: въ собраніи научныхъ географическихъ свѣдѣній и въ видахъ на прочное сближеніе съ урянами, дархатами и сойотами, касательно развитія торговыхъ сношеній русскихъ съ инородцами. Для приведенія въ исполненіе этой поѣздки, были избраны: г. Пермкинъ, какъ хорошо знающій сѣверную часть земли, около озера Косогола и верхнихъ источниковъ рѣки Енисея, г. Львовъ и художникъ Смирновъ. При этомъ г. начальникъ математической экспедиціи Шварцъ нашолъ возможнымъ и весьма полезнымъ присоединить къ экспедиціи г. прапорщика межевыхъ инженеровъ Крыжина, на котораго можно возложить будетъ веденіе путевого маршрута, физическія наблюденія, астрономическія опредѣленія избранныхъ пунктовъ и барометрическія измѣренія высотъ. Предложеніе г. Шварца вполне было принято г. предсѣдательствующимъ и членами, и вмѣстѣ съ личными распоряженіями Отдѣла, поручено г. завѣдывающему Отдѣломъ составить особую докладную записку и представить оную на благоразсмотрѣніе г. покровителя Отдѣла Н. П. Муравьева. 14 марта докладная записка о снаряженіи экспедиціи въ нагорную долину урянховъ была представлена г. покровителю Отдѣла. Его высокопревосходительство, по разсмотрѣніи оной, изволилъ словесно передать завѣдывающему Отдѣломъ, что въ настоящее время ученая экспедиція въ сосѣдную землю урянховъ не можетъ состояться. Предстоящіе переговоры съ китайцами о границахъ, а равно отправленіе духовной миссіи, составляютъ два важныя обстоятельства, препятствующія этому предпріятію, ибо переходъ большой партіи людей за наши предѣлы, можетъ возбуждать подозрѣніе въ недовѣрчивыхъ Китайцахъ.

Кавказскій Отдѣлъ прислалъ г. покровителю Сибирскаго Отдѣла 4-й выпускъ трудовъ своихъ. Согласно назначенію его высокопревосходительства, томъ этотъ сданъ въ бібліотеку Отдѣла.

Прислано отъ Общества, для бібліотеки Отдѣла, 5 экземпляровъ № 5 Вѣстника на 1857 годъ.

Якутскій гражданскій губернаторъ представилъ въ Отдѣлъ

губерніи. Положено: согласно отношенію, нынѣ же доставить требуемыя свѣдѣнія.

Получено отношеніе VI отдѣленія главнаго управленія Восточной Сибири, по казачьимъ войскамъ, что оно получило отъ Отдѣла 350 пакетовъ различныхъ хозяйственныхъ сѣмянъ, для иѣшихъ казачьихъ баталіоновъ, переселяемыхъ на р. Амуръ и что эти сѣмена будутъ отосланы по принадлежности.

Доложено объ отношеніи члена—сотрудника Мордвинова, который увѣдомляетъ Отдѣлъ, что онъ какъ окружной начальникъ Енисейскаго округа, по дѣламъ службы, обозрѣвалъ Туруханскій край и въ это слѣдованіе собралъ, по возможности, все, что можетъ быть интересно для Отдѣла, какъ дополненіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются уже объ этомъ отдаленномъ приполярномъ краѣ. Г. Мордвиновъ при этомъ извѣщаетъ, что онъ началъ свое путешествіе по рѣкѣ Турухану вверхъ, за 500 верстъ отъ Туруханска, и достигъ до Янова стана, до тѣхъ пунктовъ, откуда начинается Тазовская тундра. Отсюда онъ поплылъ внизъ по р. Енисею до Толстаго Носа, за 800 верстъ отъ Туруханска, и, наконецъ, слѣдуя до р. Хатанги, за 1500 верстъ отъ Туруханска, осмотрѣлъ мѣстность Пясинскаго озера и рѣки: Пясины, Дудынту, Боганиду, Хету и область побочныхъ тундръ, залегающихъ между этими водяными бассейнами. На объѣздѣ всѣхъ упомянутыхъ мѣстъ употреблено было г. Мордвиновымъ почти два мѣсяца безъ продолжительныхъ остановокъ. Во время своего пути, г. Мордвиновъ ознакомился съ бытомъ русскихъ старожиловъ, поселенцевъ и съ мѣстными племенами: остяковъ, самоеди, юраковъ, тунгусовъ, долгановъ и якутовъ, съ ихъ образомъ жизни, обычаями, рыбными и звѣриными промыслами и обратилъ вниманіе на предметы, вообще заслуживающіе особеннаго замѣчанія. Кроме того онъ повѣрилъ наглядно и чрезъ распросы географическую карту этой сѣверной страны, пріобрѣлъ одежды инородцевъ, различную утварь, нѣкоторыя изъ мѣстныхъ произведеній и модели промысловыхъ снарядовъ. Слѣдуя по рѣкѣ Пайтурмъ, путешественникъ нашолъ голову мамонта. Извѣстивъ о своемъ интересномъ путешествіи, г. Мордвиновъ говоритъ, въ заключеніе, что онъ приметъ съ своей стороны всѣ мѣры къ подробному изложенію всего пройденнаго имъ пространства Туруханскаго края и въ теченіе настоящаго года, окончивъ это описаніе, представитъ оное въ Отдѣлъ. Между прочимъ, г. Мордвиновъ проситъ Отдѣлъ переслать ему, для его соображенія, все, что имѣется печатнаго и въ рукописяхъ о Туруханскомъ краѣ и преимущественно записки нашего извѣстнаго академика—путешественника Миддендорфа. Положено: изъявить отъ Отдѣла искреннюю благодарность за всѣ

труды его по упомянутому имъ изслѣдованію приполярнаго края, особенно доложить объ этомъ г. покровителю Сибирскаго Отдѣла; касательно же требуемыхъ Мордвиновымъ свѣдѣній, нынѣ же распорядиться объ отсылкѣ всего, что имѣется о Туруханскомъ краѣ въ Отдѣлъ. Вслѣдствіе такого заключенія г. председателя и членовъ завѣдывающей Отдѣломъ, послѣ засѣданія, доложилъ г. покровителю о трудахъ г. Мордвина. Его высокопревосходительство, принявъ во вниманіе заслуги его, изволилъ приказать изготовить отъ Отдѣла бумагу, съ изъявленіемъ благодарности, которая и была послана г. Мордвинову за подписаніемъ г. покровителя. Вмѣстѣ съ симъ г. Мордвинову отослана была та часть *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches*, гдѣ помѣщено путешествіе г. академика Миддендорфа, сообщеніемъ которой мы обязаны г. дѣйствительному члену Шварцу.

Получено отъ Общества для библіотеки Отдѣла 5 экземпляровъ № 6 книжки Вѣстника на 1857 годъ.

Доложено объ отношеніи оберъ-квартирмейстера войскъ, въ Восточной Сибири расположенныхъ, въ которомъ онъ проситъ Отдѣлъ о снабженіи управленія генеральнаго штаба двумя буссолями нужными на время съемокъ въ лѣтѣ 1858 года. Положено: согласно отношенію, послать требуемыя двѣ буссоли г. оберъ-квартирмейстеру и просить его, что бы эти инструменты, по минованіи надобности, были возвращены въ Сибирскій Отдѣлъ.

Доложено объ отношеніи члена—сотрудника Разгильдѣева, при которомъ онъ представилъ въ Отдѣлъ 163 образца горнокаменныхъ породъ, собранныхъ имъ въ минувшемъ лѣтѣ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ. Къ этому собранію приложенъ и каталогъ штуфамъ. Вмѣстѣ съ образцами г. Разгильдѣевъ представилъ кость допотопнаго животнаго, найденную на глубинѣ пяти аршинъ въ разрѣзѣ пріиска. Определено: благодарить г. Разгильдѣева за интересное приношеніе; образцы же минераловъ нынѣ же сдать въ музеумъ и присоединить къ коллекціямъ геогностическихъ породъ другихъ золотыхъ системъ.

Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 14 мая, 1858 года.

Подъ председательствомъ К. К. Венцеля, присутствовали: 4 Дѣйствительныхъ Члена, 10 членовъ—сотрудниковъ, начальникъ математической экспедиціи Шварцъ и состоящіе при немъ подпоручикъ межевыхъ инженеровъ Рожковъ и прапорщикъ Крыжинъ.

Завѣдывающей Отдѣломъ прочелъ протоколъ послѣдняго засѣ-

данія, бывшаго 12 марта.

За симъ доложено было о бумагахъ, поступившихъ въ Отдѣлъ послѣ 12 марта по настоящее засѣданіе.

Императорское Русское Географическое Общество препроводило въ Отдѣлъ представленный типографіею морскаго министерства счетъ по напечатаніи IV книжки Записокъ, по которому Отдѣлу слѣдуетъ уплатить ей 272 р. 45³/₄ коп. и сверхъ того увѣдомило, что изъ суммъ Общества выдано редактору Записокъ, полковнику Версикову, за редакцію, 150 р. сер. Препроводивъ эти счета по издержкамъ печатанія, Общество проситъ выслать всего 422 р. 45³/₄ к. Определено: нынѣ же вытребовать отъ экзекутора главнаго управленія слѣдующія съ Отдѣла деньги и послать оныя въ Общество.

Императорское Московское Общество Испытателей Природы препроводило въ Отдѣлъ изданный имъ le Bulletin № IV за 1857 годъ. Определено: благодарить Общество за присылку.

Штабъ войскъ Восточной Сибири, при отношеніи своемъ, препроводилъ въ Отдѣлъ образцы каменнаго угля, взятые съ различныхъ мѣстъ острова Сахалина, съ тѣмъ, чтобы посылаемые экземпляры остались въ пользу музея Восточной Сибири; вмѣстѣ съ тѣмъ штабъ проситъ опредѣлить относительное достоинство всѣхъ доставленныхъ видовъ каменнаго угля. Определено: благодарить Штабъ за присылку интересныхъ экземпляровъ и увѣдомить, что по разложеніи видоизмѣненной сахалинскаго угля, Отдѣлъ долгомъ почтетъ извѣстить о результатахъ изслѣдованія.

Получено отъ Общества для библиотеки Отдѣла 5 экземпляровъ № I книжки Вѣстника за 1858 годъ.

Прочитано въ подлинникѣ письмо, представленное г. предсѣдательствующему въ Отдѣлѣ К. К. Венцелю г. почетнымъ гражданиномъ Веретенниковымъ. Содержаніе письма слѣдующее: «Съ курьеромъ, прибывшимъ изъ С.-Петербурга въ Иркутскъ, 2 мая, я получилъ на имя мое письмо, при которомъ были приложены три тысячи рублей серебромъ. Деньги эти поручено отъ неизвѣстнаго имени представить въ Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Географическаго Общества, съ цѣлю употребить оныя на изслѣдованіе Амурскаго края, или на тотъ предметъ, какъ угодно будетъ назначить генералъ-губернатору. Имѣя честь почтительнѣйше представить при семъ вашему превосходительству приносимыя въ даръ три тысячи рублей сереб., я покорнѣйше прошу нынѣ же довести объ этомъ приношеніи до свѣдѣнія его высокопревосходительства и въ послѣдствіи увѣдомить меня о воспослѣдовавшемъ соизволеніи господина генералъ-губернатора, относительно назначенія пожертвованныхъ денегъ.» По наз-

наченію г. предсѣдательствующаго, опредѣлено: деньги три тысячи рублей нынѣ же послать, черезъ экзекутора главнаго управленія въ приказъ общественнаго призрѣнія, для приращенія процентовъ и, съ отъѣзжающимъ на Амуръ курьеромъ, довести объ этомъ важномъ для Отдѣла пожертвованіи г. покровителю Сибирскаго Отдѣла, Н. Н. Муравьеву.

Доложено объ извѣщеніи издателя Русскаго Художественнаго Листка, г. академика Тимма, что онъ, согласно предложенію Сибирскаго Отдѣла, съ удовольствіемъ готовъ мѣняться своимъ изданіемъ на Записки Отдѣла.

Прочитано въ подлинникѣ отношеніе Общества, въ которомъ оно извѣщаетъ Отдѣлъ, что Его Императорское Высочество Августѣйшій предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго Общества изволилъ изъявить желаніе оказать содѣйствіе знаменитому германскому ученому Клемму (директору дрезденской королевской библіотеки) въ собраніи разныхъ этнографическихъ принадлежностей быта племенъ, обитающихъ въ Россіи, для пополненія обширнаго музея, принадлежащаго г. Клемму и служащаго матеріаломъ для его изслѣдованій. По сему совѣтъ Общества обращается въ Отдѣлъ съ просьбою принять на себя посредничество въ этомъ полезномъ для науки предпріятіи, доставленіемъ въ Общество вещей, согласно съ приложенными при отношеніи рисунками. Определено: принять отношеніе Общества къ непремѣнному исполненію и нынѣ же отписать г. г. якутскому гражданскому губернатору Штубендорфу, минусинскому окружному начальнику князю Кострову и также енисейскому окружному начальнику Мордвинову и покорнѣйше просить ихъ о пріобрѣтеніи всѣхъ поименованныхъ предметовъ, съ поясненіемъ—что каждый изъ нихъ можетъ пріобрѣсть въ управляемыхъ ими вѣдомствахъ, и о такомъ распоряженіи Отдѣла немедленно извѣстить Общество.

Директоръ С.-Петербургскаго Императорскаго Минералогическаго Общества въ отношеніи своемъ благодарить Отдѣлъ за сообщеніе анализа г. Львова о мѣдной рудѣ, открытой г. членомъ—соревнователемъ Соловьевымъ въ Верхнеудинскомъ округѣ, и что результаты этого изслѣдованія будутъ напечатаны въ *Verhandlungen* за 1857 годъ. При этомъ г. Куторга проситъ Отдѣлъ прислать ему самые экземпляры вновь найденной мѣдной руды. Определено: согласно желанію г. директора, выбрать нѣсколько кусковъ мѣдной руды и отослать въ Императорское Минералогическое Общество.

Членъ—сотрудникъ Кельбергъ прислалъ на имя завѣдывающаго Сибирскимъ Отдѣломъ письмо, при коемъ представилъ образцы вновь открытаго агальматолита, живаго зеленого цвѣта, найденнаго имъ въ

сорока верстахъ отъ города Селенгинска вверхъ по теченію р. Селенги. Послѣ окончательнаго изслѣдованія пластовъ змѣвика, въ коніе, которое и будетъ представлено въ Отдѣлѣ въ непродолжительномъ времени. Определено: благодарить г. Кельберга за постоянное его вниманіе къ Отдѣлу, попросить его при этомъ выслать еще нѣсколько болѣе характеристическихъ экземпляровъ, для сообщенія этой новости Обществамъ Императорскому Минералогическому и Московскому Испытателей Природы.

Завѣдывающій Отдѣломъ получилъ письмо отъ дѣйствительнаго члена Романова съ р. Амура, изъ Николаевского поста. Въ письмѣ своемъ онъ, между прочимъ, говоритъ, что отъ него препровождается къ г. генералъ—губернатору отчетъ, изъ котораго первыя три отдѣленія онъ представляетъ въ пользу Отдѣла, если только эти статьи признаются достойными. Кромѣ сего г. Романовъ уведомляетъ, что согласно съ инструкціею, данною отъ Отдѣла, онъ приготавливаетъ свое описаніе, для котораго всѣ матеріалы готовы, и что съ будущею почтою онъ будетъ отвѣчать офиціально Обществу и Отдѣлу. Определено: благодарить г. Романова за вниманіе его къ Отдѣлу и просить позволенія у г. покровителя разрѣшить напечатать въ запискахъ Отдѣла тѣ изъ статей г. Романова, которыя по содержанію своему могутъ войти въ составъ записокъ.

За симъ завѣдывающій Отдѣломъ доложилъ гг. членамъ, что IV и V книжки Записокъ Сибирскаго Отдѣла напечатаны, чѣмъ и закончено изданіе перваго выпуска Записокъ. По обсужденіи вопроса относительно будущаго печатанія трудовъ Членовъ Сибирскаго Отдѣла, положено: нынѣ же приступить къ изданію втораго выпуска записокъ. Порядокъ содержанія книжекъ оставить тотъ же самый. Смотря по надобности, прилагать по прежнему къ статьямъ карты, планы, этнографическіе рисунки и замѣчательные типы природы. Подписная цѣна второму выпуску, состоящему изъ пяти же экземпляровъ, остается та же самая—10 руб. серебромъ.

Для новыхъ изслѣдованій своихъ, Сибирскій Отдѣлъ положилъ, въ вакаціонные мѣсяцы, послать небольшую партію, для описанія малоизвѣстной долины, омываемой рѣкою Китоемъ. Пространство это составляетъ не менѣе 300 верстъ. Немногія свѣдѣнія, которыя Отдѣлъ имѣетъ о побережьяхъ р. Китоя отъ мѣстныхъ инородцевъ, не могутъ быть принимаемы за источники вѣрныя и вполне положительныя. При осмотрѣ долины Китоя главнѣйше полагается снять карту всего теченія этой рѣки, начиная отъ истоковъ до впаденія ея въ Ангару. Вмѣстѣ съ симъ имѣется въ виду осмотръ мѣсть, способныхъ къ поселенію, что предпологалось сдѣ-

латъ гораздо ранѣе сего, при возбужденіи административнаго вопроса объ отысканіи мѣстностей для новыхъ водвореній, вслѣдствіе густыхъ населеній большой московской дороги и пунктовъ къ ней прилежащихъ. Не менѣе интересно будетъ подробное изслѣдованіе о малоизвѣстномъ племени китойскихъ бурятъ. Иностранцы эти до сихъ поръ остаются крайне дикими и невѣжественными и все племя безъ исключенія придерживается грубаго шаманства. Кромѣ китойскихъ бурятъ, вверху долины, есть мѣсто, именуемое Нижнеудинскою землею, гдѣ поселены осѣдлые карагасы; любопытно будетъ узнать, когда и въ какомъ количествѣ иностранцы эти сдѣлались осѣдлыми? Кромѣ топографической съемки долины и свѣдѣній этнографическихъ, также принято будетъ во вниманіе собраніе научныхъ данныхъ по отдѣлу естественно—историческому. Предположено также сдѣлать подробное описаніе направленію горныхъ хребтовъ Тункинскихъ и Китойскихъ, облегающихъ долину р. Китоя. По случаю этой поѣздки, г. начальникъ математической экспедиціи Шварцъ изъявилъ готовность сдѣлать съ своей стороны различныя наставленія. Ученая партія будетъ состоять изъ трехъ лицъ: члена Сибирскаго Отдѣла, какъ старшаго лица, топографа и художника. Объ избраніи этихъ лицъ, равно и объ издержкахъ, потребныхъ на эту поѣздку, будетъ доложено особенно. Прикомандированіемъ къ ученой партіи топографа Сибирскій Отдѣлъ обязанъ просвѣщенному вниманію начальника здѣшняго штаба Н. В. Буссе.

Завѣдывающій Отдѣломъ доложилъ, что членъ—сотрудникъ Кельбергъ желаетъ продолжать свои изслѣдованія по Верхнеудинскому округу. Принимая во вниманіе полезныя труды Кельберга, г. председательствующій назначилъ благодарить его за предложеніе и послать ему пятьдесятъ рублей серебромъ на его дорожныя издержки.

За симъ его превосходительство К. К. Венцель объявилъ гг. членамъ, что 21 мая, въ день тезоименитства Августѣйшаго Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, назначается торжественное засѣданіе. Для этого засѣданія избраны къ чтенію слѣдующія извлеченія изъ статей: «Ледовитое море,» изъ путевыхъ записокъ члена—сотрудника Аргентова; «Поѣзка въ Туруханскій край» Члена—сотрудника Мордвинова. «Путевой очеркъ оз. Косогола, долины р. Шишковъ и живущихъ тамъ народовъ». Члена—сотрудника Пермикина и «Ежегодный выходъ Мергенцевъ на р. Аргунь, для осмотра границы и торговыхъ дѣлъ съ приаргунами» Члена—сотрудника Кашина.

Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 21 мая, 1858 года.

Въ торжественный день Тезоименитства Августѣйшаго Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Государя Великаго Князя Константина Николаевича, происходило Общее засѣданіе. Присутствовали въ ономъ: предсѣдательствующій К. К. Венцель, 5 дѣйствительныхъ членовъ, 20 членовъ—сотрудниковъ и 1 членъ—соревнователь. Кромѣ сихъ лицъ, засѣданіе посѣтили: г. начальникъ математической экспедиціи Шварцъ, офицеры межеваго корпуса: подпоручикъ Рожковъ и прапорщикъ Крыжинъ и нѣкоторые изъ гражданъ и чиновниковъ города Иркутска.

Г. предсѣдательствующій поздравилъ присутствующихъ съ высокоторжественнымъ днемъ тезоименитства Августѣйшаго Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. За симъ г. завѣдывающій Отдѣломъ, дѣйствительный членъ И. С. Сельскій, прочелъ записку слѣдующаго содержанія: «Въ этотъ торжественный день, позвольте мнѣ, имѣющему высокую честь завѣдыванія дѣлами Сибирскаго Отдѣла, въ краткомъ очеркѣ, передать о ходѣ дѣйствій нашего учрежденія за послѣдній періодъ времени. Дѣятельность и успѣхи Отдѣла Общества на поприщѣ отечественнаго землевѣдѣнія выражены были за это время замѣчательными трудами нашихъ сочленовъ. Прошедшій годъ и первые мѣсяцы настоящаго принесли намъ обильное собраніе географическихъ матеріаловъ, заключающихъ въ себѣ многостороннія свѣдѣнія о различныхъ пространствахъ Восточной Сибири. Въ приобрѣтеніи важныхъ научныхъ данныхъ о нашей странѣ, конечно, первое мѣсто занимаютъ труды математической экспедиціи. Изъ отчета Общества за прошедшій годъ мы уже познакомились съ результатами изслѣдованій математической экспедиціи, обозрѣвшей въ 1857 году огромное пространство центральной Восточной Сибири, и побережьевъ р. Амура. Экспедиція эта съ честью совершила самую большую часть возложенныхъ на нее порученій; ей остается осмотрѣть западную китайскую границу, минусинскій край и долину р. Ангары, чѣмъ и закончится кругъ ея обширныхъ дѣйствій. Принимая во вниманіе почтенные труды г. начальника математической экспедиціи Шварца и его спутниковъ, Сибирскій Отдѣлъ прежде всѣхъ долженъ привѣтствовать этихъ труженниковъ науки и благодарить за все, что сдѣлали они для географіи Россіи. Мы глубоко сочувствуемъ ихъ обширному труду, намъ первымъ, можетъ быть, придется воспользоваться тѣми указаніями, которыя они оставили намъ

для нашего руководства. Понимая всю важность послѣдствій ученыхъ изысканій, которыя уже совершены, мы съ полнымъ убѣжденіемъ выразимся, что математическая экспедиція Шварца и его спутниковъ: Рожкова, Усольцова, Смирягина и Крыжина, останется столь же незабвенною въ лѣтописяхъ науки, какъ знаменитые труды Миллера, Гмелина, Палласа, Крашенинникова и другихъ.

Настоящая дѣятельность членовъ Сибирскаго Отдѣла принесла намъ за послѣднее время много интересныхъ и весьма разнообразныхъ географическихъ свѣдѣній. Дѣйствительный членъ Будогоскій сдѣлалъ поѣздку на сѣверные притоки р. Енисея. Онъ первый посѣтилъ горную страну Урянховъ; результаты его обзоренія составляютъ путевой журналъ пройденнаго пути и маршрутная карта этого пространства. Въ этомъ путешествіи сопутствовалъ г. Будогоскому г. штабсъ-капитанъ здѣшняго штаба Турбинъ, раздѣлившій съ нимъ труды путешествія. Членъ—сотрудникъ Пермикинъ сдѣлалъ двукратную поѣздку въ западную долину оз. Косогола и въ землю дархатовъ. Эти три лица вообще собрали весьма много разнообразныхъ свѣдѣній о загадочной странѣ Урянхайскаго племени. Г. Пермикинъ проникнувъ въ долину Шишковъ, верхніе источники р. Енисея, въ особенности обратилъ свое вниманіе на собраніе этнографическихъ свѣдѣній о народѣ, совершенно для насъ неизвѣстномъ. Заслуги его еще болѣе замѣчательны тѣмъ, что онъ, ознакомивши насъ съ физіономіею нагорной страны, успѣлъ собрать много важныхъ мѣстныхъ показаній для будущей экспедиціи и вполне завѣрилъ о возможности безопасно достигнуть начальныхъ предѣловъ водъ р. Селенги, до пункта китайскаго города Улясатуя и, осмотрѣть всю нагорную площадь Енисея до выхода его изъ Саянскихъ горъ. Будущій подробный осмотръ вышепоименованныхъ мѣстъ предложилъ сдѣлать г. членъ—соревнователь Соловьевъ; на этотъ предметъ онъ назначилъ денежную сумму въ томъ размѣрѣ, что будетъ стоить экспедиція. Членъ—сотрудникъ, священникъ Аргентовъ занимался приведеніемъ въ порядокъ записокъ о пребываніи своемъ въ приполярной мѣстности, съ 1844 по 1856 годъ. Членъ—сотрудникъ Верейловъ осмотрѣлъ замѣчательные прииски лазурей—лазури, открытые г. Пермикинымъ и сдѣлавъ имъ подробное описаніе, представилъ свой отчетъ. Г. Членъ—сотрудникъ Аносовъ продолжалъ геогностическій обзоръ Яблонаго хребта и золотосныхъ мѣстностей Нерчинскаго края; въ настоящее время онъ отправился на р. Амуръ и получилъ особую инструкцію отъ Сибирскаго Отдѣла, онъ будетъ вести путевой журналъ и собирать геогностическія породы и минералы для музея Отдѣла. Членъ—сотрудникъ Мордвиновъ совершилъ плаваніе въ Туруханскій край и

въ настоящее время составляетъ подробное описаніе тамошней приполярной мѣстности. Членъ—сотрудникъ Кельбергъ неумоимо заповѣдки въ Байкальскія горы и въ различныя мѣста Селенгинской степи, о чемъ представлены имъ отчеты. Членъ—сотрудникъ Кашиинъ изслѣдовалъ во всѣхъ отношеніяхъ при—аргунскій край; въ послѣднее время онъ представилъ двѣ статьи: о хозяйственномъ бытѣ при—аргунцевъ и выходѣ мергенцевъ, для обзора границы, чѣмъ и заключилъ свое полное описаніе избранной имъ мѣстности. Г. штабсъ—капитанъ здѣшняго штаба Турбинъ совершилъ поѣздку въ Ургу; онъ снялъ маршрутную карту этого пути, сдѣлалъ планъ города Урги и написалъ статью о своемъ слѣдованіи. Но самое утѣшительное явленіе въ успѣхахъ отдѣла представляютъ труды члена—сотрудника г. Маака. Намъ извѣстно, что матеріалы экспедицій Амурской и Вилюйской, для изданія которыхъ г. Маакъ живетъ въ Петербургѣ, уже приведены къ окончанію. Изданіе трудовъ г. Маака и его спутниковъ принялъ на свой счетъ нашъ членъ—сореvнователь С. Ѳ. Соловьевъ, чѣмъ оказалъ отдѣлу новыя знаки своего сочувствія, за что и изъявлена искренняя признательность за таковое значительное пожертвованіе. При сношеніяхъ нашихъ съ разными мѣстами Восточной Сибири, Сибирскій Отдѣлъ долгомъ поставляетъ выразить здѣсь особенную благодарность здѣшнему генеральному штабу, за сообщеніе различныхъ свѣдѣній, картографическихъ матеріаловъ и вообще за полное участіе, оказываемое намъ начальникомъ штаба, оберъ—квартирмейстеромъ и другими чинами штаба. Мы должны также передать нашу признательность Императорскимъ обществамъ: Московскому Испытателей Природы и С. Петербургскому Минералогическому.

Матеріалы по географическимъ изслѣдованіямъ Восточной Сибири, пріобрѣтенныя за послѣднее время, увеличили картографическое собраніе Отдѣла. Изъ пріобрѣтенныхъ картъ въ особенности замѣчательна карта р. Амура, представленная г. членомъ Будогоскимъ. Въ заключеніе мы повторимъ прежде сказанное нами, что благотворное развитіе самобытныхъ силъ нашей страны и ея богатствъ, открываетъ намъ новыя обильныя источники для нашихъ изслѣдованій. Будучи глубоко проникнуты мыслию о важности послѣдствій трудовъ и усилій мѣстнаго управленія, Сибирскій Отдѣлъ будетъ слѣдить за быстрымъ ходомъ открытій и, по мѣрѣ силъ своихъ, передавать о Восточной Сибири все то, что можетъ обогатить науку отечественнаго землевѣдѣнія.

Послѣ сего были прочитаны слѣдующія статьи: «Ледовитое море» изъ путевыхъ записокъ члена—сотрудника, священника Аргентова и

ежегодный выходъ манджуровъ—мергенцевъ на р. Аргунь, для осмотра границъ и торговыхъ дѣлъ съ при—аргунцами, члена—сотрудника Кашина.

Г. Завѣдывающій отдѣломъ, по предварительному согласію г. председательствующаго и г.г. членовъ, предложилъ къ балотированію слѣдующихъ лицъ: въ члены—соревнователи почетнаго гражданина Ивана Андреевича Носкова; въ дѣйствительные члены: г. пограничнаго пристава Деспотъ—Зеновича, военного и гражданского губернатора Приморской области контръ—адмирала Козакевича, штабсъ—капитана генеральнаго штаба Восточной Сибири Турбина и полковника горныхъ инженеровъ Таскина; въ члены—сотрудники, служащаго при Троицкосавскомъ пограничномъ правленіи г. Петрова.

Л И Ц А,

вновь предложенныя къ избранію въ члены—соревнователи, дѣйствительные члены и члены—сотрудники Сибирскаго Отдѣла.

Въ члены—соревнователи:

Иванъ Андреевичъ Носковъ, почетный гражданинъ, жительство имѣеть въ Кяхтѣ. Онъ извѣстенъ своими трудами по собранію коммерческихъ свѣдѣній о китайской торговлѣ. Г. Носковъ предлагаетъ вообще трудиться для Сибирскаго Отдѣла, по предмету торговыхъ сношеній русскихъ съ китайцами.

Кто предлагаетъ:

К. К. Венцель.
И. С. Сельскій.
К. П. Бобановскій.

Въ дѣйствительные члены:

Членъ—сотрудникъ Сибирскаго Отдѣла *Александръ Ивановичъ Деспотъ—Зеновичъ*, пограничный приставъ, жительство имѣеть въ Кяхтѣ. Онъ занимается вообще предметами, касающимися до пограничныхъ дѣлъ съ Китаемъ, и своимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ приноситъ много пользы отдѣлу, принимая полное участіе въ тѣхъ вопросахъ, которые до него относятся.

К. К. Венцель.
И. С. Сельскій.
Л. Э. Шварцъ.

Петръ Васильевичъ Козакевичъ, членъ—сотрудникъ отдѣла, контръ—адмиралъ, военный губернаторъ Приморской области. Онъ

К. К. Венцель.
И. С. Сельскій.
Л. Э. Шварцъ.

извѣстенъ составленіемъ разныхъ статей объ Амурскомъ краѣ, сообщаемыхъ въ Отдѣлъ чрезъ здѣшній штабъ.

Николай Матвѣевичъ Турбинъ, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Восточной Сибири. Онъ сдѣлалъ поѣздку въ нагорную долину верхнихъ источниковъ Енисея. Кроме того онъ былъ въ Монголіи, составилъ маршрутную карту пути отъ Кяхты до Урги, снялъ планъ этого города, и, вмѣстѣ съ описаніемъ своего путислѣдованія, все это сообщилъ Сибирскому Отдѣлу.

К. К. Венцель.
Л. Э. Шварцъ.
И. С. Сельскій.

Николай Николаевичъ Таскинъ, подполковникъ горныхъ инженеровъ, ревизоръ Канскаго и Олекминскаго округовъ. Онъ извѣстенъ своими трудами по горной части; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія, касающіяся до золотопромышленности завѣдываемыхъ имъ системъ.

К. К. Венцель.
И. С. Сельскій
К. П. Бобановскій.

Въ члены сотрудники:

Николай Степановичъ Петровъ, служащій въ троїцкосавскомъ пограничномъ правленіи. Статьи его помѣщались въ разныхъ періодическихъ журналахъ.

К. К. Венцель.
И. С. Сельскій.
К. П. Бобановскій.

Кромѣ того онъ изъявилъ согласіе доставлять въ отдѣлъ свѣдѣнія о сосѣдней къ намъ Монголіи.

Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 25 октября 1858 года.

Подъ предсѣдательствомъ К. К. Венцеля присутствовали 6 действительныхъ членовъ.

Правитель дѣлъ Сибирскаго Отдѣла докладывалъ о бумагахъ, полученныхъ въ вакаціонное время, съ 21 мая по 25 октября.

Доложено въ подлинникѣ письмо отставнаго полковника Шепетковскаго, въ которомъ онъ увѣдомляетъ Отдѣлъ, что, согласно предложенію онаго, онъ изъявляетъ желаніе свое быть членомъ—соревнователемъ этого учрежденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ Отдѣлу о размѣнѣ имѣющихся у него горнокаменныхъ породъ Енисейской губерніи на дублиеты другихъ породъ Восточной Сибири, находящихся въ музеумѣ Отдѣла. Определено: предложить г. Ше-

петковскаго къ балотированію въ члены—соревнователи въ слѣдующее за симъ засѣданіе, и увѣдомить его, что онъ можетъ получить дублиеты тѣхъ минераловъ, которые имѣются въ наличности.

Доложено о доставленіи почетнымъ гражданиномъ Носковымъ трехъ сотъ рублей серебромъ, по случаю предложенія Сибирскаго Отдѣла, сдѣланнаго ему объ избраніи его Носкова въ члены—соревнователи. Определено: просить общество объ удостоеніи г. Носкова въ этомъ званіи и о присылкѣ ему диплома, а деньги 300 р. с. сдать на храненіе экзекутору главнаго управленія Восточной Сибири.

Доложено объ отношеніи дѣйствительнаго члена общества Деспота-Зеновича, въ которомъ онъ извѣщаетъ Отдѣлъ, что статья г. члена—сотрудника Пѣтухова: «Статистическое описаніе Кяхтинскаго градоначальства» имъ получена и согласно просьбѣ Сибирскаго Отдѣла, онъ просмотритъ, исправитъ и дополнитъ оную по имѣющимся у него современнымъ матеріаламъ. Определено: благодарить г. Деспота-Зеновича за вниманіе его и просить по окончаніи этого труда, выслать исправленную статью въ Сибирскій Отдѣлъ.

Членъ—сотрудникъ Кельбергъ увѣдомилъ Отдѣлъ о полученіи имъ пятидесяти рублей серебромъ, выданныхъ ему Отдѣломъ на расходы для добыванія минераловъ Селенгинскаго края и вмѣстѣ для вскрытія кургановъ древнихъ аборигеновъ той мѣстности.

Доложено о письмѣ къ правителю дѣлъ г. Шепетковскаго, при коемъ онъ приложилъ статью свою: «Нѣчто о тунгусскомъ языкѣ». Записка эта заключаетъ въ себѣ разныя замѣчанія о тунгусскомъ нарѣчій, собранныя во время многократныхъ поѣздокъ г. Шепетковскаго по Енисейскому краю, при чемъ представлены разговорныя фразы тунгусовъ, съ переводомъ на русскій языкъ. Определено: благодарить г. Шепетковскаго за трудъ его, статью разсмотрѣть въ совокупности съ имѣющимися въ Отдѣлѣ статьями о тунгусскомъ языкѣ и, согласно желанію составителя, напечатать оную въ Запискахъ Сибирскаго Отдѣла.

Получено отъ общества, для библіотеки Отдѣла, 5 экземпляровъ № 3 Вѣстника за 1858 годъ.

Прочитано въ подлинникѣ отношеніе казначея Общества, дѣйствительнаго члена Княжевича, въ которомъ онъ извѣщаетъ Отдѣлъ, что по усмотрѣнному накопленію годъ отъ году увеличивающихся недоимокъ на г.г. дѣйствительныхъ членахъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества, постановлено совѣтомъ: принять мѣры къ понужденію сихъ членовъ къ исправному платежу слѣдующихъ по уставу (§ 26) ежегодныхъ взносовъ. Вслѣдствіе этого распоряженія, отъ Сибирскаго Отдѣла требуется списокъ дѣйствительнымъ чле-

намъ общества, принадлежащимъ къ Сибирскому Отдѣлу, изъявившимъ желаніе вносить ежегодные платежи въ С. Петербургъ, за которыми по настоящее время, за непредставленіемъ квитанцій, числится недоимка. вмѣстѣ съ тѣмъ просить увѣдомить—принадлежатъ ли поименованные члены въ прилагаемомъ спискѣ къ Обществу и по которое время уплачены ими годовые взносы. По обсужденіи этого предмета, г. предсѣдательствующимъ и г.г. членами, опредѣлено: извѣстить Общество, что дѣйствительные члены онаго, находившіеся прежде сего въ предѣлахъ Восточной Сибири и нынѣ числящіеся по оной, согласно § 26 не всѣ дѣлали денежные взносы, поэтому за многими состоитъ недоимка, и что полученныя до сего съ нѣкоторыхъ г.г. членовъ деньги, поступали на приходъ Сибирскаго Отдѣла и его Музеума, вслѣдствіе крайне недостаточныхъ средствъ, предоставленныхъ на его содержаніе. Принимая въ основаніе это послѣднее обстоятельство, Сибирскій Отдѣлъ, по необходимости, положилъ просить общество и вмѣстѣ съ тѣмъ его сіятельство, г. покровителя Отдѣла о томъ, чтобы и на будущее время денежные взносы съ г.г. дѣйствительныхъ членовъ, находящихся въ Восточной Сибири поступали въ пользу Отдѣла. Тѣ же изъ членовъ, которые оставляютъ Восточную Сибирь навсегда, должны потомъ дѣлать взносы въ Общество, и объ отбывшихъ Отдѣлъ въ свое время будетъ извѣщать Общество. О такомъ заключеніи г.г. членовъ Отдѣла, правитель дѣлъ имѣлъ честь докладывать г. покровителю Отдѣла. Его сіятельство, согласившись вполне съ предположеніемъ г.г. членовъ, просилъ довести до свѣдѣнія Общества, что въ настоящее время всякая помощь, оказанная Отдѣлу, будетъ для него важна, тѣмъ болѣе, что кругъ дѣйствій Сибирскаго Отдѣла годъ отъ году расширяется и что предстоящая экспедиція для описанія сосѣдственной Маньчжуріи, потребуетъ значительныхъ издержекъ. Обо всемъ здѣсь изложенномъ поручено довести до свѣдѣнія Общества, а также и сообщить г. казначею онаго.

Членъ—сотрудникъ Кельбергъ извѣстилъ Отдѣлъ, что во время своихъ обзорѣній около селенгинской степной думы, при осмотрѣ древнихъ кургановъ, онъ открылъ въ Сосновой пади новое мѣсторожденіе селенгинской краски; умбра эта имѣетъ всѣ достоинства гусино-озерской краски и содержитъ въ себѣ гораздо менѣе песку, чрезъ что кажется болѣе нѣжною и мягкою; при томъ самое залеганіе ея оказалось въ большихъ массахъ противъ первой. вмѣстѣ съ тѣмъ г. Кельбергъ увѣдомляетъ, что онъ, въ пяти верстахъ отъ рѣки Селенги, въ Кряжовой пади (по монгольски Кундунинъ) нашелъ огромную скалу, заключающую въ себѣ горнокамен-

ную породу агальматолита (образнаго камня), который въ случаѣ требованій можетъ быть безъ затрудненій доставляться водою до самаго Иркутска. Г. Кельбергъ при этомъ замѣчаетъ, что агальматолитъ въ большомъ употребленіи у китайцевъ; изъ него они дѣлаютъ различныя подѣлки, какъ то: религіозныя буддійскія изображенія, вазы и другіе мелкіе предметы, которые расходятся въ Китаѣ въ большомъ количествѣ. По этому г. Кельбергъ полагаетъ, что нашъ селенгинскій агальматолитъ можетъ быть то же предметомъ заграничнаго сбыта. При своемъ отношеніи г. Кельбергъ приложилъ образцы селенгинской краски и агальматолита различныхъ цвѣтовъ и видо-измѣненій. Определено: благодарить г. Кельберга за трудъ его, а каменные образцы передать на сохраненіе въ музеумъ Отдѣла.

Доложено объ отношеніи военнаго губернатора Приморской области контръ-адмирала Козакевича, при которомъ онъ препроводилъ въ Отдѣлъ рукопись корпуса флотскихъ штурмановъ поручика Орлова, заключающую въ себѣ до 1500 словъ и изрѣченій жителей острововъ Курильской гряды, составленную имъ во время долговременнаго пребыванія своего на берегахъ и островахъ Восточнаго Океана. Определено: особенно благодарить г. контръ-адмирала Козакевича и г. поручика Орлова, словарь послѣдняго помѣстить въ Запискахъ Сибирскаго Отдѣла.

Отставной полковникъ Таскинъ, имѣющій жительство въ Барнаулѣ, согласно просьбѣ члена—соревнователя Соловьева, препроводилъ въ Отдѣлъ записку свою о результатахъ испытанія и изслѣдованія мѣдныхъ рудъ, найденныхъ г. Соловьевымъ въ Забайкальской области и произведенныхъ главною Барнаульскою лабораторіею. Определено: благодарить г. Таскина за сообщенную статью, которую помѣстить въ послѣдствіи въ запискахъ Отдѣла.

Доложено объ отношеніи члена—сотрудника Кельберга, въ которомъ онъ извѣщаетъ Отдѣлъ, что въ началѣ мая онъ приступилъ къ осмотру и раскапыванію старыхъ кургановъ и о послѣдствіяхъ особенно увѣдомить. При томъ г. Кельбергъ свидѣтельствуетъ предъ Отдѣломъ объ усердномъ содѣйствіи помощника селенгинскаго тайши Дмитрія Минеева и писаря той же думы Григорія Минеева, оказавшихъ ему при его изслѣдованіяхъ большія услуги. Определено: извѣстить г. Кельберга, что Отдѣлъ будетъ ожидать его интересныхъ увѣдомленій о вскрытіи кургановъ; лицамъ же, объ усердіи которыхъ представляетъ г. Кельбергъ, изъяснится отъ Сибирскаго Отдѣла благодарность.

Получены отъ общества, для библіотеки Отдѣла, 5 экземпляровъ № 4 Вѣстника на 1858 годъ.

Членъ—сотрудникъ Гауптъ представилъ въ Отдѣлъ двѣ статистическихъ статьи, извлеченныхъ имъ изъ дѣлъ главнаго управленія Восточной Сибири, заключающія въ себѣ вѣдомость о числѣ ревизскихъ душъ въ инородческихъ племенахъ Восточной Сибири по 9 резаны кочевые и бродячіе инородцы по родамъ и наслегамъ (всего 719), съ обозначеніемъ улусовъ или родовъ, округовъ, инородческихъ вѣдомствъ, отдѣленій и селеній, а также губерній и областей, къ коимъ они принадлежатъ. Вторая статья содержитъ въ себѣ полный списокъ земель, обитаемыхъ кочевыми инородцами Енисейской губерніи Минусинскаго округа. Въ этомъ списокѣ находятся: степныя думы и инородческія управы, названіе родовъ и стойбищъ (лѣтниковъ и зимниковъ); рѣки, рѣчки, озера и прочія мѣстности, при коихъ состоятъ стойбища и наконецъ число жителей обоюга пола въ каждомъ стойбищѣ отдѣльно, съ показаніемъ племенъ жителей. Определено: особенно благодарить Гаупта за трудъ его и по разсмотрѣніи статей, помѣстить оныя въ запискахъ Сибирскаго Отдѣла.

Отставной полковникъ Шепетковскій сообщилъ въ Отдѣлъ статью свою: О землетрясеніи, бывшемъ въ городѣ Красноярскѣ 30 мая 1858 года. Определено: благодарить г. Шепетковскаго за статью его и помѣстить оную въ смѣси записокъ Сибирскаго Отдѣла.

Доложено объ отношеніи Общества, въ которомъ оно, извѣщая Отдѣлъ о напечатаніи V книжки записокъ Отдѣла, просить о доставленіи семи сотъ тридцати двухъ рублей, двадцати пяти копѣекъ, затраченныхъ Обществомъ на отпечатаніе этой книжки. Определено: нынѣ же истребовать отъ экзекутора главнаго управленія, слѣдующія Обществу деньги и отправить по принадлежности.

Доложено о полученіи отъ Общества диплома, слѣдующаго къ выдачѣ г. Кашину на званіе члена—сотрудника. Определено: препроводить дипломъ г. Кашину.

Доложено объ отношеніи секретаря Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы, Ауербаха, въ которомъ Общество благодаритъ Сибирскій Отдѣлъ за сообщеніе образцовъ листовичной камеди, представленной г. членомъ—сотрудникомъ Козловымъ и за статью объ ней, составленную г. Львовымъ.

Прочитано въ подлинникѣ письмо почетнаго гражданина Ксенофонта Кандинскаго, въ которомъ онъ увѣдомляетъ Отдѣлъ, что согласно предложенію онаго, онъ за особенную честь поставляетъ для себя принять званіе члена—соревнователя и съ удовольствіемъ готовъ предложить свои услуги Отдѣлу по предмету статистическо-коммерческихъ изысканій о заграничной торговлѣ съ Китаемъ.

Главный астрономъ сибирской экспедиціи Шварцъ, отъѣзжая

изъ Иркутска, передалъ г. правителю дѣль, при особомъ отношеніи, деньги 333 руб. 33 копейки, слѣдующія въ жалованье г. натуралисту Радде, съ просьбою о передачѣ этихъ денегъ по возвращеніи г. Радде съ рѣки Амура. Определено: передать означенныя деньги г. Радде, по прибытіи его въ Иркутскъ, и увѣдомить объ этомъ г. Шварца.

Доложено о письмѣ къ правителю дѣль лекаря Шишкевича, въ которомъ онъ увѣдомляетъ Отдѣлъ, что кромѣ присланной имъ статьи о тунгусахъ Майскаго наслега, онъ готовъ продолжать свои изысканія о приморскомъ Охотскомъ краѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно предложенію Отдѣла, онъ также займется опытами посѣва въ тамошней мѣстности хлѣбныхъ и огородныхъ растений, высланныхъ ему Отдѣломъ и о послѣдствіяхъ извѣститъ Отдѣлъ въ свое время. Определено: благодарить г. Шишкевича за дѣятельное участіе его въ пользу Отдѣла.

Членъ—сотрудникъ Гауптъ представилъ въ Отдѣлъ вѣдомость «О состояніи народонаселенія въ Восточной Сибири за 1857 годъ», въ коей помѣщены свѣдѣнія, извлеченныя изъ отчетовъ г.г. губернаторовъ за минувшій 1857 г., а именно: 1) о числѣ жителей обо-его пола по городамъ и округамъ Иркутской и Енисейской губерній, Забайкальской и Якутской областей и Кяхтинскому градоначальству. Въ этой же статьѣ находится число родившихся и умершихъ обо-его пола и разность между тѣмъ и другимъ числомъ; а также число браковъ; 2) исчислены жители губерній, областей и градоначальства по сословіямъ; 3) показано о числѣ умершихъ въ 1857 г. по возрастамъ; 4) исчислены инородцы по племенамъ; 5) показаны жители по вѣроисповѣданію въ каждой губерніи, и 6) исчислены раскольники по сектамъ мужескаго и женскаго пола по каждой губерніи. Определено: благодарить г. Гаупта за постоянную дѣятельность и приобщить послѣднія свѣдѣнія къ статистическимъ матеріаламъ Сибирскаго Отдѣла.

Вслѣдствіе просьбы Сибирскаго Отдѣла, членъ—сотрудникъ Дрентельнъ, состоя начальникомъ Енисейскаго казачьяго полка и постовъ китайской пограничной линіи, собралъ свѣдѣнія о сосѣднемъ, довольно численномъ племени соіотовъ, имѣющемъ близкія родовыя соотношенія съ горными урянхайцами, и составилъ особую статью, представилъ оную въ Отдѣлъ. Определено: благодарить г. Дрентельна за его интересное сообщеніе, и статью его принять для соображенія, при составленіи описанія соіотовъ Иркутской губерніи.

Членъ—сотрудникъ Гауптъ сообщилъ въ Отдѣлъ «Вѣдомость о торговыхъ оборотахъ по ярмаркамъ Восточной Сибири за 1857 годъ.» Определено: передать г. Гаупту особенную признательность Сибирскаго Отдѣла и статью его приобщить къ статистическимъ матеріаламъ.

IV Отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири, обратилось въ Сибирскій Отдѣлъ съ просьбою о сообщеніи оному, для включенія во всеподданнѣйшій отчетъ о состояніи Восточной Сибири за 1857 годъ, слѣдующія свѣдѣнія: о числѣ членовъ Сибирскаго Отдѣла, о дѣйствіяхъ и занятіяхъ онаго по изслѣдованіямъ въ различныхъ отношеніяхъ Восточной Сибири; о состояніи музеума и библіотеки Отдѣла, о денежныхъ средствахъ Отдѣла и объ измѣненіяхъ, какія были по управленію этого учрежденія, а также о видахъ и предположеніяхъ Отдѣла на будущее время. Определено: поручить правителю дѣлъ доставить нынѣ же всѣ свѣдѣнія, требуемыя главнымъ управленіемъ Восточной Сибири.

Получены отъ Общества, для библіотеки Отдѣла, 5 экземпляровъ № 5 Вѣстника за 1858 годъ.

Доложено объ отношеніи штабсъ-капитана здѣшняго штаба Ельца, въ которомъ онъ проситъ о выдачѣ ему различныхъ свѣдѣній, могущихъ служить источниками при составленіи имъ, по Высочайшему повелѣнію, статистическаго описанія Иркутской губерніи. Определено: нынѣ же выдать Ельцу, согласно его просьбѣ, тѣ статистическіе матеріалы, которые онъ найдетъ для себя нужными для извлеченія необходимыхъ свѣдѣній.

Императорское Русское географическое Общество извѣстило Отдѣлъ, что оно получило и передало г. Мааку деньги четыреста сорокъ пять рублей, слѣдующія въ жалованье и порціоны, по нахожденію г. Маака въ С. Петербургѣ, по дѣлу изданія матеріаловъ Амурской ученой экспедиціи.

Доложено о письмѣ къ правителю дѣлъ члена математической экспедиціи, прапорщика Крыжина, о слѣдованіи его Тункинскимъ краемъ чрезъ водораздѣлъ горъ, отдѣляющихъ притоки р. Ангары и Енисея. Г. Крыжинъ чрезъ вершину р. Сенцы слѣдовалъ до минеральныхъ водъ на р. Исыксунъ и потомъ достигъ р. Торпу, куда прѣзжаютъ китайскіе подданные. Далѣе онъ проникнулъ чрезъ вершины р.р. Сарунъ, Шибить, Асасъ и другія, и вышелъ въ курень урянховъ на Бей-Кхемъ, куда до сего еще ни кто не проникалъ. На этомъ пути г. Крыжинъ встрѣтилъ непрерывныя огромныя возвышенныя площади безъ всякой растительности и только приближаясь къ куреню онъ нашелъ степныя мѣста, покрытыя тучною травою; окружающіе ихъ хребты не высоки и имѣютъ большія покаты на югъ, покрытыя чернолѣсьемъ. По заключенію г. Крыжина, здѣсь хлѣбъ можетъ быть разведенъ съ большимъ успѣхомъ. Оставивъ эти мѣста, онъ направился къ гольцамъ, гдѣ берутъ свое начало рр. Хатарсунъ, Килки-Кхемъ и наша р. Уда, и отсюда спустился къ Бирюсѣ уже на другую сторону Саяна. На этомъ пространствѣ г. Крыжинъ встрѣ-

тилъ народъ, извѣстный у нашихъ бурятъ подь именемъ Тужинскихъ урянховъ, а у карагасъ—соіотовъ, и что народъ этотъ дѣлится на нѣсколько родовъ, имѣющихъ свои отдѣльныя названія. Такимъ образомъ оленные, кочующіе по вершинамъ Саянскаго хребта, называются Кара-Джеты и Акт-Джеты, скотоводные, живущіе по Бей-Кему, Додотъ. Въ Улясутуѣ же, или какъ они называютъ Улятай, куда инородцы возятъ ясакъ, они извѣстны подь общимъ именемъ Туба (карагасъ). Въ заключеніе своего письма г. Крыжинъ свидѣтельствуетъ свою благодарность лицамъ, оказавшимъ ему участіе и помощь въ его слѣдованіи: г. горному исправнику Шугаеву и тавастгускому купцу Алиберу. Вмѣстѣ съ симъ онъ жалуется на окинскаго бурята Максю, который распустилъ между урянхами невыгодныя о г. Крыжинѣ слухи и домогался о томъ, чтобы они не пускали его въ свои предѣлы. Определено: благодарить г. Крыжина за его интересное сообщеніе объ урянхайской странѣ, передать благодарность Отдѣла г.г. Шугаеву и Алиберу, и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просить г. иркутскаго земскаго исправника изслѣдовать дѣло объ окинскомъ бурятѣ Максѣ, издавна много приносящемъ вреда изъ собственныхъ своекоростныхъ видовъ лицамъ, переходящимъ границу.

Доложено о сообщеніи правленіемъ Амурской компаніи экземпляра своего устава на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Определено: благодарить компанію, а книжки передать на сохраненіе въ библіотеку Отдѣла.

Доложено объ отношеніи его преосвященства, архіепископа ярославскаго и ростовскаго Николая, при коемъ онъ прислалъ въ даръ Сибирскому Отдѣлу три экземпляра своего сочиненія «О Буддизмѣ.» Определено: особенно благодарить его преосвященство за приношеніе его, а книги сдать въ библіотеку Отдѣла.

Россійское общество любителей садоводства особымъ отношеніемъ благодарить Сибирскій Отдѣлъ за сѣмена разныхъ овощей и замѣчательные образцы фруктовъ сѣвернаго и южнаго Китая, пересланныхъ въ Общество для разведенія и акклиматизаціи оныхъ.

Получены отъ Общества, для библіотеки Сибирскаго Отдѣла, 5 экземпляровъ № 6 Вѣстника за 1858 годъ.

Доложено объ отношеніи института корпуса горныхъ инженеровъ, въ которомъ онъ изъявляетъ свою благодарность Отдѣлу, за экземпляры лазуреваго камня, съ пріиска рч. Малой Быстрой.

Минусинскій земскій исправникъ Нечаевъ сообщилъ въ Отдѣлъ описаніе пути отъ верхней Кежемской деревни (что въ Енисейской губерніи, Кежемской волости) до деревни Эрбачанъ (Иркутской губерніи, Киренскаго округа, Подкаменной волости). Определено: бла-

годарить г. Нечаева за его интересное описаніе.

Доложено объ отношеніи якутскаго гражданскаго губернатора Штубендорфа, въ которомъ онъ извѣстилъ Отдѣлъ, что родовичъ Мегинскаго улуса, Ахтанскаго наслега, Федоръ Ильинъ Поповъ, въ поданной отъ него докладной запискѣ 18 августа, изъявилъ желаніе пожертвовать въ Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества двѣсти рублей серебромъ съ тѣмъ, что деньги эти онъ внесетъ къ 1 числу августа будущаго 1859 года. Определено: благодарить г. губернатора за его участіе въ пользу Отдѣла, представить объ этомъ пожертвованіи родовича Попова его сіятельству г. покровителю Отдѣла и впослѣдствіи, по полученіи денегъ, доложить особенно.

Доложено объ отношеніи члена—сотрудника Мордвинова, при коемъ онъ препроводилъ въ отдѣлъ шаманскую одежду остяковъ и тунгусовъ Туруханскаго края, съ различными украшеніями, принадлежащими къ этимъ одежаніямъ. Определено: особенно благодарить г. Мордвинова за постоянное вниманіе его къ Отдѣлу и предметы имъ присланные сдать на храненіе въ музей Отдѣла.

Членъ—сотрудникъ Разгильдѣевъ препроводилъ въ Отдѣлъ восемь горнокаменныхъ породъ, характеризующихъ золотоносное мѣсторожденіе Александровскаго прииска по рѣчкѣ Эликтѣ, составляющей собою одинъ изъ верхоленскихъ притоковъ. Определено: благодарить г. Разгильдѣева и штуфы сдать въ музей, для присоединенія къ имѣющемуся собранію золотоносныхъ породъ прочихъ системъ.

Получены отъ Общества 5 экземпляровъ № 7 Вѣстника на 1858 годъ.

Дѣйствительный членъ Штубендорфъ прислалъ въ Отдѣлъ различные естественные предметы, пожертвованные для музея слѣдующими лицами: охотскимъ исправникомъ Щукинымъ—три позвонка отъ ки та, вилюйскимъ исправникомъ Амосовымъ—черепъ допотопнаго носорога и кость лопатки мамонта, колымскимъ куцомъ Барамыкинымъ—голова мамонта, съ двумя цѣльными клыками и шкура бѣлой полярной лисицы. Определено: просить г. Штубендорфа передать жертвователямъ особенную признательность Сибирскаго Отдѣла за такое интересное приношеніе.

Доложено о письмѣ члена—сотрудника Маака изъ С. Петербурга къ правителю дѣлъ, въ которомъ онъ увѣдомляетъ вообще о положеніи и ходѣ работъ по изданію трудовъ Амурской экспедиціи. Г. Маакъ доводитъ до свѣдѣнія Отдѣла, что членъ—соревнователь Соловьевъ принялъ на себя все расходы по этому изданію и не щадитъ ни какихъ издержекъ для лучшей обстановки печатанія ученыхъ матеріаловъ.

ловъ. По его личному желанію изготовлены, подъ руководствомъ г. Маака, 13 таблицъ, представляющихъ виды различныхъ характеристическихъ типовъ природы Амура, 7 таблицъ въ большой полулистъ этнографическихъ рисунковъ и 10 таблицъ съ изображеніемъ самыхъ интересныхъ изъ растений р. Амура. Всѣ эти рисунки г. Соловьевъ предполагаетъ изготовить въ Парижѣ. Сверхъ того при отчетѣ г. Маака къ изданію трудовъ Амурской экспедиціи приложены будутъ: геогностическая карта береговъ р. Амура, съ девятью разрѣзами замѣчательныхъ въ геогностическомъ отношеніи мѣстностей, карта распространенія по Амуру всѣхъ найденныхъ г. Маакомъ древесныхъ и кустарничныхъ растений, планъ части г. Айгуна и планъ древняго Албазина. Всѣ эти карты и планы изготовлены въ топографическомъ депо генеральнаго штаба. Съ своей стороны, относительно текста этого изданія, г. Маакъ надѣется окончить его своевременно.

Получено отношеніе отъ комитета акклиматизаціи животныхъ, въ которомъ Общество это проситъ о содѣйствіи Сибирскаго Отдѣла по устройству въ Москвѣ перваго русскаго зоологическаго собранія и вообще по предмету распространенія и акклиматизаціи полезныхъ животныхъ.—Опредѣлено: имѣть въ виду просьбу комитета и принять всѣ зависящія отъ Отдѣла мѣры быть полезнымъ учрежденію комитета.

Доложено объ отношеніи начальника математической экспедиціи Шварца, при которомъ онъ, возвращая Отдѣлу взятые имъ на время книги, проситъ оставить у него описаніе Минусинскаго округа—г. Нечаева. Определено: согласно просьбѣ г. Шварца, увѣдомить его, что статью Нечаева онъ можетъ оставить у себя и по минованіи надобности переслать оную обратно въ Отдѣлъ.

Членъ—сотрудникъ Кельбергъ, при письмѣ своемъ къ правителю дѣлъ, препроводилъ въ Отдѣлъ различныя горнокаменные породы изъ семейства цеолитовъ и другіе минералы, а также вещи, добытыя имъ изъ древнихъ кургановъ, какъ то: каменный ножъ, кусочекъ золота, мѣдная чашка, пряжка, глиняный кувшинчикъ и игла. Определено: благодарить г. Кельберга отъ Отдѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ письмѣ же доложить г. покровителю о постоянномъ усердіи г. Кельберга къ пользамъ Отдѣла. Его сіятельство, вслѣдствіе такого доклада, изволилъ подписать г. Кельбергу бумагу, съ изъявленіемъ своей благодарности.

Членъ—сотрудникъ Мордвиновъ представилъ въ Отдѣлъ, при отношеніи, 11 этнографическихъ предметовъ, совершенно новыхъ и замѣчательныхъ по своей изящной отдѣлкѣ, а именно: самоедскій сокуй; одежда юраковъ съ р. Тазу; сокуй, сотуры и шапка; платье юраковъ, живущихъ въ низовьяхъ р. Енисея; сокуй и сотуры; да-

ганская махалка, якутскій санаяхъ, лукъ и стрѣлы самоедовъ, чехлы на нихъ, лыжи тунгускія, посохъ къ нимъ в рѣдкій экземпляръ бѣлой росомахи. Определено: доложить особенно объ этихъ интересныхъ этнографическихъ пожертвованіяхъ г. покровителю Сибирскаго Отдѣла и почтительнѣйше просить его сіятельство о поощреніи г. Мордвинова за его постоянное участіе къ пользамъ Отдѣла. Его сіятельство, принявъ во вниманіе представленіе г.г. членовъ отдѣла, поручилъ правителю дѣлъ изготovitъ бумагу съ изъявленіемъ благодарности г. Мордвинову, которую изволилъ подписать лично.

Прочитано въ подлинникѣ письмо начальника математической экспедиціи Шварца къ правителю дѣлъ Сибирскаго Отдѣла. Г. Шварцъ кратко увѣдомляетъ о послѣднихъ дѣйствіяхъ экспедиціи; изъ этого извѣщенія видно, что г. Крыжинъ былъ на сѣверномъ концѣ оз. Косогила, всходилъ на Мунко—Хардыкъ до предѣловъ вѣчныхъ снѣговъ, прошелъ нѣкоторое пространство по Бей—Кему, гдѣ сошелся съ тамошнимъ хамбо—ламою и Данаиномъ. Съ Бей—Кема онъ поворотилъ на сѣверъ и слѣдуя по направленію на западъ, чрезъ вершины Уды, Бирюсы, Кана, перешолъ на Ману, пересѣкъ на югѣ вершины и притоки Кизира или Боло, Казыра, Тубы и Шелери, что показало другое расположеніе помянутыхъ рѣкъ, нежели какъ показываютъ наши карты. По р. Ману г. Крыжинъ сплылъ на плоту до устья этой рѣки, впавшей въ Енисей. На всемъ маршрутѣ определено 15 пунктовъ. По заключенію г. Шварца, свѣдѣнія, собранныя г. Крыжинымъ, подвинутъ географическія знанія наши о верховьяхъ р. Енисея на значительный шагъ впередъ. На этомъ пути г. Крыжинъ собралъ геогностическіе образцы, изъ которыхъ нѣкоторые въ высшей степени интересны. Далѣе г. Шварцъ увѣдомляетъ о Рожковѣ, что онъ прослѣдилъ р. Ангару до впаденія ея въ Енисей. Важнѣйшій результатъ трудовъ г. Рожкова состоитъ въ маршрутной съемкѣ долины Ангары, отъ братскаго острога внизъ до устья; отъ Братскаго же острога до истока Ангары маршрутъ уже имѣется, и определено 12 пунктовъ, по долинкамъ Ангары расположенныхъ. Объ своемъ путешествіи г. Шварцъ увѣдомляетъ, что онъ изъ Минусинска отправился на Усь, и, слѣдуя по долинкамъ этой рѣчки болѣе двухъ третей ея теченія, достигъ до устья оной. Отсюда онъ поднялся на лодкѣ до Бомъ—Кемчуга и поплылъ внизъ до с. Означеннаго. За симъ изъ Минусинска онъ проѣхалъ въ Таштымъ и оттуда, вмѣстѣ съ начальникомъ округа Кн. Костровымъ, достигъ до Царево—Николаевскаго золотого промысла, находящагося въ Кузнецкомъ округѣ. Возвратившись въ Таштымъ, г. Шварцъ чрезъ Аскысь и Бійской, во второй разъ, пріѣхалъ въ Означенное, откуда отправился прямо въ Кра-

сноярскъ. На маршрутѣ всего пути отъ Минусинска черезъ Усть, Бомъ-Кемчугъ, Означенное и Таштымъ, до Царево-Николаевского промысла опредѣлено 13 пунктовъ и на пути собрано до 150 номеровъ геогностическихъ породъ, изъ совокупности которыхъ г. Шварцъ получилъ ясное понятіе о геологическомъ устройствѣ этой части енисейской долины. Залеганіе чрезъ Енисей, по направленію отъ В. на З., трехъ пластовъ мрамора, изъ которыхъ сѣверные въ особенности толсты, до 500 сажень, и весьма хорошаго качества, присутствіе богатѣйшихъ желѣзныхъ рудъ и гипса на Албаканѣ близъ Арбатовъ, листоватаго каменнаго угля въ горѣ Изыхъ, на правомъ берегу Абакана ниже устья Уйбата—все эти подробности послужатъ будущимъ изслѣдователямъ физическаго отдѣла экспедиціи не маловажными указаніями.

Членъ—сотрудникъ Кельбергъ прислалъ въ Отдѣлъ, при особомъ описаніи, шпагу, принадлежавшую Ерофею Заболоцкому, нашему посланцу къ Цеценъ-Хану, убитому бурятами на посольскомъ мысу, что на Байкалѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ г. Кельбергъ увѣдомилъ Отдѣлъ о томъ, что онъ приготовляетъ описаніе древнихъ кургановъ, вскрытыхъ имъ въ послѣднее время. Опредѣлено: особенно благодарить г. Кельберга за его труды въ пользу Отдѣла.

Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 27 октября 1859 года.

Подъ предсѣдательствомъ К. К. Венцеля, присутствовало: 4 дѣйствительныхъ члена, 2 члена—сотрудника и членъ амурской экспедиціи г. штабсъ-капитанъ Усольцевъ.

Правитель дѣлъ словесно предъявилъ г.г. присутствующимъ о томъ, что въ теченіи настоящаго года не было общихъ собраній, по случаю отъѣзда самой большей части изъ членовъ Сибирскаго Отдѣла, откомандированныхъ въ различныя мѣста Восточной Сибири. Но за всемъ тѣмъ, въ началѣ 1859 года, въ слѣдствіе снаряженія двухъ экспедицій въ при—амурскій край, по назначенію его сиятельства г. покровителя Сибирскаго Отдѣла и г. предсѣдательствующаго, было три экстренныя засѣданія, на которыхъ рѣшено было—что именно предпринять долженъ Сибирскій Отдѣлъ, согласно указанію его сиятельства. О послѣдствіяхъ этихъ засѣданій, такъ равно и объ всемъ томъ, что вошло въ кругъ дѣйствія Сибирскаго Отдѣла за послѣдній періодъ времени, г. правитель дѣлъ доложилъ особенно въ первое за симъ общее засѣданіе.

За симъ доложено было о бумагахъ, полученныхъ въ вакан-

ціонное время.

Прочитано письмо, присланное изъ правленія амурской компаніи, въ которомъ изъявлена признательность Сибирскому Отдѣлу за сообщеніе копій съ статьи г. Вениокова о путешествіи его по рѣкѣ Усури, весьма важномъ для разныхъ коммерческихъ соображеній и видовъ компаніи.

Его сіятельство, г. покровитель Сибирскаго Отдѣла передалъ въ Отдѣлъ чрезъ главное управленіе Восточной Сибири докладную записку штабъ-лекаря Дмитрія Викулы, при которой представлена была имъ записка о Канскомъ округѣ Енисейской губерніи. Его сіятельство положилъ на этой запискѣ свою резолюцію: «разсмотреть въ Отдѣлѣ». Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ полный топографическо-статистическій обзоръ этого округа, составленный весьма отчетливо и съ большими подробностями. Къ этому сочиненію приложена и карта канскаго округа. Определено: снять копію съ записки г. Викулы и представить въ Общество, за тѣмъ помѣстить трудъ этотъ въ запискахъ Сибирскаго Отдѣла и особенно благодарить составителя за его весьма интересную статью.

Доложено объ отношеніи канцеляріи Общества, при которомъ препровождены 122 руб. 80 коп., взятые ошибочно типографіею морскаго министерства за отпечатаніе записокъ Сибирскаго Отдѣла. Определено: отослать эти деньги на храненіе къ экзекутору главнаго управленія и увѣдомить канцелярію о полученіи оныхъ.

Императорское Московское Общество Сельскаго хозяйства препроводило въ Сибирскій Отдѣлъ сѣмена различныхъ хлѣбныхъ, огородныхъ, лекарственныхъ и красильныхъ растений, назначенныхъ для разсылки въ различныя мѣста при-амурскаго края. По назначенію г. предсѣдательствующаго, сѣмена эти были отосланы въ областное управленіе при-амурскаго края, и вмѣстѣ съ симъ изъявлена благодарность г. директору комитета акклиматизаціи г. Анненкову.

Членъ-сотрудникъ протоіерей Д. Хитровъ представилъ въ Отдѣлъ два экземпляра составленной и отпечатанной имъ грамматики якутскаго языка. Определено: особенно благодарить протоіерея Хитрова за его приношеніе и книги эти сдать на храненіе въ бібліотеку Отдѣла.

Получены изъ общества 50 экземпляровъ отчета онаго за 1858 годъ, съ просьбою раздать ихъ членамъ Отдѣла. Согласно назначенію предсѣдательствующаго, экземпляры отчета были въ свое время разосланы г.г. членамъ.

Доложено объ отношеніи члена—сотрудника Енисейскаго окружнаго начальника Мордвинова, при коемъ онъ представилъ въ Отдѣлъ

найденный нынѣшнимъ лѣтомъ въ Туруханскомъ краѣ, въ тундрѣ, лежащей между рѣчками Дудыптою и Боганидою, остовъ головы допотопнаго мамонта. Определено: сдать этотъ остовъ въ музей Сибирскаго Отдѣла, а г. Мордвинова благодарить за его интересное приношеніе.

Членъ—сотрудникъ горный ревизоръ подполковникъ Фитингофъ препроводилъ въ Отдѣлъ вѣдомость о добычѣ шлиховаго золота, на вѣренныхъ наблюденію его частныхъ промыслахъ Забайкальской области въ прошедшемъ 1858 году. Определено: благодарить г. Фитингофа за доставленіе этой вѣдомости и составивъ выписку изъ оной, помѣстить въ Запискахъ Сибирскаго Отдѣла.

Прочитано въ подлинникъ представленіе предсѣдательствующаго г. покровителю Отдѣла, въ которомъ выразивъ сочувствіе этого учрежденія къ ученой дѣятельности и заслугамъ натуралиста Радде, посвятившаго себя въ настоящее время къ изученію Восточной Сибири и въ особенности приамурскаго края, просилъ его сіятельство о разрѣшеніи, выдать г. Радде, въ вознагражденіе за его полезные труды 300 руб. сер. На представленіе это его сіятельство изволилъ согласиться и деньги эти были выданы г. Радде изъ суммъ Сибирскаго Отдѣла.

Получено увѣдомленіе казачьяго отдѣленія главнаго управленія Восточной Сибири о томъ, что въ оное доставлено отъ Сибирскаго Отдѣла 47 пуд. 30 фун. образцовыхъ хлѣбныхъ сѣмянъ, пожертвованныхъ членомъ соревнователемъ Преиномъ для Амурскаго края, и что согласно этому назначенію, хлѣбныя сѣмена были отправлены туда немедленно.

Членъ—сотрудникъ Кельбергъ сообщилъ въ Отдѣлъ новые образцы умбры, найденные по рѣчкѣ Дзагустаю, что въ селенгинской степи. Изъ этой же мѣстности онъ прислалъ образцы разнообразныхъ агальматолитовъ, весьма тождественныхъ съ прежде открытыми по рѣкѣ Темнику. Определено: сдать на храненіе въ музей Сибирскаго Отдѣла.

Прочитана въ подлинникъ выписка изъ журнала засѣданія совета 7 января 1859 года, въ которой значитъ, что по ходатайству Сибирскаго Отдѣла, определено: всѣ денежные взносы, установленныя ежегодно съ дѣйствительныхъ членовъ въ предѣлахъ Восточной Сибири, производились бы впредь въ пользу Сибирскаго Отдѣла съ тѣмъ, чтобы объ нихъ увѣдомлять советъ Общества, для надлежащихъ отмѣтокъ въ спискахъ казначея.

Доложено объ отношеніи IV отдѣленія главнаго управленія Восточной Сибири, въ которомъ оно просило о сообщеніи свѣдѣній о

состояніи и дѣйствіяхъ Отдѣла за 1858 г. По опредѣленію г.предсѣдательствующаго, свѣдѣнія эти въ свое время были доставлены въ IV отдѣленіе.

Прочитано отношеніе г. Кельберга, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что согласно просьбѣ его, онъ получилъ отъ Сибирскаго Отдѣла два термометра, необходимыхъ при производствѣ метеорологическихъ наблюдений. При семъ г. Кельбергъ извѣстилъ Отдѣлъ, что въ теченіе настоящаго года онъ окончитъ осмотръ окрестностей Селенгинска, гдѣ были открыты различныхъ видовъ минеральныя краски, и въ особенности изслѣдуетъ Селенгинское и Боргойское озера, для опыта добычи изъ нихъ глауберовой соли и соды, а также раскопаетъ трахитовые сланцы для добычи цеолитовъ.

Прочитано письмо секретаря общества, въ которомъ извѣщается Отдѣлъ о выѣздѣ изъ Петербурга ученой экспедиціи по физическому отдѣлу, состоящей изъ геолога и топографа.

Доложено о томъ, что Императорское Русское географическое Общество избрало г. покровителя Сибирскаго Отдѣла въ свои почетныя члены и на это званіе препроводило дипломъ при особомъ отношеніи. Опредѣлено: особенно доложить его сіятельству объ этомъ избраніи и передать ему дипломъ по пріѣздѣ его изъ Японіи.

Штабъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ въ Восточной Сибири, по Морскому управленію, извѣстилъ Отдѣлъ о результатахъ изслѣдованій техническимъ комитетомъ урейскаго каменнаго угля. Опредѣлено: изслѣдованія эти, произведенныя въ лабораторіи департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, передать въ музеумъ, въ отдѣленіе образцовъ каменнаго угля, находящагося въ Восточной Сибири.

Членъ—сотрудникъ Кельбергъ представилъ въ Отдѣлъ метеорологическія наблюденія, веденныя имъ въ теченіи прошедшаго 1858 года. При этомъ онъ приложилъ свои изслѣдованія надъ температурою воды рѣки Селенги, образованія на ней льду осенью и замѣчанія о перелетѣ птицъ. Опредѣлено: благодарить г. Кельберга.

Общее губернское управленіе просило Сибирскій Отдѣлъ о доставленіи свѣдѣній о дѣйствіяхъ Сибирскаго Отдѣла за 1858 годъ, для включенія во всеподданнѣйшій отчетъ за Иркутскую губернію. По опредѣленію г. предсѣдательствующаго, свѣдѣнія эти были сообщены немедленно.

Енисейскій губернский статистическій Комитетъ препроводилъ въ Отдѣлъ статью своего члена—корреспондента лекаря Михаила Кривошапкина «Объ енисейскихъ остякахъ». При семъ Отдѣлъ былъ увѣдомленъ, что статьи того же автора о тунгусахъ и другихъ инородческихъ племенахъ, населяющихъ Енисейскую губернію, будутъ сообщены Комитетомъ особенно. Опредѣлено: благодарить г. пред-

сѣдателя комитета Падалку за сообщеніе этихъ полезныхъ статей, а г. Кривошапкину изъяснить за трудъ его особенную признательность Отдѣла.

Казачье отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири, по примѣру прошедшихъ годовъ, просило Отдѣлъ сдѣлать выписку огородныхъ сѣмянъ для амурскихъ переселенцевъ. Г. предсѣдательствующій поручилъ извѣстить, что согласно просьбѣ казачьяго отдѣленія, Сибирскій отдѣлъ готовъ принять на себя такое порученіе.

Прочитано въ подлинникѣ письмо г. Маака, присланное съ устья р. Усури о томъ, что ученая экспедиція благополучно достигла этихъ предѣловъ, и что вслѣдъ за симъ г. Маакъ и его спутники отправятся въ путь для изслѣдованія усурійской долины.

Состоящій при физической экспедиціи г. Радде, просилъ прислать ему въ Тункинское селеніе сочиненіе г. Меглицкаго «Геологическое описаніе Байкала и долины р. Иркута», что и было исполнено согласно его просьбѣ.

Доложено объ отношеніи Подполковника Бабкина, завѣдывающего лоцманскою и маячною частями въ портахъ Восточнаго океана, въ которомъ онъ извѣстилъ, что согласно предложенію Сибирскаго Отдѣла, онъ готовъ принять на себя трудъ веденія метеорологическихъ наблюденій на устьѣ р. Амура, и что вслѣдъ за симъ онъ представитъ свой журналъ метеорологическихъ наблюденій съ 1857 г. по настоящее время, произведенныя въ Николаевскѣ.

Доложено объ отношеніи инспекціи сельскаго хозяйства южныхъ губерній, въ которомъ учрежденіе это проситъ Отдѣлъ о высылкѣ сѣмянъ, преимущественно древесныхъ и кустарныхъ амурской флоры, въ обмѣнъ которыхъ инспекція готова будетъ сообщать всѣ хозяйственныя сѣмена, какія отъ нее потребуются для новаго приамурскаго края.

Енисейскій губернскій статистическій Комитетъ препроводилъ въ Отдѣлъ продолженіе статьи лекаря Михаила Кривошапкина «О енисейскихъ остякахъ». Определено: статью г. Кривошапкина, по разсмотрѣніи, помѣстить въ Запискахъ Сибирскаго Отдѣла.

Доложено о доставленіи въ Сибирскій Отдѣлъ священникомъ А. В. Солуцкимъ брошюры: «Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта». Определено: благодарить священ. Солуцкаго за такое приношеніе, а брошюру сдать на храненіе въ бібліотеку Сибирскаго Отдѣла.

Прочитано письмо члена—соревнователя Соловьева къ правителю дѣлъ Сибирскаго Отдѣла, въ которомъ онъ предлагаетъ о томъ, что, по случаю имѣющихся у него излишнихъ экземпляромъ рисун-

ковъ, оставшихся отъ его изданія о рѣкѣ Амурѣ, онъ желалъ бы издать въ пользу Отдѣла особый живописный альбомъ съ краткимъ къ нему текстомъ съ тѣмъ, чтобы кто нибудь изъ гг. членовъ Сибирскаго Отдѣла принялъ на себя трудъ составленія этого текста. Согласно письму г. Соловьева, г. Сельскій отозвался, что онъ готовъ будетъ заняться составленіемъ текста къ живописному альбому, о чемъ и извѣщенъ членъ—соревнователь Соловьевъ.

Доложено о письмѣ г. Кельберга къ г. правителю дѣлъ, при которомъ онъ препроводилъ различныя вещи, найденныя при вскрытіи кургановъ древнихъ племенъ Забайкальскаго края. Изъ представленныхъ г. Кельбергомъ вещей болѣе всего интересны слѣдующіе предметы: серебряная пряжка, съ начертанными на ней неизвѣстными письменами, мѣдные наконечники отъ стрѣлъ и чугунный сошникъ. При этомъ г. Кельбергъ извѣщаетъ, что съ слѣдующею почтою онъ вышлетъ подробную записку о разрытіи имъ кургановъ, совершенныхъ въ лѣтѣ настоящаго 1859 года. Определено: древнія вещи сдать на храненіе въ музеумъ Отдѣла, снять съ нихъ рисунки для приобщенія къ портфелю таковыхъ же вещей, для помѣщенія въ Запискахъ Сибирскаго Отдѣла, а г. Кельбергу изъявить особенную признательность за труды его.

Бнисейскій гражданскій губернаторъ представилъ въ Отдѣлъ образчики графита, открытаго въ Туруханскомъ краѣ, по рѣкѣ Южной Тунгускѣ, въ 400 слишкомъ верстахъ отъ ея устья. Въ отношеніи поясняется, что минералъ этотъ залегаетъ на довольно пологомъ откосѣ берега, отступя 7 сажень отъ воды и распространяется вдоль берега на 150 сажень; ширина пласта 40 сажень. Определено: покорнѣйше просить г. губернатора Падалку—невозможно ли будетъ сдѣлать болѣе подробное изслѣдованіе; присланные же образцы сдать на храненіе въ музеумъ Отдѣла.

Членъ—сотрудникъ Аргентовъ представилъ въ Отдѣлъ статью свою: «О полярной экспедиціи, предпринимаемой докторомъ Гайесомъ (Hayes)» Определено: благодарить г. Аргентова, а статью помѣстить въ отдѣленіи смѣси въ Запискахъ Сибирскаго Отдѣла.

Доложено объ отношеніи Общества, при которомъ оно препроводило въ Отдѣлъ 5 экземпляровъ: «Изслѣдованія о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ» и четыре Этнографическаго сборника, съ просьбою въ замѣнъ ихъ доставить для бібліотеки Общества нѣсколько экземпляровъ I, II и III книж. Записокъ Отдѣла. Определено: присланныя книги сдать въ бібліотеку Отдѣла, а требуемые экземпляры Записокъ переслать въ Общество.

Получены отъ Общества, въ разное время, для бібліотеки Отдѣла, слѣдующія книги: «Вѣстникъ за 1858 г.» № № 11 и 12, 3 томъ

«Сборника статистическихъ свѣдѣній о Россіи» и «Вѣстникъ за 1859 г.»

Получены отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей природы Бюллетени № № 1, 2, 3 и 4 за 1859 годъ.

Получены отъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства 5 выпусковъ «Извѣстій комитета акклиматизаціи». Определено: всѣ вышеупомянутыя книги сдать на храненіе въ бібліотеку Отдѣла.

Послѣ того правитель дѣлъ представилъ гг. присутствующимъ различныя статьи членовъ Сибирскаго Отдѣла, поступившія въ теченіи 1859 года. Определено: по предварительномъ разсмотрѣніи сочиненій, помѣстить оныя въ Запискахъ Сибирскаго Отдѣла, и по назначенію г. предсѣдательствующаго положено, прочесть въ слѣдующее за симъ первое общее собраніе слѣдующія статьи: Описаніе долины рѣки Усури, поручика Усольцева; О полярной экспедиціи, предпринимаемой докторомъ Гайесомъ (Hayes), члена—сотрудника Аргентова и глубина оз. Байкала, дѣйствительнаго члена Романова.

За симъ правитель дѣлъ предложилъ гг. членамъ Сибирскаго Отдѣла списокъ лицамъ, представляемымъ къ балотированію въ члены—соревнователи: А. К. Шепетковскаго и К. А. Кандинскаго, въ дѣйствительные члены: Б. К. Кукеля, Н. А. Кострова, Г. М. Пермикина, П. И. Кашина и въ члены—сотрудники: штабъ доктора Г. В. Вейриха.

Списокъ лицамъ, вновь предложеннымъ къ избранію въ члены—соревнователи, дѣйствительные члены и въ члены—сотрудники.

Въ члены—соревнователи:

Александръ Кириловичъ Шепетковскій, отставной полковникъ; жительство имѣетъ въ г. Красноярскѣ. Г. Шепетковскій извѣстенъ своими практическими познаніями о золотоносныхъ Енисейскихъ системахъ. Сверхъ сего онъ прислалъ въ Отдѣлъ свою статью о землетрясеніи, бывшемъ въ Красноярскѣ въ 1858 году.

Ксенофонтъ Алексѣевичъ Кандинскій, почетный гражданинъ; жительство имѣетъ въ Кяхтѣ. Онъ изъявилъ желаніе сдѣлать въ Отдѣлъ денежный взносъ, согласно § 34 устава. Кромѣ того, онъ можетъ быть полезенъ сооб-

Кто предлагаетъ.

К. К. Венцель.
И. С. Сельскій.

И. С. Сельскій.
Н. М. Турбинъ.

щеніемъ различныхъ коммерческихъ свѣдѣній по части кяхтинской торговли.

Въ дѣйствительные члены:

Болеславъ Казимировичъ Кукель, исправляющій должность начальника штаба Восточной Сибири. Ему обязанъ Сибирскій Отдѣлъ за постоянное сообщеніе тѣхъ статей, получаемыхъ штабомъ, которыя, по сущности своей, составляютъ интересные матеріалы для ознакомленія съ Восточною Сибирью.

К. К. Венцель.
К. Ѡ. Будогоскій.
И. С. Сельскій
Н. М. Турбинъ.

Члены—сотрудники: Князь Николай Алексѣевичъ Костровъ, Григорій Маркьяновичъ Пермикинъ и Николай Ивановичъ Кашинъ, извѣстны постоянными своими полезными трудами по Сибирскому Отдѣлу. Они сообщали въ разные времена нѣсколько статей по описанію различныхъ мѣстностей Восточной Сибири.

К. К. Венцель.
И. С. Сельскій.
К. Ѡ. Будогоскій.

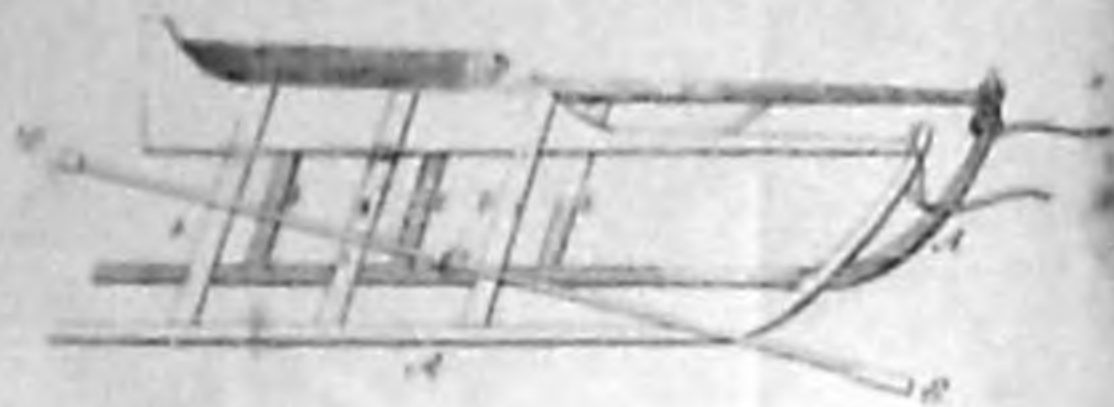
Въ члены—сотрудники:

Генрихъ Васильевичъ Вейрихъ, штабъ докторъ; жительство имѣетъ въ г. Иркутскѣ. Онъ предложилъ Сибирскому Отдѣлу постоянно заниматься веденіемъ метеорологическихъ наблюденій въ г. Иркутскѣ.

К. К. Венцель.
И. С. Сельскій.

P. 1.

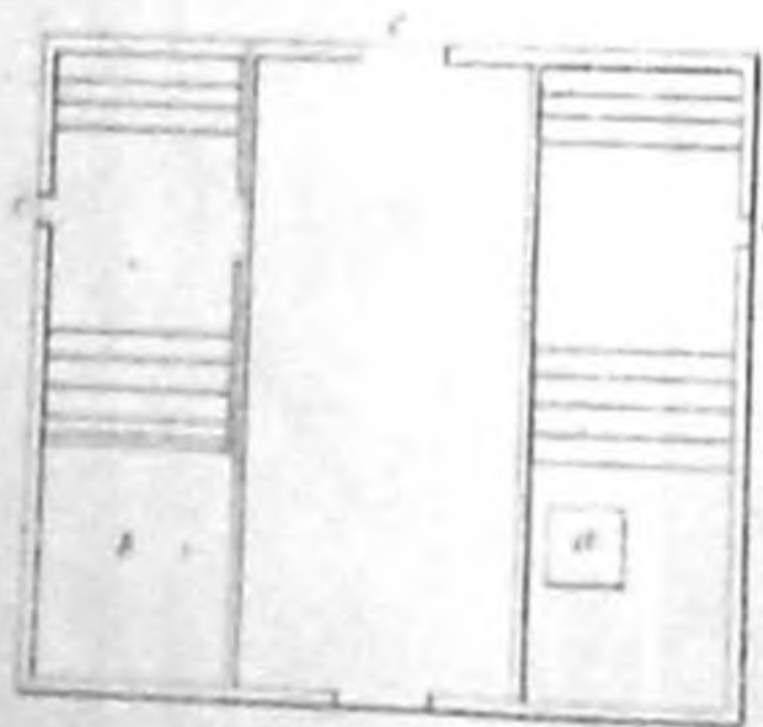
P. 2.

P. 3.

P. 4.

P. 5.

P. 6.

P. 7.

Село Анисимово

Пенза

изъ ИКУТСКА

на Чуровско-Суровскую

